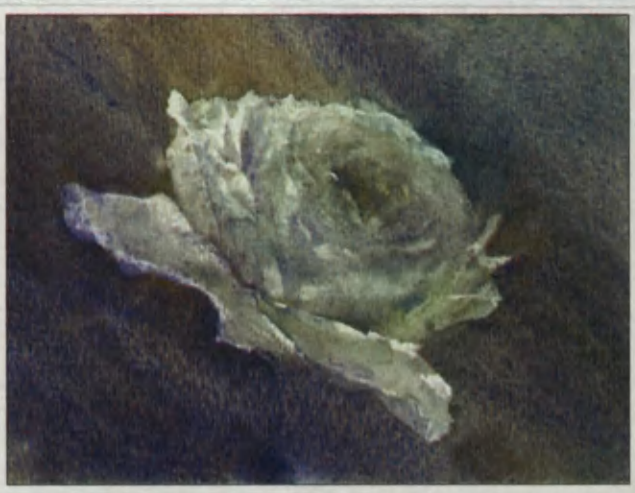
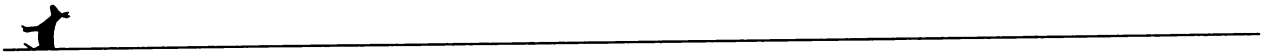
Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ



ГДЕ Я БЫЛА

ВАГРИУС

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ



Людмила
ПЕТРУШЕВСКАЯ

ГДЕ Я БЫЛА

*Рассказы
из иной реальности*

ВАГРИУС МОСКВА 2002

УДК 882-32
ББК 84Р7
П 30

Редактор серии Елена Шубина

Дизайн серии Т.Гусейновой

В оформлении переплета использована
акварель Л.Петрушевской «Роза на сером»

Охраняется законом РФ
об авторском праве.

Воспроизведение
всей книги
или любой ее части
запрещается
без письменного
разрешения издателя.

Любые попытки
нарушения закона
будут преследоваться
в судебном порядке.

ISBN 5-264-00747-0

© Издательство «ВАГРИУС», 2002
© Л.Петрушевская, автор, 2002

В ДОМЕ КТО-ТО ЕСТЬ

ЛАБИРИНТ

В тот момент, когда земля задышала, месяц выступил как бледная чешуйка на еще светлом небе, а трава уже была тут как тут, то есть апрельским вечером, девушка Д. наконец пришла на садовые участки садоводческого товарищества «Лабиринт», раскинувшего свои домики среди плодовых деревьев, уже тоже окутанных зеленым туманом.

Дом только что похороненной тетки, престарелой и нищей, выглядел почерневшим от дождей, но был вполне крепкий.

Внутри оказалось пыльно, пахло яблочной гнильцой (на просторном чердаке лежали в газетах морщинистые коричневые прошлогодние яблочки, тетка не успела их вывезти, вывезли в больницу ее самое). Две комнаты и терраса, однако, были вполне пригодны для жизни, разве что замусорены до ужаса, просто разграблены посмертными посетителями, все было высыпано как из рога изобилия.

Правда, шкаф и кое-какую мебелишку не вынесли вон, было на чем есть и спать. Хорошо также, что имелись газовое отопление

и плита, тетка прекрасно подготовилась к длинной старости. Тетка жила тут безвылазно, одиноко, никого собой не обременяя, идеальный случай, хотя слегка и тронулась, видимо, потому что соседки рассказали, что ранней весной, приехав на посадки редиса по снегу (такой способ), застали ее на участке (в последний год жизни) и спросили, каково-то было тут обитать одной, а она ответила, что я не одна, со мной Александр Блок, вон он, навещает, и она кивнула на дом. Вид у нее уже был плохой, но какой-то даже счастливый.

Д. после этих рассказов (она узнавала у соседки как раз насчет газового отопления, как включать) – Д. после такого предисловия решительно взялась за полы, вскоре развела костер из бумажных отходов, сортировать не было сил, а там мелькали письма, стихи, счета, заполненные тетради, какие-то списки, важные следы чужой жизни, гори оно огнем! Стихи она взяла в руки поинтересоваться – оказалось, действительно строчки Блока. «Мне снится берег очарованный», выцветшими чернилами с буквой ять, какое-то странное послание.

Позже она вспоминала о тех тетрадях, жалко, что сожгла, может быть, тетка что-то бы ей оттуда, из-за гроба, как-то сообщила, ведь тексты – это опыт чужих ошибок, лазейка в лабиринте, наука дуракам и т.д.

Но что сделано, то сделано, тогда еще Д. не любила свою тетку, как полюбила позже.

Короче, до самой ночи Д. устраивалась на ночлег, надо было спешить освободить хотя бы одну комнату, но, поддавшись наркотику труда, Д. не успокоилась, пока не убрала, не вылизала весь домик. Костер чужого ума горел ясным пламенем на участке, валил сладкий дым, мокрые тряпки после мытья пола и окон висели на нижних сучьях, а Д. нашла банку довольно пригодных белил и заодно, пропадая от усталости, побелила изнутри и рамы окон (снаружи завтра).

Это был такой трудовой запой, видимо, инстинкт рабочих пчел, который ведет по жизни многих и многих женщин, сладко наводить порядок на новом месте весной!

Домик сиял.

Д. была счастлива, как никогда.

Дом тетя Леля завещала именно ей, и никаких пап-мам Д. не хотела звать ни в гости, ни тем более на постой, ее семья жила шумно, откровенно, даже цинично, и Д. стремилась вон из этого вонючего людского тепла – туда, где никто не вынудит незамужнюю девушку плакать, накрывшись подушкой, особенно после откровенно-заботливых возгласов отца, что ничего, что дочь у нас не девица, заклеим бумажкой и выдадим замуж! Мать в ответ кричала: «Идиот поганый». Возникал обычный семейный круговорот, теплый, густой, как суп, ежедневный, обязательный, обезоруживающий, потому что отец страдал, уязвленный тем, что некто Миша не женился на дочери, прожил просто так два месяца в квартире, проужинал шестьдесят раз, поварился в семейном котле среди циничных, откровенных слов заранее огорченного отца («А кто он нам? Пусть идет, куда шел») и громких, не менее циничных возражений матери; за отчетный период Миша перебрал свой пуховой спальный мешок, с которым приехал к невесте, каждый вечер терпеливо разворачивал и перебирал комок за комком, затем выстирал все по отдельности в мыльной стружке, сам все приготовил: таз, тазик и ведро – опять разложил высохшее по полу, простегал крупными стежками, ни слова ни говоря, потом скатал, собрал вещи и вышел вон к ночному поезду, турист, походник, мужчина, немногословный, как полагается.

Ребенка у Д. не завязалось, Д. вообще все эти два месяца до ужаса стеснялась отца и мать, пребывающих за тонкой стенкой, они ни разу не ушли из дому, ни в кино, ни в гости, ни просто погулять, вроде бы сидели и сторожили.

Несостоявшийся зять, который все это время ночевал на полу в одиночестве, уезжал как бы временно, завязал свой рюкзак, водрузил на него спальный мешок выше головы и, наскоро простившись с плачущей Д., она лежала как в горячке на своей кровати, канул в вечность, не поняв и не приняв ничего, эту семейную атмосферу полной правды в выражениях, убрался домой куда-то за Ураль-

скую гряду, где у него была своя, в свою очередь, еще не старая мать, тоже откровенная до ужаса, которая в ответ на телефонный звонок Д. прямо сказала: «Нечего сюда звонить, поняла? У него хорошая невеста тут».

Д. решила ночевать на полу, на своих одеялах, а тахту и ребристый диван пока только протереть, насчет же выбивания пыли подумать завтра, как это выволочь во двор.

Потом она села пить чай и все думала о тетке. Почему она завещала дом именно ей, причем тайно, вызвав ее на свой вокзал, отдала бумагу, говорила кратко, глядя на Д. круглыми, очень светлыми карими глазами (цвета чая) со своего румяного, коричневатого, как печеное яблочко, худого лица. Она вроде бы опаздывала (куда?) и спешила на поезд, хотя эти поезда ходили туда-сюда каждый час.

Причем, что чудом можно было бы назвать, на среднем пальце правой руки, когда тетка заботливо сняла самовязаную коричневую шерстяную варежку, у нее обнаружилось кольцо с круглым, выпуклым ясно-коричневым камнем точно под цвет глаз. Зачем тетка его надела на вокзал? Что за щегольство?

Позже-то это кольцо нашлось, Д. его обнаружила, вернее, изумилась, увидев, но именно позже.

Отношения между теткой и ее младшей сестрой, мамой Д., были давно, с детства, плохими, мама Д. родилась, когда тетке было уже восемь лет, и ревность поселилась в ее сердце, ревность и зависть, особенно когда мама Д. выскочила замуж, тетке нравился мамин жених, это явно. Такую семейную легенду мама повторяла не раз, а отец, смеясь, не отрицал. Сама тетка так и осталась при родителях старой девушкой, проводила инвалидов на погост вкупе с их болезнями и неподвижностями, несчастная, все звонила, приглашала попрощаться с еще живыми, чего прощаться заранее, не каркай, яичница, шутил отец. Он называл свояченицу «яичница» и часто говорил: «Яичница, напиши на меня завещание, ты же одна, хоронить тебя буду я».

Д. пила чай на свободе на теткином завещанном раздолье, за чистыми стеклами сиял негаснущий майский закат.

В детстве Д. провела здесь как-то летний месяцок, уже после смерти деда и бабушки, по очень важному поводу: мама Д. легла в больницу, а отец мигом уехал в командировку, и тетя вынуждена была взять маленькую Д. на дачу. Девочка Д. заболела вскоре, плакала перед сном каждый вечер, тосковала по маме с папой, а тетка приходила к ней, брала на руки, завернувши в одеяло, как младенца, даже сшила ей специальную куклу-мальчика, Пирамидона, чтобы Д. принимала пирамидон. Тетка читала ей какие-то непонятные стихи, при этом она зажигалась чуть ли не страстью и произносила стихи с силой, а Д. капризничала и не хотела слушать. Потом все душевные раны у маленькой Д. зажили, ребенок, как кошка, должен привыкать к одиночеству, если его бросили, что делать, она и привыкла к тете, неотлучно ходила при ней в магазин, на станцию, даже поехали однажды в электричке и на автобусе на почту в райцентр звонить. Тетя заказала разговор, взяла трубку, услышала чей-то голос, но говорить не стала, сразу вышла из кабины и со скандалом взяла обратно деньги за неиспользованный разговор. Они к тому моменту уже прожили вдвоем месяц, а тут вдруг, вернувшись в «Лабиринт», тетя собрала вещички Д. и повезла ее на электричке в Москву, и там молча отдала в дверь отцу, мать тоже была дома, оказалось, мама провела в больнице только три дня, и отец сразу же вернулся, командировка была короткая, но они так, хитростью, решили заставить тетку взять маленькую Д. к себе на дачу! Свежий воздух нужен ребенку! Они проклинали тетку на все корки, они рассчитывали уехать в отпуск в военный санаторий, куда детей не брали. Уже были на руках путевки. Что же, пришлось сдавать одну путевку, и мать, ругаясь, поехала с Д. тоже в Судак, там сняла за дорого комнатку на двоих, и так и прожили недовольные двадцать четыре дня, а очень хотелось отдохнуть одним на воле без детей в военном санатории. Отец вечно опаздывал в свою палату, уходил от матери в санаторий нехотя, лазил туда в окно на первом этаже после отбоя, утром встречался с семьей недовольный, и они с мамой ругали и ругали тетю Лелю.

Так что воспоминания о тетке были самые недобрые, и почему она вдруг решила оставить Д. свою дачу, непонятно.

Но факт остается фактом, раздался звонок, далекий голос закричал: «Москва, говорите с Рузой», – и теткин еле слышный голос назначил Д. свидание на вокзале, на шестой платформе у ступенек, завтра в три.

Тетка, как уже было сказано, сияла нездоровым румянцем после двух часов пути, глаза ее были прозрачные, как полированное красное дерево, и тетка сунула Д. согнутую пополам новую бумагу со словами:

– Ты у меня одна. Я тебя вспоминала, моя голубушка, как ты часто плакала, а я тебя баюкала. Я написала в твою пользу завещание на свой дом в «Лабиринте», тебе позвонят. Под дождевой бочкой в саду на глубине лопаты будет закопана стеклянная банка с подарком. Мой поезд скоро, беги, ты опаздываешь, ты стала такая взрослая, красавица...

Д., идя домой, поразилась, никто ей не говорил никогда, что она стала красавицей, мать, наоборот, критически смотрела на Д. и была всегда недовольна ее ростом, дородностью, румянцем, кричала, что меньше есть надо булочек в институте, что сейчас не модно быть толстой, не нажирайся хоть на ночь, опять все конфеты уничтожила!

И взрослой она стала даже слишком, работала в институте уже восьмой год, в справочном кабинете, заполняла формуляры вдали, в пыли, расписывала газеты и журналы по тематике, раскладывала по папкам, ходила с женщинами из библиотеки в бассейн, сеанс по воскресеньям в восемь утра. Сутулилась. Мать кричала в бессильной муке: выпрямись, кулема!

Д. прочла в метро составленное теткой завещание, причем вспомнила, что после смерти деда мама долго настаивала на том, чтобы Леля прописала к себе Д. или хотя бы съехалась с ними, с оставшимися в живых родными, но тетка Леля даже разговаривать не хотела, бросала телефонную трубку.

Д. не стала спрашивать старуху, что с квартирой.

Теперь, сидя на дачном участке в домике тети Лели спустя столько лет, Д. снова задалась вопросом, что же случилось с квартирой, это ведь было бы большое богатство для нее, стареющей библиотечной крысы, жить с отцом-матерью становилось невыносимо, они все трое сидели как в общей камере, в заколдованном тесном кругу своих двух комнат, причем старики имели обыкновение ругаться друг с другом, а Д. лежала на своем диване и грызла что-нибудь, глядя в телевизор.

Но квартира, видимо, пропала, мать с отцом куда-то вместе ездили после извещения о Леле, мрачные возвращались, Д. ни словечка. Что-то случилось с квартирой, если тетя Леля круглый год так и жила в этом почти картонном имении, в фанерных стенах, и не показывалась в Москве. Что-то случилось. Если бы отцу с матерью удалось что-либо получить, Д. сразу же узнала бы новость по их радости, по пению отца в кухне. Мать бы оказалась единственной наследницей тети Лелиной квартиры, и Д. была почти уверена, что немедленно все было бы продано и положено на сберкнижку «на старость».

Кстати, сама Д., приехав с вокзала тогда, сразу сказала старикам, что получила от тетки Лели завещание в виде дачного домика, они ворохнулись, захотели участвовать, закипели, всполошились, но Д. твердо сказала, что тетя-то жива еще.

Когда же Леля померла в райбольнице и им позвонили, то одна Д. поехала в ту больницу, повезла деньги, которые заняла у подруги, но там, в глуши, все оказалось много дешевле, чем в городе, она заказала гроб, грузовик, яму, все.

Когда она вернулась после того первого раза, родители куксились, роптали, скучали, как малые дети, но наконец не вытерпели и произнесли свой приговор: не поедем! Вообще не поедем! И летом туда не поедем! Хотя это не одной тебе, я тоже наследница, заявила мама, обижаясь заранее.

Отец заорал, что будет приезжать на дачу, когда захочется, это общая дача семьи, ничего ты не сделаешь, родного отца не выгонишь, на что Д. робко ответила: «Родного ли?» Мать вскрикнула, отец грубо выругался, обычная вещь, заурядный разговор.

Все. Д. справилась одна, вернулась с кладбища автобусом до станции, проехала на электричке две остановки и отмахала лесом до «Лабиринта» три километра со своим рюкзачищем, открыла наспех приколоченную доской дверь (замок сорвали воры), вдохнула запах яблочной гнильцы, сырости, едкой пыли...

В рюкзаке Д. всю эту нелегкую дорогу волокла старые одеяла, подушку, бельишко, пару банок консервов и полбатона, какие-то опять же старые одежки для работы на участке – на похороны приехала с этим добром и у могилы стояла, держа рюкзак в ногах... Грузовик ушел сразу же, как только вытянули из него гроб, обратно пришлось шагать, ждать автобуса, опять мерить резиновыми сапожищами километры...

И вот теперь такая награда, чистый, теплый дом, батареи налиты горячей водой, горячая вода в чайнике, а выйдешь наружу – еще ледок на почве, холодный, свежайший воздух буквально щиплет горло не хуже газировки, захватывает дух от неба, тишины, месяца... Батон и консервы Д. умяла как мясорубка, на завтра оставались еще консервы, и что?

А было вот что: Д. обнаружила у тетки стеклянные банки с крупами, все они стояли в подполе, каждая такая банка (трехлитровая) была накрыта пустой консервной жестянкой, от крыс, и сверху придавлена булыжничком. Воры не нашли этот подпол, а там было много чего, варенья, соленья, они обнаружили другой, дверца в который была нещадно сорвана ломом, а в тот вел вход из-под шкафа, тетя Леля в свое время показала Д. эту тайну, тайничок.

Там же тетка хранила фарфоровую посуду, стопку тарелок, какие-то старозаветные молочник-сахарницу, затем новые половики, швейную машину, хорошо смазанную

маслом, инструменты и какие-то ящики, надо будет посмотреть с гвоздодером.

Но это все Д. предусмотрительно опять задвинула шкафом, примерилась, походила и вдруг постелила себе на теткиной кровати.

Однако тут же она вспомнила про слова тети Лели о том, что под бочкой в саду закопана стеклянная банка с подарком, взяла лопату и вышла на воздух. Деньги за ту тетину квартиру?

Д. стала быстро представлять себе, как купит на эти деньги себе квартиру, не век же коротать жизнь в этой хибаре. Купит квартиру, мебель... Напишет Мише... Приезжай срочно связи изменениями жизни.

В бочке было уже до половины воды со льдом, пришлось вычерпать все ведром, завалить бочку, откатить ее и только потом взяться за раскопки. Сразу же звякнула лопата, и Д. вытащила из земли грязную баночку, пустую на вид, только на донышке что-то перекатывалось.

Открыв тут же, на воздухе, пластиковую крышку, Д. опрокинула баночку себе на ладонь и увидела то самое серебряное колечко со светло-коричневым камушком: было бы что прятать!

Тем не менее Д. сняла варежку и надела кольцо на безымянный палец правой руки.

И с этим орехово-коричневым кольцом она вышла на уже темнеющем закате в сад, подернутый первой зеленью, и открыла калитку.

Она остановилась под небом и стала радоваться, душа ее буквально расцвела, и долгие годы свободы и покоя встали перед Д., переливаясь, как радуга.

И тут же Д. испугалась, услышав твердые шаги.

К ней приближался странный прохожий.

Он был в высоких кожаных сапогах, в странном полупальто и в барашковой шапке, а в руке у него была тонкая палочка. Как трость слепого.

Прохожий остановился и спросил у Д., не видела ли она тут другого такого же желтого дома. Там обитала такая красивая девушка одна, без родителей. Зовут Ольга.

Затем он помолчал и сказал Д., что вышел вслед за Ольгой, когда она вдруг куда-то исчезла, он бросился ее искать – и потерял даже дом. То есть что он пошел следом и плутает уже больше месяца.

«Больше месяца! – подумала Д. – Врет как!..»

– Я никого здесь не знаю, – чистосердечно ответила Д. и ушла, заперев калитку, и он удалился, а затем, убирая следы от своих раскопок и катя на место бочку, она опять увидела незнакомца, который двигался обратно, и вышла теперь к нему сама, и они стали обсуждать, что незнакомцу делать. То есть больше говорила сама Д., что можно идти на станцию три километра, два часа – и Москва. Надо посмотреть расписание. Должен быть еще один поезд.

Он же отвечал, что не из Москвы сюда приехал, в Москве и нет никого, уже нет.

Тут она лучше рассмотрела его: темное лицо, светлые, какие-то неземные глаза, которые все порывались смотреть вверх, как бы ища в светлых тоже небесах тот желтый дом, а может, ему было неудобно смотреть на толстую Д., румяную, здоровую, с растрепанной косой, с красными от ледяной воды руками, причем в старой куртке и замурзанных походных штанах.

Лицо у него было продолговатое, худощавое, со следами как бы неровного загара. Он был старше Д., то есть сорока с гаком лет, почти старик.

Он сказал, что ему показалось, что именно этот желтый дом ему нужен, ан опять дорога вывела не туда. Лабиринт какой-то.

– А это товарищество и называется так – «Лабиринт», – весело сказала Д. и пошла вместе с новым знакомым обходить дома и искать другое желтое строение.

Дачные поселки тут перетекали один в другой, шли десятками километров вдоль железной дороги, а новый знакомый не знал ничего, кроме «Ольга» и «М.».

Ночь все не наступала, Д. сама заблудилась в этой череде тихих песчаных улиц. Месяц сиял над садоводчеством, пели соловьи. Д. с трудом нашла даже свой дом, в окне которого мелькнул свет. «Родители приехали!» –

с ужасом подумала Д. и неуклюже сказала бедному страннику:

– А теперь позвольте откланяться!

И побежала, мотая косой, к себе за калитку.

Он остался стоять за забором, постукивая стеком по голенищу, легкомысленное постукивание для потерявшегося в лабиринте, а Д. с тяжело бьющимся сердцем взошла на крыльцо и толкнула дверь – она была не заперта, но домик оказался пустым.

В комнате горела лампочка, совершенно не нужная при стойком свете заката, бившего в окна. Д. вспомнила, что действительно оставила свет на всякий случай, чтобы не заблудиться.

Палочка уже не постукивала нигде.

Д. разделась, натянула огромную тетину полотняную рубаху, легла. Вовсю свистел один соловей. Где-то, в мокрых сапогах, голодный и бездомный, бродил неприкаянный человек. Сердце Д. уже не билось так гневно, утихло, опасность налета на дом со стороны родителей миновала, по крайней мере на сегодня, и Д. буквально начало пощипывать чувство какой-то потери, утраты, щемящей жалости. Да, умерла тетя Леля. Но главное, что рядом, в ловушках улиц, ходит человек. Искать его уже бесполезно, тут ведь лабиринт! Здесь можно ходить параллельно месяцами.

И вдруг, лежа в тетиной кровати и глядя в рассеянном свете ночи на металлические шары, Д. услышала топот, как будто кто-то тяжело бежал к дому по проулку. Тяжело, но размеренно, вроде бегуна на длинные дистанции, топ, топ, топ, топ. Пробежав мимо, остановился и стоял. Затем стукнула калитка, неуверенные шаги приблизились.

– Простите, – воскликнул глухой голос, – это не М. здесь обитает?

– Нет опять! – закричала Д. – Сейчас! Не туда! – Она быстро напялила на себя брюки, свитер и куртку, все это поверх ночной рубахи, и выскочила наружу.

Никого не было.

Д. выглянула за калитку.

Слева вдали угадывался на перекрестке тот темный силуэт в барашковой шапке.

Д. стояла и не двигалась. Что делать? На дворе уже одиннадцатый час, несчастный человек бродит и бродит.

– Идите! – крикнула Д.

И увидела, что он как-то задвигается за угол, исчезает, как резная фигурка в тире.

– Минуту! Месье! – почему-то ляпнула Д. и смутилась. Какой месье? Он уже стоял рядом с ней, глядя в небо, где светил полным светом месяц.

– Месье, вы можете зайти ко мне хотя бы на чашку чая, – сказала Д., рассматривая его худое темное лицо.

Она пошла, он двинулся за ней, вошел в дом, вытер сапоги о мокрую тряпку, снял куртку, шапку, вымыл руки, вытер льняным тетиным полотенцем и сел за стол.

На нем был глухой черный сюртук, волосы лежали овечьей шерстью.

На безымянном пальце правой руки сиял прозрачный темный камень, точь-в-точь как у тети Лели, а теперь у Д.

Д. налила незнакомцу чаю, за вареньем пришлось бы лезть в тайник, отодвигать шкаф, и поэтому Д. сказала:

– Я только приехала, не обессудьте, ничего нет, никакой провизии.

– Я уже привык, – как-то с трудом ответил «месье» и стал жадно пить еле теплый чай.

Д. вдруг спохватилась и открыла банку консервов, это были какие-то дешевые частики в томате. «Месье» подождал, пока Д. выложила кучку рыбешек ржавого вида на блюдечко, и не спеша стал есть.

Д. пока что поставила чайник на плиту.

– А где Ольга? – спросил незнакомец.

– Вы не знаете? Я ее сегодня схоронила, – ответила Д.

– Боже! – откликнулся он и перекрестился.

– Вы ее знали?

– Я бывал тут. Я вам говорил: желтый дом, девушка Ольга М.

М.! Как раз у тети Лели была фамилия на «м»! Ольга!

Он ел медленно, с трудом шевеля челюстями, очень благородно. Худая рука держала алюминиевую вилку с неуловимой грацией. Он опирался запястьями на край столешницы. Из-под рукавов виднелись безукоризненно белые обшлага рубашки.

Д. вдруг застеснялась, удалилась в комнату, хотела переодеться, но было не во что, вместо этого она сняла с себя брюки и свитер и осталась в тетиной рубахе, большой, полотняной, с кружевцами у воротника.

И в таком виде, перекинув косу на грудь, она вошла в носках и села за стол.

А прохожий уже лежал на старом диване, ровно дышал, сложив руки на груди, крупные веки его были сомкнуты, но не плотно.

Д. вернулась в тетину комнату и принесла свое одеяло накрыть ему ноги.

Чайник вовсю кипел на плите.

Д. снова села за стол и стала смотреть на пришельца, все больше узнавая его.

– Александр Александрович, – сказала она, – я постелю вам в комнате, пока отдыхайте, а потом перейдете туда.

Она пошла, накрыла тахту чистым бельем, хорошо, что взяла с собой две смены, положила сверху свою подушку и последнее одеяло, больше было нечего.

«Сама укроюсь курткой, мало ли», – подумала Д.

У тети в тайнике имелось много всего по ящикам, завтра надо будет проветрить, подсушить, постирать. Может, обнаружатся еще белье и одеяло.

Затем Д. выключила чайник, погасила свет, заперла дверь, пошла к себе и на сон грядущий взяла с тетиного столика старую, отсыревшую книжку: «Александр Блок. Стихотворения».

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

Глаза Д. были полны слез. Это ее несостоявшаяся судьба открылась, засияла вечерними огнями, повеяло тонким запахом духов, на голове плотно сидела легкая большая шляпа, платье лилового шелка шуршало в коленях, затянутое у пояса. Перчатки охватывали руки Д., зеркало отражало ее нежное, румяное лицо с большими ореховыми глазами, вьющиеся густые волосы под шляпой, блестящие коричневые брови, тонкие губы.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука...

Напрасно сожгла все бумажки, думала Д., может, там были какие-то объяснения. Хотя какие должны быть объяснения? После того как Лелю увезли в больницу, Александр Александрович испугался, пропал, заблудился, но тетино кольцо сделало свое дело, он все-таки вышел спустя месяц к желтому дому, к тому дому, где лежала на ночном столике читаная-перечитаная книжка его стихов, к своему дому на Земле...

ГДЕ Я БЫЛА

Как забыть это ощущение удара, когда от тебя уходит жизнь, счастье, любовь, думала женщина Юля, наблюдая в гостях, как ее муж сел и присох около почти ребенка, все взрослые, а эта почти ребенок. А потом он поднял ее и пошел с ней танцевать, а по дороге сказал своей сидящей Юле, показав глазами на девушку: «Гляди, какое чудо вымахало, я ее видел в шестом классе» – и радостно засмеялся. Дочка хозяев, действительно. Живет здесь. Как забыть, думала Юля на обратном пути в вагоне метро, когда пьяноватый муж (слуховой аппарат под видом очков) важно начал читать скомканную газету и вдруг смежил усталые глазенки под ярким светом. Ехали, приехали. Он сел с той же газетой в туалете и, видимо, заснул, пришлось его будить стуком, все было мелко, постыдно, а что в быту не постыдно, думала Юля. Муж храпел в кровати, как всегда когда выпьет. «Господи, – думала Юля, – ведь ушла жизнь, я старуха никому не нужная, за сорок с гаком, пропала моя судьба».

Утром Юля в одиночестве приготовила семейный завтрак и вдруг сообразила, что надо пойти куда-нибудь. Куда – в кино, на выставку, даже рискнуть в театр. Главное, с кем, одной идти как-то неловко. Юля обзвонила своих подруг, одна сидела обмотавшись теплым платком, болезнь называлась «праздник, который всегда с тобой», почки. Недолго поговорили. У другой никто не брал трубку, видимо, отключила телефон, третья собиралась уходить, стояла на пороге, заболела какая-то очередная престарелая родня. Эта подруга была одинокая, но всегда веселая, бодрая, святая. Мы не такие.

Можно было начать убираться, начальница на работе говорила: «Когда мне было плохо, вот когда диагноз поставили как у сестры, сразу после ее смерти, я пришла домой и взяла и стала мыть пол». Далее следовала история чудесной ошибки в диагнозе. А идея была такая: не сдаваться! Чистые полы!

Стирка, посуда, все раскидано после вчерашних сборов на этот противный день рождения у институтской подруги мужа. Убраться и потом думать, что никто ничего не делает, все одна только она. Муж встанет распавшийся после вчерашнего, будет смотреть на домашних неохотно, брюзжать, орать, вспоминать волшебное видение, дочь хозяев, а как же. Уйдет до ночи. Надо скрыться, скрыться куда-нибудь. Пусть сами раз в жизни. Больше нет сил.

И тут Юля вспомнила, а не поехать ли в то единственное место, где никогда не удивятся, примут и напоят чаем и выслушают, и даже постелят переночевать – то есть не поехать ли к старой дачной хозяйке, у которой жили много лет подряд, еще когда Настя была маленькая, а они с мужем Сережей надеялись на лучшее будущее. Эта дачная хозяйка была для Юли очень дорогим воспоминанием, при всех сложных отношениях с собственной матерью Юля привязалась к совершенно посторонней старушке, трогательному и мудрому существу. Она казалась Юле даже красивой, доброй и по-детски хитрой. Хотя эта баба

Аня с собственной дочерью, в свою очередь, жила много лет в разводе, если можно так выразиться, – та не ездила к матери, гуляла на полную катушку, зато оставила бабке в наследство малолетнюю Маринку, забитое черноволосое существо, боящееся чужих людей.

Вот! Когда ты всеми заброшен, позаботься о других, посторонних, и тепло ляжет тебе на сердце, чужая благодарность даст смысл жизни. Главное, что будет тихая пристань! Вот оно! Вот что мы ищем у друзей!

Юля, вдохновленная, усмехнулась сама себе, быстро все прибрала, стараясь не разбудить домашних, и пошла рыться, искать мешок со старыми Настиными вещичками, которые специально собирала для бабы Ани, помня, что у старушки внучка растет безо всякой внешней помощи.

Юля нашла даже и кое-что для самой бабы Ани, теплую кофту, и через два часа уже бежала по привокзальной площади, едва не попав под машину (вот было бы происшествие, лежать мертвой, хотя и решение всех проблем, уход никому не нужного человека, все бы освободились, подумала Юля и даже на секунду оторопела, задержалась над этой мыслью), – и тут же, как по волшебству, она уже сходила с электрички на знакомой загородной станции и, таща на себе походный рюкзак, продвигалась знакомой улочкой от станции на окраину поселка, в сторону речки.

Воскресным октябрьским днем тут было пусто, светло, ветви уже оголились, воздух попахивал дымком, баней, несло молодым вином от палого листа, печальным уютом чужой жизни за заборами и немного почему-то кладбищем, в окнах уже теплились огни, хотя еще не стемнело. Тоска, простор, белые небеса, счастье прошлых лет, когда они с Сережей были молодые, когда являлись друзья сюда на дачу, все веселились, пили, жарили шашлыки над оврагом и т.д. Помогали бабе Ане, поскольку в ее большом доме вечно что-то текло, проваливалось, требовало молотка. В те годы можно было оставить бабе Ане на вечерок маленькую Настю, они подружились с

молчаливой Маринкой. Баба Аня их укладывала спать, а Юля с Сережей ехали в город на чей-то день рождения, пили и пели до утра и могли вернуться только назавтра к вечеру, дочка была под присмотром, а баба Аня говорила – и в отпуск езжайте, я разве не пригляжу. И в отпуск поехали на две недели, на юг одни с Сережей. А бабе Ане тоже было хорошо, ей оставили деньги и продукты. Правда, когда вернулись, дочка Настя в тот же вечер от счастья тяжело заболела и лежала те же самые две недели. Весь отдых был забыт, и загар смылся, Юля не спала десять ночей, Настя чуть не помирала. Все на свете пребывает в равновесии, говорила себе Юля, идя с рюкзаком, говорила чуть ли не вслух.

Тропинка пружинила, тут почва сырая глина, так, теперь улица разветвляется, нам надо левей, мимо забора врачей. Так прозывались их соседи, действительно муж работал в санэпиднадзоре, и они по субботам выкачивали выгребную яму и поливали накопившимся добром свой сад, якобы преследуя экологически чистые цели (на самом деле чтобы не нанимать машину), и по окрестностям плыл смрад, какой всегда несется от натуральных органических удобрений. Такой же гнилой ветерок веял и сейчас (вот откуда запах кладбища).

Баба Аня в свое время смеялась над такой агрономией, она-то была специалист по зерну, работала в каком-то НИИ, даже ездила в командировки, и только выйдя на пенсию, тут, на природе, окрестьянилась, вернулась к языку нижегородских предков, клубнику упорно называла «глупнига» (второй вариант «виктория»), носила платок на голове и резиновые опорки на ногах, мочилась под кусты (вот это и удобрение!), и все у нее произрастало как от волшебного слова, само по себе. В сельской местности она поселилась давно, оставив городскую квартиру дочери, якобы чтобы ей не мешать (на самом деле это была гражданская война с разрухой для обеих сторон, чем всегда кончается гражданская война).

Юля успешно продвигалась по заросшей тропе, среди поредевшего черного бурьяна, тут вроде бы уже давно не ходили? Затем она сняла с калитки поржавевшее кольцо, употребляемое вместо щеколды, отогнала от забора отсыревшую калитку и радостно замахала в сторону дома, увидев, что занавеска на окне дрогнула.

Баба Аня дома! Она увидела Юлю и, наверно, обрадовалась, старушка всегда любила их семью.

Постучав в незапирающуюся дверь, Юля миновала холодные сени и бабахнула кулаком по холстине, которой баба Аня обшила вход в свои покои.

– Иду-иду, – отвечал глухой голосок бабы Ани.

Юля вошла в тепло, в запахи чужого дома, и сразу повеселела от этого милого духа.

– Ну здравствуйте, Бабаня! – воскликнула она чуть ли не со слезами. Приют, ночлег, тихая пристань встречала ее. Бабаня стала еще меньше ростом, ссохлась, глаза, однако, сияли в темноте.

– Я вам не помешала? – довольно спросила Юля. – Я вашей Мариночке привезла Настенькины вещи, колготки, рейтузики, пальтишко.

– Мариночки нет уже, – живо откликнулась Бабаня, – все, нету больше у меня.

Юля, продолжая улыбаться, ужаснулась. Холод прошел по спине.

– Иди, иди, – сказала Бабаня довольно ясно, – иди отсюда, Юля, уходи. Не нужно мне.

– Я вам тут привезла всего, накупила, колбасы, молока, сырку.

– Ну и забирай все. Не нужно. Забирай и уходи, Юля.

Бабаня говорила как всегда, тонким, приятным голоском, была в своем уме, но слова у нее были немыслимые.

– Что-то случилось, Бабаня?

– Да все нормально. Все нормально происходит. Иди отсюда.

Бабаня не могла так говорить! Юля стояла испуганная и оскорбленная и не верила своим ушам.

– Я чем-то обидела вас, Бабаня? Я не приезжала долго, да. Я-то вас все время помню, но жизнь...

– Жизнь и есть жизнь, – туманно сказала Бабаня. Смерть смерть.

– Времени все нет...

– А у меня времени вагон, так что иди своей дорогой, Юля.

– Но я вам все оставлю тогда... Выложу... Чтобы обратно не тащить, Бабаня.

(Господи, что же стряслось?)

– И зачем, и зачем, – ясным, скандальным голосом спросила как бы себя Бабаня. – Мне ничего уже не надо. Все. Я похоронена. Все. Что мне надо? Крест на могилу.

– Что случилось, вы можете мне сказать? – надрывалась Юля.

Дом был теплый, и в коридоре, где разговаривали Юля и Бабаня, на полу лежали, как всегда, распластанные картонные ящики для чистоты. Дверь в комнатку Бабани стояла настежь, там позванивало, как комарик, радио, там были видны через оконные стекла деревья. Все осталось таким, как было всегда. А Бабаня сошла, видать, с ума. Случилось самое страшное, что может быть с живым человеком.

– Ну я и говорю тебе, я умерла.

– Давно? – машинально спросила Юля.

– Ну уж две недели как.

Ужас, ужас. Бедная Бабаня.

– Бабаня, а где девочка? Мариночка?

– Ну я не знаю, ее на похороны не водили, Света не забрала ее к себе, я надеюсь. Света была плохая, совсем нехорошая, то ли она продала уже квартиру, короче, оборвалась вся. На ногах болячки, трофические язвы, что ли, газетами обмотаны. Меня хоронил Дима. Она так болталась, рядом. Он ее шугал, Дима.

– Дима?

– Ну вот которого она бросила с Мариночкой годовалой, а сама ушла. Год Мариночке был. Дима, Дима. Он то-

гда Мариночку сдал в дом ребенка. Я забирала-то, не помнишь. Али я не рассказывала?

– Что-то помню.

– Или не рассказывала... Много вас тут ходит. Живут, уезжают, ни письма ни весточки. Умирала одна. Упала тут. Марина была в школе.

– Вот я приехала же!

– Дима меня хоронил, но просто сжег, а вазу эту еще оттуда не взял. Меня не похоронили. Я приехала сюда. Пока что я тут временно. Света совсем плохая, бомж, бомж. Она даже не соображает, что может жить тут, Дима ее пугнул из зала крематория, когда она начала свои ноги заново в газеты обертывать. В больницу в морг ко мне она как-то дорожку нашла. А из автобуса ступила, сукровица потекла, вид нехороший. Нашла газеты в урне. Света, я же знаю, надеялась, думала выпить на поминках. Дима ее как-то разыскал, но не знал, что она уже такая. Но я здесь недолго пробуду, до сорокового дня. Потом уже-то все, прощайте с Богом. Ну все, Юля, уходи.

– Бабаня! Это все у вас усталость. Вы отдохните! Ну хотите, я с вами поживу? Мариночку найду. Она когда пропала?

– Марина пропала? Нет, ты что. Когда я брякнулась, я сначала ничего не помнила, а потом уже, когда меня стали увозить, я видела только Диму. А где Марина была? И из морга он меня забирал.

– Дима, а как его фамилия?

– Мне неизвестно, – пробормотала себе под нос Бабаня. – Что ли Федосьев. Как у Мариночки фамилия. Она Федосьева. Дай Бог ему здоровья, батюшку привел на похороны. Никого больше не было, их двое, никому не сообщили, а кому сообщать, он не ведает. Свете сообщил и прогнал навеки. Вот все жду она придет. Небось помирает.

– Мне не сообщили, – внезапно сказала Юля.

– А кто ты? Юля, ты дачница много времени назад. Ты уже сколь лет как пропала, пять лет. Марине-то уже двенадцать! Только бы она не пришла, только бы не пришла!

Пять лет, вот это да! Уже Насте пятнадцать. Подросток. Уже пять лет они не снимают дачу! У той Настиной бабушки дом в городе Славянске на Кубани. Ледяная река. Девочка возвращается оттуда совершенно чужая, дикая, курящая. Уже очевидно женщина.

– Простите меня, Бабаня!

– Бог простит, он всех прощает. Иди отсюда, не задерживайся. И тряпье забирай. Сюда уже ходят нехорошие люди. Я всем открываю. Я уже никто.

– Это не тряпье, это хорошие вещи на ребенка. Шерстяные колготки, пальто, майки.

Юля говорила, убеждая Бабаню, что все нормально, что это просто каприз больной души, брошенной всеми души, как и в Юлином случае.

– Бабаня, а я-то к вам ехала как к последнему приюту на земле.

– Такого приюта на земле нету ни у кого. Каждый сам себе последний приют.

– Думала, что вы-то меня не погоните, примете. Думала переночевать у вас.

– Нельзя, ты что, Юля, я тебе говорю. Нельзя, меня нету.

– Еду привезла, поешьте.

– Потом съешь. Иди отсюда.

– Там холодно... Небо такое здесь, воздух... Бабаня! Я так к вам ехала!

Бабаня твердо ответила:

– Я беспокоюсь о Марине. Очень беспокоюсь, где она.

– Я поняла уже, поняла. Я разыщу ее.

– Света сюда идет, погибла, но еще жива. Если бы она умерла, то была бы здесь. Но я никого не хочу видеть, поняли? Оставьте меня в покое! Где Марина? Я не хочу ее видеть! Не желаю, ясно?

Бабаня явно заговаривалась. Хочу – не хочу. Стояла твердо, загораживая узким тельцем коридор.

Юля представила себе обратный путь с тяжелым рюкзаком, с этим хлебом, свертками, литром молока...

– Бабаня, можно я сяду у вас? Ноги болят. Что-то так ноги мои болят.

– Я еще раз говорю, иди с Богом! Уноси свои ноги покуда целы!

Юля пошла мимо нее как мимо пустого места в комнату и села на стул.

От соседей в открытую форточку еще сильней понесло смрадом.

Комната выглядела брошенной. На кровати лежал завернутый тюфяк. Этого никогда не случалось у аккуратной Бабани. Кровать она всегда стелила тщательно, водружала подушку уголком под кружевной накидкой. И этот проклятый запах!

– Поставьте чайник, Бабаня, пожалуйста.

– Да нет чайника, люди пришли унесли все! – все тем же хрустальным голоском отвечала из коридора Бабаня.

– А вода-то, вода-то есть?

– И, давно уже нету, вода только в колодце, а я не выхожу-то, – прозвучало в коридоре.

– Я сбегаю за водой? – предложила из комнаты Юля. – Вы давно чаю не пили?

– Я две недели с лишним как умерла.

– Ведро есть?

– И ведро унесли.

Юля собралась с духом, встала и потопала на кухню, и нашла там полнейшее запустение. Шкафчик был раскрыт настежь, на полу лежали битые стекла, валялась на боку мятая алюминиевая кастрюлька (в ней Бабаня варила кашу). Посреди стояла пустая жестяная банка, трехлитровая, из-под консервированной фасоли. Ее когда-то привез для какого-то праздника Сережа, не открыли, обошлись печеной картошкой, банку отдали Бабане на прокорм, уезжая осенью.

Юля взяла в руки банку.

– И забирай все свое!

– Куда я это поволоку за водой.

– Бери, бери! Сумочку возьми!

Юля послушно повесила через плечо сумку и пошла с банкой вон, на улицу к колодцу. Бабаня волокла следом за ней рюкзак, но наружу, в сени, почему-то не вышла, осталась за дверью.

Юлю встретил на пороге холод, свежий ветер повеял, везде был черный бурьян, качающий сухими семенами, полное запустение покинутого участка. Она поплелась к оврагу, где был ближний колодец. Всем давно провели водопровод, только сюда, к Бабане, его не дотянули, у такой хозяюшки не бывает средств.

Кругом в овраге лежал старый мусор, почти свалка, а на борове у колодца не оказалось ведра, была только намотана ржавая капроновая веревочка. Ведро скоммуниздили, как выражалась Бабаня.

Тут закружилась голова, и кругом все стало отчетливо, ослепительно белым – но только на мгновение. Так и не потеряв сознания, Юля нашла здоровенный кривой гвоздь, вытащила из земли обломок кирпича. Пробила в борту банки дыру, причем ранила указательный палец левой руки, высосала кровушку из ранки, нашла на склоне оврага свежий листик подорожника, приложила его к ссадине, потом кое-как привязала веревочку к банке, запустила ворот. Зачерпнула, подняла свое импровизированное ведрышко, развязала веревку на ледяной банке и потащила двумя руками подальше от себя, чтобы не замочиться, причем несла полную, помня только о Бабане, у которой в доме не было ни капли воды. Пошла наверх, вон из оврага. Путь был глинистый, тяжелый, с непривычки болели ноги, скорей даже онемели. Наверху Юля поставила банку на тропу и огляделась.

Забор у Бабани был реденький, из досточек, и дом отсюда, сверху, просматривался прекрасно. Занавесок на окнах уже не было! Юля почуствовала леденящий страх, темный страх здорового человека перед сумасшествием, которое может сорвать занавески с четырех окон за семь-восемь минут.

Несмотря на это, Бабаню надо было накормить и хотя бы напоить. Вызвать врачей. Запереть дом. Найти как-нибудь Марину, Свету или Диму Федосьева. Кому тут жить, Свете беспризорной, наследнице, которая прогудит дом во мгновение ока, или тоже бездомной Мариночке, это не нам решать. Мариночку надо взять! Вот так. Такой теперь план жизни, раз уж ввязалась. Тебе хотелось уйти, вот и ушла от своей жизни и попала в чужую. Нигде не пусто, всюду эти одинокие. Сережа и Настя будут против. Сережа промолчит, Настя скажет, еще новости, ты, мама, вообще куку. Юлина мать поднимет по телефону большую волну.

Юля стояла, тяжело размышляя, понимая, что надо идти, но ноги как налились чугуном и не хотели слушаться, не хотели нести на себе три литра ледяной воды в разграбленный дом к сумасшедшей старухе, к новым тяготам жизни. Резкий ветер подул на горку, где стояла, окаменев, домашняя женщина Юля, стояла как бездомная, нищая, с единственным имуществом у ног, трехлитровой жестяной банкой воды. Резкий ветер подул, загремели черные скелеты деревьев, нарастал далекий шум, и явился арбузный запах зимы. Было холодно, зябко, явственно темнело, тут же захотелось перенестись домой, к теплому, пьяноватому Сереже, к живой Насте, которая уже проснулась, лежит в халате и ночной рубашке смотрит телевизор, ест чипсы, пьет кока-колу и названивает друзьям. Сережа сейчас уйдет к школьному дружку. Там они выпьют. Воскресная программа, пускай. В чистом, теплом обыкновенном доме. Без проблем.

Юля взяла банку обеими руками и понесла ее вниз, к Бабане, но не удержалась и поехала по глине, расплескав половину воды на себя. О Господи! Ноги болели уже довольно сильно.

Но дверь у Бабани оказалась запертой, и никто не открыл Юле, хотя она била даже больными ногами и кричала как оглашенная.

Кто-то над ней явственно, очень быстро пробормотал: «кричит».

Однако Юля знала другой путь, по приставной лестнице на чердак, и оттуда через проем, по вырубкам в стене, можно спуститься на терраску, так они не раз влезали ночью в дом, если не могли найти ключей, они с Сережей.

Банку Юля оставила у дверей.

Там, в доме, сидела обезумевшая Бабаня, без воды, да и еду она бы не смогла добыть из застегнутого рюкзака с такими-то умственными данными. Что же происходит с человеком, как он теряет все – умное, доброе, прекрасное существо становится опасливой глупой зверушкой...

Юля с трудом достала тяжеленную лестницу из-под дома, установила ее, полезла по трухлявым перекладинам, рухнула с третьей, совсем разбила ноги (сломала?). Со стоном поднялась, все-таки влезла на крышу, ведь умудрилась и руки повредить, и бока болели, голова, на один момент даже открылось опять какое-то далекое белое пространство (бред, но он быстро прошел) – затем она еле проволоклась по пыльному чердаку и спустилась на веранду, тяжелейший путь. Дверь с веранды в дом оказалась закрытой тоже. Видимо, с той стороны предусмотрительная Бабаня наладила крючок, боясь воров.

Хорошо.

Юля заплакала и забарабанила кулаком в дверь, крича:

– Анна Сергеевна! Але! Это я, Юля! Юля! Пустите меня!

Постояв и послушав в мертвой тишине (только где-то как бы посыпалось что-то, как земля, струйкой), Юля сказала:

– Хорошо, я ухожу, вода у вас под дверью в банке. Хлеб и сыр в большом клапане рюкзака впереди. И колбаса там же.

Обратный путь по зарубкам вверх был еще тяжелей, руки не слушались, цепляясь за зарубки, а спускалась Юля уже в полубреду, неизвестно как миновав сгнившую перекладину... Белый свет сверкал сквозь сумерки, белые пространства обморока.

Добравшись до станции, она села на ледяную скамью. Было дико холодно, ноги закаменели и болели как раздавленные. Поезд долго не приходил. Юля легла скрючившись. Все электрички проскакивали мимо, на платформе не было ни единого человека. Уже капитально стемнело.

И тут Юля проснулась на каком-то ложе. Опять открылось (вот оно!) бескрайнее белое пространство, как снега кругом. Юля застонала и перевела взгляд к горизонту. Там оказалось окно, наполовину заслоненное голубой шторой. В окне стояла ночь и сияли далекие фонари. Юля лежала в огромной темной комнате с белыми стенами под одеялом как под грудой развалин. Правая рука не поднималась, придавленная каким-то грузом. Юля подняла левую руку и стала разглядывать ее. Рука была бледная до прозрачности. На указательном пальце темнела большая ссадина. Это она хватила по пальцу кирпичом, когда пробивала банку гвоздем там, у дома Бабани. Но ссадина уже почти что зажила.

– Где я была? – произнесла Юля громко. – Эй! Але! Бабаня! А-аа!

Она попыталась приподняться. Но эффект был нулевой. Страшно болели ноги, вот это уж действительно. И резало в низу живота.

Никого не было.

Все-таки она приподнялась, опершись на правую руку, и осмотрелась.

Это была кровать, и от нее вниз отходила полупрозрачная трубочка.

Катетер! Ей вставили катетер! Как умиравшей бабушке когда-то в больнице. Это и есть больница. Рядом стояла еще кровать с какой-то неподвижной грудой белого.

– Але! Ой! Ура! Спасите! – закричала Юля. – Бабаню спасите! Марину Федосьевну!

Груда белого на соседней кровати зашевелилась.

Вошла заспанная медсестра в белом халате.

– Вы что орете, тише, – приговаривала она на ходу. – Тише. Перебудите всех.

– Где это? – плакала Юля. – Дайте встать! Марина Федосьева, ищите ее. Мне надо встать!

– Встанете, встанете, больная. Раз вы... раз вы пришли в сознание, тогда...

Она ушла и вернулась со шприцом. Пока делали укол, Юля мучительно вспоминала.

– Что со мной, сестра, прошу вас.

– Что с вами, переломы ног, руки, малого таза. Лежите уж. Завтра муж придет, дочь придет, мама, все расскажут. Сотрясение мозга. Очнулась – уже хорошо. А то они все ходят, все сидят бестолку. Ноги чувствуют?

– Болят.

– И хорошо.

– А где, где? Что произошло?

– Под машину вы попали, не помните? Спите, спите, под машину попали.

Юля изумилась, охнула, и тут ее накрыло, и она опять пыталась достучаться до Бабани, все хотела напоить ее. Был сумрачный октябрьский вечер, стеклышки на террасе дребезжали от ветра, болели усталые ноги и разбитая рука, но Бабаня не желала, видимо, ее принимать. А потом с той стороны стекла появились хмурые, жалкие, залитые слезами лица родных – мамы, Сережи и Насти. И Юля все им пыталась сообщить, чтобы поискали Марину Федосьеву Дмитриевну, Дмитриевну Бабаню, что-то так. Ищите, ищите, говорила она, не плачьте, я тут.

ГЛЮК

Однажды, когда настроение было как всегда по утрам, девочка Таня лежала и читала красивый журнал.

Было воскресенье.

И тут в комнату вошел Глюк. Красивый как киноартист (сами знаете кто), одет как модель, взял и запросто сел на Танину тахту.

– Привет, – воскликнул он, – привет, Таня!

– Ой, – сказала Таня (она была в ночной рубашке). – Ой, это что.

– Как дела, – спросил Глюк. – Ты не стесняйся, это ведь волшебство.

– Прям, – возразила Таня. – Это глюки у меня. Мало сплю, вот и все. Вот и вы.

Вчера они с Анькой и Ольгой на дискотеке попробовали таблетки, которые принес Никола от своего знакомого. Одна таблетка теперь лежала про запас в косметичке, Никола сказал, что деньги можно отдать потом.

– Это неважно, пусть глюки – согласился Глюк. – Но ты можешь высказать любое желание.

– И что?

– Ну ты сначала выскажи, – улыбнулся Глюк.

– Ну... Я хочу школу кончить... – нерешительно сказала Таня. – Чтобы Марья двойки не ставила... Математичка.

– Знаю, знаю, – кивнул Глюк.

– Знаете?

– Я все про тебя знаю. Конечно! Это ведь волшебство.

Таня растерялась. Он все про нее знает!

– Да не надо мне ничего, и вали отсюда, – смущенно пробормотала она. – Таблетку я нашла на балконе в бумажке кто-то кинул.

Глюк сказал:

– Я уйду, но не будешь ли ты жалеть всю жизнь, что прогнала меня, а ведь я могу исполнить твои три желания! И не трать их на ерунду. Математику всегда можно подогнать. Ты ведь способная. Просто не занимаешься, и все. Марья поэтому поставила тебе парашу.

Таня подумала: действительно, этот глюк прав. И мать так говорила.

– Ну что, – сказала она. – Хочу быть красивой?

– Ну не говори глупостей. Ты ведь красивая. Если тебе вымыть голову, если погулять недельку по часу в день просто на воздухе, а не по рынку, ты будешь красивей чем она (сама знаешь кто).

Мамины слова, точно!

– А если я толстая? – не сдавалась Таня. – Катя вон худая.

– Ты толстых не видела? Чтобы сбросить лишние три килограмма, надо просто не есть без конца сладкое. Это ты можешь! Ну, думай!

– Сережка чтобы... ну, это самое.

– Сережка! Зачем он нам! Сережка уже сейчас пьет. Охота тебе выходить замуж за алкаша! Ты посмотри на тетю Олю.

Да, Глюк знал все. И мать о том же самом говорила. У тети Оли была кошмарная жизнь, пустая квартира и ненормальный ребенок. А Сережка действительно любит выпить, а на Таню даже и не глядит. Он, как говорится,

«лазит» с Катей. Когда их класс ездил в Питер, Сережка так нахрюкался на обратном пути в поезде, что утром его не могли разбудить. Катя даже его била по щекам и плакала.

– Ну вы прям как моя мама, – сказала, помолчав, Таня. – Мать тоже базарит так же. Они с отцом кричат на меня, как больные.

– Я же хочу тебе добра! – мягко сказал Глюк. – Итак, внимание. У тебя три желания и четыре минуты остается.

– Ну... Много денег, большой дом на море... и жить за границей! – выпалила Таня.

Чпок! В ту же секунду Таня лежала в розовой, странно знакомой спальне. В широкое окно веял легкий приятный морской ветерок, хотя было жарко. На столике лежал раскрытый чемодан, полный денег.

«У меня спальня как у Барби!» – подумала Таня. Она видела такую спальню на витрине магазина «Детский мир».

Она поднялась, ничего не понимая, где тут что. В доме оказалось два этажа, везде розовая мебель как в кукольном доме. Мечта! Таня ахала, изумлялась, попрыгала на диване, посмотрела что в шкафах (ничего). На кухне стоял холодильник, но пустой. Таня выпила водички из-под крана. Жалко, что не подумала сказать «чтобы всегда была еда». Надо было добавить «и пиво» (Таня любила пиво, они с ребятами постоянно покупали баночки. Денег только не было, но Таня их брала иногда у папы из кармана. Мамина заначка тоже была хорошо известна. От детей ничего не спрячешь!). Нет, надо было вообще сказать Глюку так: «И все что нужно для жизни». Нет, «для богатой жизни!» В ванной находилась какая-то машина, видимо, стиральная. Таня умела пользоваться стиралкой, но дома была другая. Тут не знаешь ничего, где какие кнопки нажимать.

Телевизор в доме был, однако Таня не смогла его включить, тоже были непонятные кнопки.

Затем надо было посмотреть что снаружи. Дом, как оказалось, стоял на краю тротуара, не во дворе. Надо было сказать: «с садом и бассейном». Ключи висели на медном крючке в прихожей, у двери. Все предусмотрено!

Таня поднялась на второй этаж, взяла чемоданчик денег и пошла было с ним на улицу, но обнаружила себя все еще в ночной рубашке.

Правда, это была рубашка типа сарафанчика, на лямочках.

На ногах у Тани красовались старые шлепки, еще не хватало!

Но приходилось идти в таком виде.

Дверь удалось запереть, ключи девать было некуда, не в чемодан же с деньгами, и пришлось оставить их под ковриком, как иногда делала мама. Затем, напевая от радости, Таня побежала куда глаза глядят. Глаза глядели на море.

Улица кончалась песчаной дорогой, по сторонам виднелись маленькие летние домики, затем развернулся большой пустырь. Сильно запахло рыбным магазином, и Таня увидела море.

На берегу сидели и лежали, прогуливались люди. Некоторые плавали, но немногие, поскольку были высокие волны.

Таня захотела немедленно окунуться, однако купальника на ней не было, только белые трусики под ночной рубашкой, в таком виде Таня красоваться не стала и просто побродила по прибою, уворачиваясь от больших волн и держа в одной руке тапки, в другой чемоданчик.

До вечера голодная Таня шла и шла по берегу, а когда повернула обратно, надеясь найти какой-нибудь магазин, то перепутала местность и не смогла найти тот пустырь, откуда вела прямая улица до ее дома.

Чемодан с деньгами оттянул ей руки. Тапки намокли от брызг прибоя.

Она села на сыроватый песок, на свой чемоданчик. Солнце заходило. Страшно хотелось есть и особенно

пить. Таня ругала себя последними словами, что не подумала о возвращении, вообще ни о чем не подумала – надо было найти сначала хоть какой-нибудь магазин, что-то купить. Еду, тапочки, штук десять платьев, купальник, очки, пляжное полотенце. Обо всем у них дома заботились мама и папа, Таня не привыкла планировать, что есть, что пить завтра, что надеть, как постирать грязное и что постелить на кровать.

В ночной рубашке было холодно. Мокрые шлепки отяжелели от песка.

Надо было что-то делать. Берег уже почти опустел.

Сидела только пара старушек да вдали вопили, собираясь уходить с пляжа, какие-то школьники во главе с тремя учителями.

Таня побрела в ту сторону. Нерешительно она остановилась около кричащих, как стая ворон, детей. Все эти ребята были одеты в кроссовки, шорты, майки и кепки, и у каждого имелся рюкзак. Кричали они по-английски, но Таня не поняла ни слова. Она учила в школе английский, да не такой.

Детки пили воду из бутылочек. Кое-кто, не допив драгоценную водичку, бросал бутылки с размахом подальше. Некоторые, дураки, кидали их в море.

Таня стала ждать, пока галдящих детей уведут.

Сборы были долгие, солнце почти село, и наконец этих воронят построили и повели под тройным конвоем куда-то вон. На пляже осталось несколько бутылочек, и Таня бросилась их собирать и с жадностью допила из них воду. Потом побрела дальше по песку, все-таки вглядываясь в прибрежные холмы, надеясь увидеть в них дорогу к своему дому.

Внезапно опустилась ночь. Таня, ничего не различая в темноте, села на холодный песок, подумала, что лучше сесть на чемоданчик, но тут вспомнила, что оставила его там, где сидела перед тем!

Она даже не испугалась. Ее просто придавило это новое несчастье. Она побрела, ничего не видя, обратно.

Она помнила, что на берегу оставались еще две старушки.

Если они еще сидят там, то можно будет найти рядом с ними чемоданчик.

Но кто же будет сидеть холодной ночью на сыром песке!

За песчаными холмами давно горели фонари, и из-за этого на пляже было совсем уже ничего не видно. Тьма, холодный ветер, ледяные шлепки, тяжелые от мокрого песка.

Раньше Тане приходилось терять многое – самые лучшие мамины туфли на школьной дискотеке, шапки и шарфы, перчатки бессчетно, зонтики уже раз десять, а деньги вообще считать и тратить не умела. Она теряла книги из библиотеки, учебники, тетрадки, сумки.

Еще недавно у нее было все – дом и деньги. И она все потеряла.

Таня ругала себя. Если бы можно было начать все сначала, она бы, конечно, крепко подумала. Во-первых, надо было сказать: «Пусть все, что я захочу, всегда сбывается!» Тогда бы сейчас она могла бы велеть: «Пусть я буду сидеть в своем доме, с полным холодильником (чипсы, пиво, горячая пицца, гамбургеры, сосиски, жареная курица). Пусть по телику будут мультики. Пусть будет телефон, чтобы можно было пригласить всех ребят из класса, Аньку, Ольгу, да и Сережку!» Потом надо было бы позвонить папе и маме. Объяснить, что выиграла большой приз, поездку за границу. Чтобы они не беспокоились. Они сейчас бегают по всем дворам и всех уже обзвонили. Наверное, и в милицию подали заявление, как месяц назад родители хиппи Ленки по прозвищу Бумажка, когда она уехала в Питер автостопом.

А вот теперь в одной ночной рубашке и в сырых шлепках приходится в полной тьме блуждать по берегу моря, когда дует холодный ветер.

Но уходить с пляжа нельзя, может быть, утром повезет первой увидеть свой чемоданчик.

Таня чувствовала, что стала гораздо умней, чем была утром, при разговоре с Глюком. Если бы она оставалась такой же дурой, то давно бы уже покинула это проклятое побережье и побежала бы туда где теплей. Но тогда бы не оставалось надежды найти чемоданчик и улицу, где стоял родной дом...

Таня была полной дурой еще три часа назад, когда даже не посмотрела ни номер своего дома, ни названия улицы!

Она стремительно умнела, но есть хотелось до обморока, а холод пронизывал всю ее до костей.

В этот момент она увидела фонарик. Он быстро приближался, как будто это была фара мотоцикла – но без шума.

Опять глюки. Да что же это такое!

Таня замерла на месте. Она знала, что находится в совершенно чужой стране и не сможет найти защиты, а тут этот страшный бесшумный фонарик.

Она свернула и потрюхала в своих тяжелых, как утюги, шлепках по кучам песка к холмам.

Но фонарик оказался рядом, слева. Голос Глюка сказал:

– Вот тебе еще три желания, Танечка. Говори!

Таня, теперь уже умная, хрипло выпалила:

– Хочу, чтобы всегда мои желания исполнялись!

– Всегда? – спросил голос как-то загадочно.

– Всегда! – ответила, вся дрожа, Таня.

Откуда-то очень сильно воняло гнилью.

– Только есть один момент – произнес Невидимый с фонариком. – Если ты захочешь кого-нибудь спасти, то на этом твое могущество кончится. Тебе уже ничего никогда не достанется. И тебе самой придется худо.

– Да никого я не захочу спасти, – сказала, трясясь от холода и страха, Таня. – Не такая я добренькая.

– Ну говори свое желание, – произнес голос, и запахло еще и отвратительным дымом. Гниль и дым, как на помойке.

– Хочу оказаться в своем доме с полным холодильником, и чтобы все ребята из класса были, и телефон позвонить маме.

И тут же она в чем была – в мокрых тапочках и ночной рубашке оказалась, как во сне, у себя в новом доме в розовой спальне, а на кровати, на ковре и на диване сидели ее одноклассники, причем Катя с Сережей на одном кресле.

На полу стоял телефон, но Таня не спешила по нему звонить. Ей было весело! Все видели ее новую жизнь!

– Это твой дом? – галдели ребята. – Круто! Класс!

– И прошу всех на кухню! – сказала Таня.

Там ребята открыли холодильник и стали играть в саранчу, то есть уничтожать все припасы в холодном виде. Таня пыталась подогреть что-то, какие-то пиццы, но плита не зажигалась, какие-то кнопки не срабатывали. Потребовалось еще мороженое, пиво, Сережка попросил водки, мальчики сигарет.

Таня потихоньку, отвернувшись, пожелала себе быть самой красивой и все то, что заказали ребята. Тут же за дверью кто-то нашел второй холодильник, тоже полный.

Таня сбегала в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Волосы стали кудрявыми от морского воздуха, щеки были как розы, рот пухлый и красный без помады. Глаза сияли не хуже фонариков. Даже ночная рубашка выглядела как кружевное вечернее платьице! Класс!

Но Сережка как сидел с Катей, так и сидел. Катя тихо ругалась с ним, когда он открыл бутылку и стал отпивать из горлышка.

– Ой, ну что ты его воспитываешь, воспитываешь! – воскликнула Таня. – Он же тебя бросит! Я все всем разрешаю! Просите чего хотите, ребята! Слышишь, Сережка? Проси у меня что хочешь, я тебе все разрешаю!

Все ребята были в восторге от Тани. Антон подошел, поцеловал Таню долгим поцелуем, как ее еще никто в жизни не целовал.

Таня торжествующе посмотрела на Катю. Они все еще сидели на одном кресле, но уже отвернулись друг от друга.

Антон спросил на ухо, нет ли травки покурить, Таня принесла папироски с травой, потом Сережка заплетаю-

щимся языком сказал, что есть такая страна, где свободно можно купить любой наркотик, и Таня ответила, что именно здесь такая страна, и принесла полно шприцов. Сережка с лукавым видом сразу схватил себе три, Катя пыталась вырвать их у него, но Таня постановила – пусть Сережка делает что хочет.

Катя замерла с протянутой рукой, не понимая, что происходит.

Таня чувствовала себя не хуже королевы, она могла все.

Если бы они попросили корабль или полететь на Марс, она бы все устроила. Она чувствовала себя доброй, веселой, красивой.

Она не умела колоться, ей помогли Антон и Никола. Было очень больно, но Таня только смеялась. Наконец у нее было множество друзей, все ее любили! И наконец она была не хуже других, то есть попробовала уколоться и не испугалась ничего!

Закружилась голова.

Сережка странно водил глазами по потолку, а неподвижная Катя злым взглядом смотрела на Таню и вдруг сказала:

– Я хочу домой. Мы с Сережей должны идти.

– А что ты за Сережу выступаешь? Иди одна! – еле ворочая языком, сказала Таня.

– Нет, я должна вернуться вместе с ним, я обещала его маме! – крикнула Катя.

Таня проговорила:

– Тут я распоряжаюсь. Поняла, гнида? Иди отсюда!

– Одна я не уйду! – пискнула Катя и стала смотреть, не в силах шевельнуться, на совершенно бесчувственного Сережку, но быстро растаяла, как ее писк. Никто ничего не заметил, все валялись по углам, на ковре, на Таниной кровати как тряпичные куклы. У Сережки закатились глаза, были видны белки.

Таня залезла на кровать, где лежали и курили Ольга, Никола и Антон, они ее обняли и укрыли одеялом. Таня

была все еще в своей ночной рубашке, в кружевах, как невеста.

Антон стал говорить что-то, лепетать типа «не бойсь, не бойсь», зачем-то непослушной рукой заткнул Тане рот, позвал Николу помочь. Подполз и навалился пьяный Никола. Стало нечем дышать, Таня начала рваться, но тяжелая рука расплющила ее лицо, пальцы стали давить на глаза... Таня извивалась, как могла, и Никола прыгнул на нее коленями, повторяя, что сейчас возьмет бритву... Это было как страшный сон. Таня хотела попросить свободы, но не могла составить слова, они ускользали. Совсем не было воздуха и трещали ребра.

И тут все вскочили с мест и обступили Таню, кривляясь и хохоча. Все открыто радовались, разевали рты. Вдруг у Аньки позеленела кожа, выкатились и побелели глаза. Распадающиеся зеленые трупы окружили кровать, у Николы из открытого рта выпал язык прямо на Танино лицо. Сережа лежал в гробу и давился змеей, которая ползла из его же груди. И со всем этим ничего нельзя было поделать. Потом Таня пошла по черной горячей земле, из которой выпрыгивали языки пламени. Она шла прямо в раскрытый рот огромного, как заходящее солнце, лица Глюка. Было нестерпимо больно, душно, дым разъедал глаза. Она сказала, теряя сознание: «свободы».

Когда Таня очнулась, дым все еще ел глаза. Над ней было небо со звездами. Можно было дышать.

Вокруг нее толпились какие-то взрослые люди, сама она лежала на носилках в разорванной рубашке. Над ней склонился врач, что-то ее спросил на иностранном языке. Она ничего не поняла, села. Ее дом почти уже сгорел, остались одни стены. На земле вокруг лежали какие-то кучки, накрытые одеялами, из-под одного одеяла высовывалась черная кость с обугленным мясом.

– Хочу понимать их язык, – сказала Таня.

Кто-то рядом говорил:

– Тут двадцать пять трупов. Соседи сообщили, что это недавно построенный дом, здесь никто не жил.

Врач утверждает, что это были дети. По остаткам несгоревших костей. Найдены шприцы. Единственная оставшаяся в живых девочка ничего не говорит. Мы ее допросим.

– Спасибо, шеф. Вам не кажется, что это какая-то секта новой религии, которая хотела массово покончить с собой? Куда завлекли детей?

– Пока я не могу ответить на ваш вопрос, мы должны снять показания с девочки.

– А кто владелец этого дома?

– Мы все будем выяснять.

Кто-то энергично сказал:

– Какие негодяи! Загубить двадцать пять детей!

Таня, трясясь от холода, произнесла на чужом языке:

– Хочу, чтобы все спаслись. Чтобы все было как раньше.

Тут же раскололась земля, завоняло немыслимой дрянью, кто-то взвыл как собака, которой наступили на лапу.

Потом стало тепло и тихо, но очень болела голова.

Таня лежала у себя в кровати и никак не могла проснуться.

Рядом валялся красивый журнал.

Вошел отец и сказал:

– Как ты? Глаза открыты.

Он потрогал ее лоб и вдруг открыл занавески, а Таня закричала, как всегда по воскресеньям: «Ой-ой, дайте поспать раз в жизни!»

– Лежи, лежи, пожалуйста, – мирно согласился отец. – Вчера еще температура сорок, а сегодня кричишь как здоровая!

Таня вдруг пробормотала:

– Какой страшный сон мне приснился!

А отец сказал:

– Да у тебя был бред целую неделю. Мама тебе уколы делала. Ты на каком-то языке даже говорила. Эпидемия гриппа, у вас целый класс валяется, Сережка вообще в

больницу попал. Катя тоже без сознания неделю, но она раньше всех заболела. Говорила про вас, что все в каком-то розовом доме... Бред несла. Просила спасти Сережу.

– Но все живы? – спросила Таня.

– Кто именно?

– Ну весь наш класс?

– А как же, – ответил отец. – Ты что!

– Какой страшный сон, – повторила Таня.

Она лежала и думала, что в косметичке, которая была спрятана в рюкзаке, находится таблетка с дискотеки, за которую надо отдать Николе деньги...

Ничего не кончилось. Но все были живы.

В ДОМЕ КТО-ТО ЕСТЬ

Кто-то явно был в доме. Войти в маленькую комнату – в большой что-то упало. Посмотреть где кошка – она сидит на столике в прихожей, отражаясь в зеркале, ушки торчком, тоже что-то явно слышала. Пойти в большую комнату – там упал сам собой лист бумаги с пианино, листок с телефоном неизвестно чьим, неслышно слетел и отчетливо белеет на ковре.

Кто-то неосторожен – думает хозяйка квартиры – кто-то уже не скрывается.

Человек всегда боится присутствия неизвестных тварей, боится насекомых, мелких муравьев в ванной, боится, допустим, единичного пьяного таракана, прибежавшего, похоже, с места побоища от соседей в наркотическом состоянии, т.е. сидит на видном месте. Всего боится человек, оставшийся наедине с кошкой жить, все куда-то делись, вся предыдущая семья, оставив сидеть такого человеческого таракашку одного на видном месте.

Особенно что ни суббота-воскресенье, то падают вещи и кто-то тайно, неслыш-

но перешмыгивает из комнаты в комнату, такое впечатление.

Женщина никому не говорит о своем полтергейсте, еще Тот прячется и не стучит, не хулиганит, не поджигает, холодильник не скачет по квартире, не загоняет в угол, то есть нечего жаловаться.

Однако уже что-то поселилось, какая-то живая пустота, по росту маленькая, егозящая, подсмыкивающая по полу, такое впечатление. Кошка недаром таращит ушки.

– Что, ну что, – разговаривает женщина с кошкой, кошка тихая и странная, как все кошки. Не идет под руку, не любит, когда ее втаскивают на колени, а вдруг сама прыгнет и ляжет в неподходящее время. – Ну что ты боишься, Лялечка, ну успокойся.

Кошка уворачивается от руки и отходит.

Хозяйка смотрит телевизор до упора и, погруженная в голубоватое излучение, уплывает в сладкие миры, пугается, заинтересована, скучает, то есть живет полной жизнью. Хозяйка положения тут, на диване. Бац! Опять рухнуло в маленькой комнате.

Рухнуло жутко, громыхнуло, отдалось эхом.

Вбежав, женщина оцепенело стоит. Оборвалась полка с пластинками. Причем пластинки разлетелись повсюду, пыльными веерами лежат на неубранной диван-кровати, на полу. Если бы там кто-то (ясно кто) спал, пластинка углом бац в висок. Но не случилось. Теперь: в стене две рваные темные раны, выпали гвозди, которые когда-то вбивал Некто, не будем вспоминать. То есть это не гвозди, а как-то они иначе называются. Это был целый подвиг, большая история почти любви. Понадобилась дрель.

Но эти негвозди были вбиты в конце концов, и в конце концов все рухнуло.

Полка лежит на пианино, отсюда такой дикий гром с резонансом как в горах.

Пианино тоже была история, маленькая девочка училась играть на нем. Мама настаивала. Заставляла, сажала.

Ничего не вышло. Упрямство победило. Упрямство, которым человек защищается от чужой воли. Отстаивает свою жизнь. Пусть эта жизнь получится хуже чем кто-то запланировал, беднее, но своя, какая ни есть, хоть без музыки, без талантов. Без семейных выступлений для родни. Однако и без ненужных страданий, что кто-то лучше. Мама очень страдала, якобы другие дети талантливей ее дочери. Дочь это часто слышала и отомстила матери, став совсем никудышной, с точки зрения обеих сторон.

Затем все растворилось, эти взаимоотношения отцов и детей, осталось пианино и старые пластинки. Мама скупала классическую музыку. Мама по телефону обсуждала жизнь своей дочери, раскрывая перед подругой (разбрасывая веером как ненужное) чужие тайны. Теперь ни мамы ни дочери, ни полки. Женщина стоит на пороге, пораженная картиной разрушения, ни мать ни дочь. На этой постели уже не спать, все порушено, пропитано пылью, грязно. Надо менять белье. Надо мыть, стирать, поставить все в ряд (где?).

Женщина отступает в большую комнату, закрывая дверь маленькой как бы навсегда.

Хоть бы поймать за мерзкий, полувидимый хвост Того кто это все устроил. Зачем? Умереть от ужаса и омерзения. Ведь Его не убить, не раздавить каблуком. Значит, ловить не надо.

Тот, кто все рушит, он чего-то хочет, добивается. Как та мать добивалась от дочери. Если понять чего Он добивается, то можно (как уже было раньше) перебить Ему интерес, лишить Его перевеса. Есть такой прием, идти навстречу. Как пожар зажигают в лесу навстречу идущему пожару, если они встретятся, то оба погаснут!

Так, например, мать пуще своих глаз берегла немецкий кофейный сервиз, то ли на черный день, то ли в виде накопления на случай похорон, а когда дочь в припадке гнева бросила чашечку на пол (дзынь!), то мама хладнокровно стала бросать весь сервиз, предмет за предметом, с размаху на пол (ддрянь!), и дочь чуть не сошла с ума,

схватилась за голову, а мать сказала: «Если я умру, и у тебя ничего пускай не будет».

Но вот вопрос: хочет ли Тот полного разрушения или хочет просто выгнать на улицу?

Из дому уходить нельзя. Некуда. Может быть, даже кто-нибудь захочет вернуться (думает мать-дочь). Значит, остается остаться, но если Тот сеет разруху, надо превозмочь это своей силой. Ответить как Кутузов Наполеону, чтобы стало неуютно внутри своей позиции. Мудрое решение. ТОТ будет повержен.

Решиться на это было сначала трудно, потом легче.

Побила на кухне всю посуду, раскидала по квартире. Сняла с большим трудом и грохнула висячий шкафчик поверх черепков. Теперь: увидела, что этот самый шкафчик как раз и держался уже еле-еле на своих шурупах, когда она его снимала. То есть один шуруп так и вылез из стены вслед за шкафчиком, как рыбка из пруда. Легко-легко. Да и шкафчик уже почти расклеился, задняя стенка, оказалось, отстала в уголке, отошла. Стало быть, этот шкафчик и была первая кандидатура на срыв со стены и на погибель всей посуды! Причем возможно, что и на голову внизу стоящему!

Мать-дочь взбодрилась. Надо же, какое предвидение! Был сделан один шаг навстречу, и вскрылась такая предподготовка! Воля поперек воли!

Ночевала на диване в большой комнате, потом день подождала.

Дождалась. Шуршнуло в маленькой комнате, где пыль, пластинки веером, где со вчера гром стоит в воздухе. Вошла. Там готовилось, видно, нечто. Там стояла вечно разложенная тахта, постель обычно убиралась в нижний ящик под матрац. (С некоторых пор прекратились эти уборки постели, зачем?)

Теперь м-д (мать-дочь) взяла молоток с гвоздодером на конце и подняла пружинный матрац, свезя пластинки в кучу. И гвоздодером начала выдирать какие-то шурупы, придерживающие механизм подъема матраца. Трудно бы-

ло это делать, согнувшись в три погибели! Пришлось буквально на коленях влезать в ящик и там орудовать во тьме и пыли. Но уже со второго шурупа стало ясно, что он держится буквально на соплях! Шурупы полувылезли сами! То есть еще день-два – и механизм бы отказал. Ни поднять ни опустить. Опять произошло предупреждение теракта! Опять Тот умылся!

Диван теперь нельзя было поднять и сложить. Так тому и быть. Замусоренный, пыльный, с грудой пластинок в сердцевине, в скомканных простынях, он остался навеки таким, как памятное гиблое место, которое надо обходить за километр. Как место гибели в землетрясении.

Опять упреждение и Тому наперекор.

Но требовалось идти впереди событий, не хватать то что уже идет в руки, а искать нетронутое, целое.

Ударом молотка разбила телевизор. Слегка грохнуло. Это был старый телевизор, но показывал он еще исправно, хотя и в черно-белом варианте уже.

Нельзя было найти ничего лучше для придуманного плана борьбы. Если Тот хотел бы сделать совсем жуткий удар, он бы взорвал к такой матери именно телевизор. И только представить по последствиям: раны на лице (позиция всегда была сидя близко к экрану) и общий пожар квартиры. То есть все в углях. И вынос тела в полиэтиленовом пакете, что осталось. По тому же телевизору показывали такие ужасы.

И именно эта точка была наиболее больной. Телевизор служил для м-д всем. Содержанием, счастьем и основой домашнего очага, именно к телевизору она всегда спешила с улицы, из магазина. Для телевизора она брала бесплатное рекламное приложение, где печатались программы. И потом не выбрасывала эти программы, думала над ними, вспоминала.

Но кров над головой ценился по принятой (там) шкале еще выше, тут было над чем подумать.

Чтобы не заостряться теперь на этой страшной дилемме (жить или не жить), м-д выгребла из гардероба

ВСЕ и сложила в мешок из-под картошки, вытащила его из-под рухляди в стенном шкафу. Эта рухлядь была давно на выброс (но не сейчас этим заниматься), старые жакеты-юбчонки-калоши, все на тряпки и как вариант для поездки в село, на случай эвакуациии и войны, к примеру. Голода, к примеру. Также там хранились старые занавески и одеяла, начиная с детских – спасение, если не будут топить зимой, как было в блокаду. В стенном шкафу копилась спрессованная нищета, а в гардеробе нынешняя жизнь. Итак, долой все из гардероба в мешок!

Уже опустилась тьма, и м-д, взгромоздивши этот мешок из-под картошки на специально открытое окно, вывалила свой груз в пустое пространство за окно. Там оказались кофты, платья, пиджак, пальто. Белье нижнее. Шарфы, перчатки, шапки, берет, одна шляпа, пояса, косыночки. Целые зимние толстые колготки. Брюки. Свитеров три шт. Юбки две широкие, одна прямая, конвертом. И затем – постельное белье, чистое, пахнущее свежестью и туалетным мылом. Полотенчики все. Наволочки и простыни, пододеяльники, один с вышивкой. О Боже. Но не в пожаре спалены.

Вслед за тяжелым мешком в открытое окно отправилась картина со стены в золотой раме и три стула один за одним.

Внизу заорали, какая-то ругань, мат, глухой мужской крик.

Она поспешно закрыла окно. Все.

Надеть теперь было нечего, только халат, под ним ночная рубашка и трусы.

Легла на диванчик, подостлав старые телевизионные программы. Одеяло и подушки остались в маленькой комнате как жертвы землетрясения. Укрылась новым рекламным приложением.

Утром, хорошо выспавшись, м-д подумала, что уже ничего не боится, совершенно ничего, и теперь даже не страшно было совсем бросить свою теперешнюю жизнь, быт, крышу над головой.

Начался постепенный отход из квартиры. Пооглядевшись вокруг, м-д ступила за порог, забыв ключи в сумочке на столе. Но не забыв выпустить кошку на лестницу.

Можно было оставить кошку запертой, но она не представляла собой большой ценности (якобы) и не стоила того, чтобы бросать ее в пасть Того. То есть принесение в жертву живого существа как бы не планировалось. М-д делала хуже себе. Вопрос был – кому будет хуже – кошчонке или м-д, когда м-д начнет жить безо всего, но как бы слыша затихающее мяуканье почти мертвой запертой Ляльки. У м-д начались самоуговоры насчет кошки, что именно для кошки жертва будет больше. Кому она нужна ее морить голодом. Так, случайное животное, снятое с дерева.

Равнодушно и стараясь не думать, мать-дочь решила кошку выгнать. И тут произошел казус, смешная история. М-д была готова к жизни на воле, но кошка нет. Когда м-д взяла кошку рукой и перевесила через локоть, собираясь выйти вон, кошка задрожала мелкой дрожью, как кипящий чайник. Как электричка перед отходом. Как тяжело больной ребенок в ознобе. Она тряслась, видимо, испугавшись за свою жизнь.

– Чего, – плавно сказала м-д, – чего боимся? Ну все, все. Ты же всегда рвалась. Ну и иди! Живая иди!

Кошка, да, всегда рвалась на лестницу, караулила у дверей, надоедая своими хриплыми стонами. Орала ночами. Но выпускать ее было опасно, домой она могла и не вернуться. Все-таки м-д любила животное. Не сейчас, правда.

Веселая, оживленная, она спустила кошку с рук на лестничной площадке и захлопнула за собой дверь, все!

В халате и шлепанцах, она стояла на вершине своей судьбы, сама себе хозяйка, победившая Того. Здесь он может шуршать и перебегать сколько угодно, в этих огромных открывающихся пространствах.

Кошла сидела на хвосте как пришибленная. Она сгорбилась, ссутулилась и как-то призадумалась. Женщина, опустившись уже на пол-лестницы, обернулась и поглядела вверх. Кошка оцепенело смотрела перед собой, глаза у

нее стали совсем как бельма, зрачки обратились в мелкие зернышки, утонувшие в зеленоватой массе, заполнявшей глазницы. Мордочка казалась облизанной. Черепушка вдруг вылезла и обрисовалась под черной шерстью. Смерть сидела на лестнице, одетая тощей шкуркой.

Женщина чуть не заплакала. Кошка готовилась к своей гибели. Ее ожидала улица, отпущенные на волю собаки, голод. Кошка не могла бороться за жизнь, она не знала как спастись. Сегодня же ее погонят из подъезда, саданут ботинком по ребрам после первой же налитой лужи.

М-д остановилась в своем торжествующем движении вниз. Она подумала, что кошка расползется на клочья, как все расползлось – посуда, стулья, телевизор, одежда.

Тот мог торжествовать полную победу.

«Слишком уж, – подумала м-д, – такому ничтожному все».

«Обойдется, – решила женщина, – что это я так сразу поддалась ему на испуг!»

– Нет, – сказала она, – Лялька ни в чем не виновата.

Лялька сидела как чучело кошки, вылупив стеклянные мутные глазки. Хвост ее, обычно энергичный, который тонко выражал все мысли организма, теперь лежал пыльной мертвой веревочкой. Вся шерсть уже была пыльной, тусклой, больной.

Женщина тут же взяла Ляльку в руку, прижала локтем ее окаменевшее тельце и позвонила соседям, а оттуда энергично позвонила диспетчеру и села на предложенный стул ждать плотника.

Затем, когда была вскрыта дверь, женщина вошла в свое разгромленное жилище, спустила Ляльку на пол и оглядела хозяйство новыми глазами. Как будто все тут было новое, чужеватое, интересное.

Обувь сохранилась в прихожей! Из посуды остались живы все кастрюли и миска с кружкой! Ложки-вилки! «Какая роскошь!» – подумала женщина, которая уже готова была пастись там, внизу, на улице, у мусорного кон-

тейнера, чтобы найти себе баночку для питья воды и заплесневелый кусок хлеба на пропитание.

– Нашла бы я себе такую роскошь на помойке? – лепетала женщина, открыв холодильник, в котором стояли две тарелки, мелкая и глубокая, с вареными (!) плодами земли. С картошкой и свеклой. И баночка с супом! И мисочка с рыбкой для Ляли!

В квартире было все. Теплое, довольно чистое со стороны кухни жилище, краны работают, ванна, вода бежит, мыло, телефон! А постель! Простыня и пододеяльник есть, какая удача. Пластинки на диване и проигрыватель в углу, забытый, когда-то кто-то любил слушать музыку в этом доме... Мать или дочь.

Мать-дочь быстро убрала расколотую вдребезги посуду (да ладно, не первый случай в данном доме), совершила ряд путешествий к мусорному контейнеру, причем, когда она в третий раз вывалила туда мешок с осколками и мусором, двое мужчин в грязной, засаленной одежде и с сумами через плечо осторожно приблизились, подождали и тут же склонились над помойкой, едва только м-д отошла. Они вели себя как тени людей, стелющиеся, гнущиеся в разные стороны, незаметные, черные.

М-д наведалась и под окно. Разумеется, мешок давно прибрали. Кто-то будет ходить в ее свитерах, брюках, а она, свободная, бродит ничего не имея. Да!

Придя в свою чистую, выметенную, помытую квартиру, м-д прежде всего удивилась своей прежней нерешительности (не выбросила продукты, не разбила внутренность холодильника, оставила все лампочки в целости).

Женщина затем спохватилась, достала рыбку из холодильника и положила Ляльке в лакушку.

Лялька, однако, все еще сидела как столбик, закоченев посреди прихожей, и глаза ее все еще напоминали виноградины, очищенные, без кожицы, с еле видной косточкой внутри.

Дыхание смерти, видно, поморозило ее пугливую душу.

Женщина не стала утешать кошку, задача была одна – как можно скорее вернуть все в прежний вид, тогда кошка тоже придет в себя.

И, как часто бывает, если один член семьи нерешителен, трусит или пребывает в истерике, то второй член семьи взбодряется и буквально взлетает на крыльях, чтобы спасти положение. Женщина забегала еще быстрее, поставила полку на пианино, на ней умостила пластинки, понесла постельное белье в ванную, быстро простирнула и повесила. Полотенца, по счастью, нашлись в виде одного кухонного на крючке и двух на трубе в ванной.

– Ничего! – бормотала Ляльке хозяйка. – Прорвемся!

Мало того, м-д тут же нашла отвертку и укрепила шурупы (хорошо не выкинутые), и быстро сложила тахту в дневное положение, спинкой вверх.

Все!

И как легко было разрушать, а как тяжело ремонтировать, восстанавливать, приводить в порядок. Как трудно сгибаться, лезть в углы, собирать осколки, выносить, вкручивать, вытаскивать! Хуже всего было с телевизором. Пришлось дождаться ночи и выбросить его из окна полным напряжением сил, а затем там, внизу, разбитый остов легче было взвалить на тележку и отвезти к мусорному контейнеру.

Как война прошлась по мирной жизни м-д, как война.

Пусто выглядела большая комната без стульев и телевизора.

Однако же и безо всего может обойтись человек, если он выжил. Смотреть было нечего, но зато выступил из тьмы целый шкафчик книг. М-д поставила любимую когда-то пластинку, старинные танго!

Затем, под звуки музыки, она стала разбирать рюкзаки и чемоданы со старой одеждой. Вся жизнь прокрутилась перед ней, как кинохроника. Любимые тени ожили и окружили ее, хотя почти ничего из тряпья не налезло на м-д, уже располневшую от сидения перед ящиком (видимо). Хорошо. Имелось несколько кусков ткани, в уголке шка-

фа таилась старая швейная машинка, и кое-какую юбку можно было сварганить к тем старым трикотажным кофтам, которые еще налезали.

Тем более что м-д давно уже носила только самое завалященькое, а чистое и почти новое берегла для какого-то особого случая, для выхода в люди (который случай все не наступал).

Тут же, по пути, м-д собрала еще мешок старого рванья и негодной обуви, помня о тех черных тенях, которые получили от нее в подарок груду битых черепков.

Господи, какая новая жизнь открывалась теперь перед м-д, а вот кошка все сидела остолбенев, как много переживший человек, и все глядела в одну точку мутным, невидящим взором.

Вдруг кошка подняла уши. Скрипнул пол где-то там.

Женщина усмехнулась.

Ясно, что дом усаживается, ссыхается, половицы трескаются, это раз. Затем, во всех квартирах вверху, внизу и по бокам живут живые люди, у них кто-то бегает, что-то рушится, портится, чинится, движется, житуха такая, громко произнесла женщина, адресуясь, как всегда, к кошке.

Лялька же, подвигав ушками, легко поднялась с корточек и пошла на кухню, загребая передними лапами как тяжелая тигрица, что было странно при ее тщедушном сложении. Затем она деликатно присела перед своей лакушкой в угол носом, склонилась и взяла кусочек, тряхнув головой: решила продолжать жить.

ВОЗМОЖНОСТЬ МЕНИППЕИ. ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Заметки к докладу на конференции «Фантазия и реальность»

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Один старый человек очень хотел куда-то уйти. За свою долгую жизнь он и на море успел побывать, и в горах, которые особенно любил, и на севере, и на юге. Но все это были скучные, обязательные по-ездки – заранее покупался билет, жена собирала вещи, и путешественники приезжали по точному адресу и уезжали в назначенное время.

Как-то раз рано вечером, когда летнее солнце уже скрывалось за домами, а вся семья где-то там, за городом, села пить чай в маленьком доме – наш старый человек тоже собирался ехать к ним на дачу, – итак, вдруг в потолке открылся квадратный люк, как будто он всегда там был и вел на чердак. Старый человек не испугался, а обрадовался, поставил стул на стол, забрался наверх и, подтянувшись, залез на чердак, в темное, сухое и высокое пространство. То есть он понимал, что это невозможно – наверху, на шестом этаже, жили люди, которые вечно топали, перекрикивались и ночами заводили музыку...

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

...повторяла я про себя, идя вверх по узкой древней улице города Н.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

...но теперь тут старого человека встретила тишина, высоко во тьме угадывалась крыша, а вдали сияло что-то – окно или открытая дверца.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

...и еще я думала о том, насколько странной выглядит моя собственная нынешняя поездка сюда, в этот незнакомый маленький город Н., который привиделся мне вчерашней ночью на шоссе, когда некто Александр, широко размахивая обеими руками, вез меня на своей машине по извилистой горной дороге. Это было

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Александр смеялся, рассказывал какие-то истории, бурно жестикулируя. Кажется, речь шла о том, какой он хороший водитель. Я сидела рядом с ним (так называемое место смертника) и размышляла, довольно тупо, о том, что еще секунда, и мы с ним и с его очень взволнованной женой, которая со смехом поддакивала своему мужу с заднего сиденья, еще секунда – и мы окажемся на дне темной пропасти, которая угадывалась за мелькающими сбоку огоньками заграждения.

Это маленькое расстояние между жизнью и смертью видится человеку в редкие минуты его жизни. Даже когда

он подозревает, что есть шанс попасть в авиакатастрофу или, например, отравиться, и в его мозгу возникает яркая картина последствий (вплоть до похорон), даже тогда он редко сворачивает с пути, сдает билет или выплевывает в тарелку кусок жареной рыбы фугу, которую ему подали в японском ресторане.

Мне очень хотелось сказать моему веселому шоферу, что я больше не хочу ехать в его машине.

Но как это сделать? Не следовало его обижать, тем более что другой возможности вернуться в гостиницу не было, этот Александр любезно согласился подвезти меня из приморского ресторана, где был шумный праздник, обратно в наш отель, – мы жили там все вместе как участники конференции под названием «Фантазия и реальность».

Собственно говоря, я сразу увидела, что он сильно пьян и возбужден, как только мне на него указали. Он стоял у своей машины какой-то темный, оскаленный как собака. Как осужденный на казнь. Лицо его было искажено гримасой гибели (складки от носа ко рту, безвольно повисшая нижняя губа).

Была еще одна возможность, попытаться взять такси. Но где оно тут, в этом городишке в час ночи, и потом, до нашего отеля километров сорок. То есть довольно большие деньги. Нас здесь только кормили и содержали в тепле, как подопытных животных, а также оплатили нам проезд, все.

Как каждый нормальный человек я, стало быть, не сдала свой билет на самолет и не выплюнула подозрительную рыбу фугу на японскую тарелку.

И вот этот жуткий путь, мелькают огоньки, водитель не касается руками руля и кричит о том, что никогда не попадал в автомобильные катастрофы, а жена повторяет с заднего сиденья: «Да, Александр гениальный шофер!» Мне очень хочется возразить, что гениальными шоферами набиты все кладбища мира, но я молчу.

Мы находимся в стране великих писателей (правду сказать, в каждой стране есть свои великие писатели),

и я вдруг думаю, что – весьма возможно – погибнув на этом шоссе, я окажусь в некоей новой «Божественной комедии», и там, в сумрачном свете Лимба, в круге первом, но вовсе не на сияющем зеленом холме, а попроще, в писательской столовой на чердаке какого-то деревянного дома (туда надо подниматься по широкой лестнице), и там сидят за столиками Данте, Боккаччо, Буццатти, Толстой, Чехов, Джойс, Пруст. У нас в России есть такие дома творчества. И в них действительно встречаются за столом разные писатели, и новенькому в таком месте приходится на первых порах довольно тяжело.

И вот я, рухнув с Александром в пропасть, окажусь в этой писательской столовой, и свободное место будет только за столом, где сидят вместе Толстой, Чехов и Бунин. Я подойду, а они на меня уставятся, особенно будет недоволен Толстой... Да и те двое...

Смешные, конечно, мысли возникли тогда у меня, а вслух я сказала, что боюсь, когда водитель не касается руля. Да еще ночью, да еще на такой скорости, да еще на горной дороге. Я не сказала «да еще и такой пьяный».

Может быть, перспектива ужина за одним столом с неприветливыми, хмурыми русскими классиками мне, кандидату на тот свет, представилась не слишком привлекательной.

– Оу! – воскликнул Александр с громким, довольным смехом. (Его глупая жена поддержала его смех, а мы неслись почти среди облаков, темных ночных облаков, виляя на мокром шоссе туда-сюда, как собачий хвост). – Ооу! Вы еще не знаете, как я умею водить!

– Эйех! Охохо! – взвизгнула его бешеная жена, и наша собака опять резко вильнула могучим хвостом, и я невольно крепко прижалась к горячему боку водителя, чтобы через мгновение оказаться прижатой к дверце.

Александр делал все, чтобы я, не теряя ни секунды, оказалась в компании Чехова и Толстого. Я совершила еще одну попытку спастись:

– Ой, мне нехорошо, я выйду! Остановите! Я пойду пешком!

– Ой! Сейчас-сейчас мы приедем, осталось двадцать минут всего! – завопил буйный Александр, размахивая руками, как испанская танцовщица с кастаньетами. Как же он поворачивал руль? Неужели он управлял машиной так же, как это делают в цирке клоуны на одноколесном велосипеде? То есть усилием воли?

Я представила себе, как трудно будет родным получить мое тело оттуда, из пропасти, и как сложно будет отлепить меня от Александра.

Мы опять вильнули, и я поочередно присосалась сначала к Александру, потом к боковому стеклу. Я посылала родным и любимым прощальный привет, летя в темных небесах. Я воображала себе, однако, почему-то рай. Рай в той простой форме, которая много раз была уже изображена, допустим, маленькими голландцами: овечки, олени, кусты, реки и горы в кудрявых деревьях – и ни одного человека. Внизу подпись: «РАЙ».

Как это, погодите (ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ): один старый человек очень хотел куда-то уйти.

Я ведь еще не написала это!

За всю свою длинную жизнь он и на море побывал, и в особенно любимых им горах, и на севере, и на юге. А я это не написала! Не успела!

И теперь (ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ), летя в кромешной тьме при взрывах дьявольского хохота моего подозрительно загорелого и очень пьяного водителя, а также лохматой как ведьма его жены, я подумала о великом Данте, о его остроумной идее разместить своих врагов сразу в аду!

Этот жанр называется «Мениппея», рассказ, действие которого происходит в загробном мире.

И это тот доклад, который я, видимо, тоже уже не успела прочесть на конференции «Фантазия и реальность»!

И, летя на предельной скорости в ночной тьме по горному шоссе, быстро приближаясь при этом к недовольно-

му Толстому и Чехову, я думала: какой роскошный это жанр, мениппея, мениппова сатура!

Какой это роскошный жанр, что автор в письменном виде отомстит всем врагам, изобразив их в аду, превознесет своих любимых и сам при этом безнаказанно останется парить над миром как пророк.

Но, поскольку наша конференция «Фантазия и реальность», созванная, по-моему, с одной исключительно целью – заполнить этот пустующий зимой отель – посвящена как раз теме фантазии, то мне будет позволено здесь поговорить о каком-то одном аспекте мениппеи, о проблеме перехода из реальности в фантазию.

ЖАНР МЕНИППЕИ

будущий доклад

Я бы назвала этот переход как-нибудь просто, трансмарш. И я бы предположила, если бы осталась в живых (тут я снова поздоровалась с дверью, с лобовым стеклом и, затем, с Александром), что тип трансмарша может быть разный.

То ли это действительно переход, явное для читателя действие (как в «Божественной комедии» Данте), явный трансмарш, то ли все происходит совершенно незаметно для читателя, и это трансмарш тайный.

Допустим, герой (а с ним и читатель) давно уже находится на том свете, но еще не подозревает об этом. Вот мы – мы простодушно мчимся, виляем, как тяжелая нижняя часть танцора, исполняющего старинный танец твист. И так же простодушно мы не понимаем, что давным-давно уже взорвались, ударившись о скалы там, внизу, и гром и вспышка света, дым и гарь, запах паленого уже разнеслись по ущелью.

Но мы мчимся, едем, приезжаем в свой отель, разбредаемся по номерам, принимаем душ как живые люди, ло-

жимся в постели, читаем на ночь журнальчик или смотрим телевизор, а уже в пять утра к нам в номера беспрепятственно, открыв дверь запасными ключами, войдут люди и, не обращая внимания ни на какие возмущенные возгласы, начнут просматривать и собирать наши разбросанные вещи, отвечать на вопросы полицейских, искать наши паспорта...

– Вы что, вы куда! – завопит разбуженный Александр, но его никто не услышит, и сквозь него, который вскочил и ищет свои трусы, прошел и сел на кресло полицейский, а дежурный сквозь жену Александра поднимает ее подушку, проверяя, не осталось ли там чего...

Это как раз второй тип переходного периода в мениппее, тайный трансмарш.

Если только это будет мениппея, а не простенький рассказ из американского сборника фантастики.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Снова серия поцелуев: боковое окно – Александр – то же окно. Энергичный кивок в сторону лобового стекла, это Александр показывает свое умение тормозить.

Продолжаю составлять мой будущий доклад в экстремальной обстановке возможной мениппеи.

ЖАНР МЕНИППЕИ

будущий доклад (тезисы)

1. Существует такой вариант: читатель понял, что переход (трансмарш) совершен, герой уже ушел в загробный мир, а герой все никак не догадается (как в вышеописанном случае).

2. Или герой уже догадался и испугался, а читатель еще не догадался, но уже боится.

3. Или автор прямым текстом говорит о трансмарше (В «Божественной комедии» Вергилий сразу сообщает Данте: «Я не человек, я был им» и дальше: «Иди за мной»).

4. Бывает и хуже – читатель ничего не понял.

Но самое замечательное – что можно смешать все типы трансмарша, и тогда вас поймет только очень тонкий и умный читатель (не тот, из пункта № 4 «Тезисов»). То есть повествование начинается на этом свете, но безо всякого объявления вдруг оказывается на том. Нечто в роде путешествия, нормального путешествия. И все нормально заканчивается. Все живы. Герои приехали куда стремились – но вот беда, страна очень странная, люди все одеты в белые хитоны, ничего не едят и только водят хороводы... Причем временами отталкиваются от предметов и летают.

Это такая игра с читателем. Повествование-загадка. Кто не понял – тот не наш читатель. Но кто понял – – – О читатель, который все понимает!

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Какой странный у нас слалом – все вверх и вверх, вжжик! Вжжик! (Привет, дверь! Прощай, дверь, привет, Александр!)

– О, за нами кто-то едет! А ну дай им в морду, Александр!

Меня вдавливает в спинку сиденья, как космонавта. Мы идем вверх крутыми зигзагами. Хорошо, что на этом ночном мокром шоссе пока что все едут в одну сторону, от моря. И никто не догадается помчаться ночью от отеля к морю! Тогда бы точно это был уже лобовой таран, исследуемый нами жанр и трансмарш!

– Александр! Этот Шумахер отстал! Фак ю! «Формула один»! – кричит сзади пока еще не вдова.

– Оу йес! – вопит водитель, маша обоими кулаками в воздухе, в пятидесяти сантиметрах над рулем.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

– О мой читатель, – повторяла я, трясясь и временами прыгая в стороны, как жрец религии вуду, находящийся в трансе, – о мой читатель! Я еще в самом начале своей литературной деятельности знала, что он будет самым умным, самым тонким и чувствительным. Он поймет меня и там, где я скрою свои чувства, где я буду безжалостна к своим несчастливым героям. Где я прямо и просто, не смешно, без эпитетов, образов и остроумных сравнений, без живописных деталей, без диалогов, скупо, как человек на остановке автобуса, расскажу другому человеку историю третьего человека. Расскажу так, что он вздрогнет, а я – я уйду освободившись. Таковы законы жанра, который называется новелла.

И свои жуткие, странные, мистические истории я расскажу, ни единым словом не раскрывая их тайны... Пусть догадываются сами.

Я спрячу ирреальное в груде осколков реальности.

(Но мне, честно говоря, долго пришлось ждать своего читателя. Меня запретили сразу, после первого же рассказа! Моя первая книжка вышла спустя двадцать лет.)

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

(Неожиданный поцелуй в плечо Александра. Грубый поцелуй в дверцу.)

Да, я могла бы прочесть свой доклад, если бы мне не встретился этот кошмарный Александр, у которого была одна заветная мечта – участвовать в «Формуле 1» – и эта

мечта осуществлялась только ночью, в дождь, в пьяном виде и по горной дороге! И зимой! Такой сложнейший вид спорта!

Он ездил в специально ухудшенных условиях плюс без рук, как ребенок на велосипеде, плюс без скафандра. Он, видимо, презирал водителей «Формулы 1». Днем, на хорошей трассе, да с механиками, да на болиде, который стоит миллионы долларов! Это каждый дурак может!

Он искал своих ценителей, непризнанный гений, и его жена вслух восхищалась им.

Это была, видимо, их маленькая тайна, ночные гонки.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Ну что ж, я их понимаю – в литературе я тоже не пользовалась ничем, никакими подсобными средствами, выскакивала на опасную дорогу и гнала вперед на дикой скорости, пугая своих случайных пассажиров (вас, читатели!).

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

И вдруг на повороте шоссе, на той, дальней стороне огромной пропасти, там вдруг мелькнул туманный, светящийся, сонный городок – он лепился вокруг скалы, и плоские крыши, как черепица, наслаивались друг на дружку, и выступали из тьмы арки с колоннадами, ворота, узкие переходы, крутые лестницы, храмы со шпилями, и все венчал высокий замок с башней наверху и с мощным прожектором. Город был как кружево старинного чайного цвета, он мелькнул на фоне темного, бархатного неба и скрылся за поворотом (вжжик!)

– Что, – закричала я. – Мне надо! Срочно! Стойте! Это что было? – Александр пожал плечами. – Сколько километров до отеля?

– Еще пятнадцать! – маша руками и ногами, крикнул Александр, и я опять тесно к нему прижалась, как сирота на похоронах, но только на секунду. Потом я столь же бурно пожаловалась дверце. Видимо, так нерегулярно качало пассажиров в тонущем «Титанике».

Затем прошла ночь, и утром за завтраком я кисло поздоровалась с Александром. Он выглядел тусклым, бледным, и он меня почему-то не заметил, прошествовал рядом как мимо пустого места. Жены не было с ним.

В зале, куда я вошла, завтракало несколько человек, и они тоже не ответили на мое приветствие, правда, довольно тихое. Жужжали свое.

Я налила себе кофе, но пить почему-то не стала.

За окнами погодка была тусклая, моросил еще вчерашний дождик.

Я вернулась из ресторана в номер, где все оказалось мгновенно убранным и выглядело как вчера вечером, когда я ввалилась сюда после страшного ночного путешествия и плюхнулась на гладко застеленное ложе.

Горничная так быстро все убрала! Впечатление было, что я здесь и не ночевала!

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Спустя час я уже ехала в местном синем автобусе в сторону моря. Где-то там, на пятнадцатом километре от отеля, должен был находиться мой волшебный ночной город, который вчера так туманно сиял на фоне темных небес. Я заняла хорошее место у окна. Так удобно ехать куда-то в даль и на ходу сочинять.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Итак, один старый человек очень хотел куда-то уйти...

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Этот город, его арки, зубчатые стены, храмы, башни, колоннады, вчера он медленно вращался вокруг скалы, заворачиваясь винтом, увлекая внутрь своей воронки, я туда еду, рассказывая сама себе –

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Как будто бы один старый человек очень хотел куда-то уйти. За свою длинную жизнь он побывал и на море, и в своих любимых горах, и в степях, и на севере, и на юге, но все это были скучные поездки, предназначенные для семейного отдыха, заранее покупался билет, жена собирала чемоданы, сумки, путешественники приезжали по точному адресу и уезжали в назначенное время.

Как-то раз рано вечером, когда летнее солнце уже клонилось к горизонту, а вся семья где-то там, за городом, села пить чай в маленьком доме – наш старый человек тоже собирался ехать к ним на дачу, – как вдруг в потолке открылся квадратный люк, как будто он всегда там был и вел на чердак.

Старый человек не испугался, а обрадовался, поставил стул на стол, забрался наверх и, подтянувшись, залез на чердак, в темное, сухое и высокое пространство.

То есть он понимал, что это невозможно – наверху, на шестом этаже, жили люди, которые вечно топали, перекрикивались и ночами заводили музыку.

Но теперь тут была тишина, высоко во тьме угадывалась крыша, а вдали сияло что-то – окно или открытая дверца.

Старый человек пошел на свет и обнаружил там прорубленную в крыше неровную сияющую дыру, в нее свисали длинные сухие нити.

Человек осторожно вылез и оказался на большом лугу, который шел до самого горизонта, и приходилось стоять по колено в цветах.

Оглядевшись, человек посмотрел себе в ноги и увидел какую-то небольшую нору, типа кротовой. Она медленно осыпалась и на глазах затягивалась травой.

Как-то вроде получалось, что там, внизу, под этой травой, остался большой дом, улицы, провода, потоки машин, летний вечер пятницы, заходящее солнце, множество людей.

Там, на том же нижнем уровне, под травой, должна была, видимо, оказаться и вся семья старого человека, его бедные дети, его суровая жена и вечно обиженная совсем старая мама.

Но эта мысль как-то прошла мимо человека, чтобы уже больше не возвращаться. Он постарался отогнать, забыть ее.

Его очень заинтересовала теперешняя жизнь, ее высший уровень, этот луг, над которым стояло теплое, нежаркое солнце. Тут поддувал душистый ветерок с запахом зелени и сладкими ароматами цветов, кажется, что мелких гвоздик, – и этот простор радовал душу, он был виден до самого края земли, до каких-то лесов в синей дымке и даже до гор на горизонте.

И старый человек зашагал куда глаза глядят. Ему встретилось несколько низких плодовых деревьев, вишня с почти черными спелыми ягодами, широко раскинувшаяся слива, на ветвях которой плоды висели попарно вниз головой, как красногрудые попугайчики, а потом он увидел и яблоню с прекрасными белыми, чуть ли не прозрачными плодами, которые так и манили попробовать их. Но человек опасался, что где-то рядом окажутся хозяева, и им не понравится такое вольное поведение, и он поборол искушение.

Затем пошли кусты роз, диких старинных роз, и каждый цветок был похож на блюдечко белой пены, розовой в сердцевине, а из зеленых бутонов высовывались красные клювы будущих цветов.

Под кустом спелой малины человек увидел первое живое существо – сначало от испуга дрогнуло сердце, когда в тени что-то резко шевельнулось.

Но это оказался маленький зайчонок, который дернул ухом. Человек нагнулся и погладил это живое творение по спинке. Шерсть была прохладной и шелковистой, как у кота. Зайчик не испугался, не отпрыгнул, а вместо этого прижался к ноге человека и только что не замурлыкал.

Вдали, как оказалось, паслась олениха с детенышем, а в глубине этой пасторали, у блеснувшей воды, ни много ни мало как обозначилась длинная шея пятнистого жирафа!

«Попал в зоопарк, вот это да», – подумал человек.

Все подступало к глазам постепенно.

Проявились густые, кудрявые заросли, усыпанные крупными цветами, и пошла петлять зеленая река, в которой отражались ивы.

Ни единого местного жителя не было видно здесь, и старый человек поймал себя на чувстве страха и неудобства. Встретить в таких райских местах аборигенов – это почти точная гарантия, что тебя погонят отсюда в какие-то пустынные области, где земля голая и каменистая, где холодно и свищут ветры, метет снег и нет приюта.

Красивые места все распределены давным-давно, думал человек.

Однако никто из двуногих не появлялся.

Раньше, блуждая по лесам и полям вокруг своей дачи (у семейства имелся какой-то смешной, почти фанерный домишко, поставленный еще отцом-умельцем на клочке земли, а также почти японский по своим размерам садик, где все было поделено на грядки-посадки, где постоянно попадались под ноги шланги, ведра и тяпки для прополки) – блуждая в окрестностях, старый человек постоянно уходил от тесного семейного мирка, старался никого не видеть, но в своих скитаниях он частенько натыкался на таких же блуждающих людей, которые смотрели на него пустыми, чужими глазами, как

бы отталкиваясь. Он сам, наверно, так же смотрел на них.

Из своих странствий старый человек обычно приносил домой диковинные камешки, которые находил в ручьях и на дорогах. У него был нюх, инстинкт собирателя, он умел обнаруживать древние окаменелости, отпечатки раковин и растений на совершенно неприметных серых камешках, иногда даже попадались хорошие большие экземпляры, и он волок их домой с трудом, на плече – но, когда он торжественно вываливал свой улов дома, то семья как-то не разделяла его восторгов, посмотрят из вежливости и разойдутся, куда опять эти булыжники... Дети, его мальчики, не разделяли любви отца к диковинам. Не удалось также и вызвать в них особой привязанности. Всему мешала жена, которая относилась к мужу как к школьнику, который не учит уроков. Старому человеку печально было в семье и жалко старую мать, которая бесконечно жаловалась.

Теперь он оторвался ото всех и был один, вернее, не один, потому что маленький заяц все не отставал от него, прыгал около ног клубочком, как котенок.

Единственное существо, которое когда-то любило старого человека безусловно, это был черно-белый кот Мишка, существо, подобранное в погибающем виде у помойки. У этого помоечного котенка была еще и ранка на ухе, и первая жена боялась заразиться, но болячку удалось вылечить, остался только шрам в виде полоски.

Кот Миша обычно ждал возвращения старого человека с работы как восхода солнца. Он спал всегда у хозяина под боком. Когда все смотрели телевизор, Мишка глядел на своего хозяина, как бы молясь, не моргая, вылупив свои желтые очи, и все это продолжалось часами.

Потом Миша исчез. Прошло лет двадцать. У старого человека уже была другая семья, а он все еще не мог завести себе нового кота. Он жил с уверенностью, что встретит Мишку.

Старый человек остановился и подобрал зайчонка, а потом дунул ему в мордочку и сунул себе за пазуху. Зайчик

сразу угрелся, подобрал свои холодные уши и лапки и, видно, заснул. Это был не кот, чтобы мурчать, но от него шло тепло. Так вот, бывало, засыпал у него за пиджаком Мишка, взятый на прогулку.

Мишка однажды пропал, когда старый человек – тогда еще вполне молодой – приехал домой после долгого отсутствия. И тут же нужно было, положив вещи, срочно бежать на работу.

Мишка тогда помолился у ног своего хозяина, потоптался и прыгнул к нему на колени. Тут же он замурчал, закружился, прилег, блаженно закрыв глаза, но его сняли на пол. Больше его никто не видел. Видимо, сильно соскучившись, кот выскочил из дома вслед за своим божеством, побежал вдогонку, отстал и заблудился.

Старый человек долго искал Мишку вместе со своей дочерью.

Она, теперь уже совсем взрослое существо со своими детьми, а тогда небольшая, день и ночь плакала по коту, и вдвоем с отцом они вешали объявления на домах и остановках, ходили по квартирам.

Однажды, поздно вечером, испытывая привычную тоску в груди, старый человек (тогда еще не старый) вдруг почувствовал, что что-то кончилось, оборвалось. Боль отпустила, страх за Мишку отпустил. Человек понял, что Мишки больше нет на свете, его страдания прекратились. Он уже не голодает, не плачет, не зовет, его не дерут чужие коты, не преследуют собаки, ему не холодно. Все.

Вскоре после этого его жена ушла с детьми к другому человеку, мотивируя это тем, что ей надоело врать, надоело прыгать из койки в койку, а здесь ее не любят.

И та жизнь кончилась.

А теперь, шагая по короткой густой траве, среди высоких цветов, летним нежарким полднем, старый человек не чувствовал ни усталости, ни голода. Было хорошо. Все время открывались новые пространства, впереди его ожидали горы, обещая подъемы и панорамы, спуски и ручьи, а в ручьях обещая дивной красоты камни. Может

быть, лиловые аметисты или прозрачные розовые агаты. Было весело и прекрасно, комок пуха за пазухой согревал душу.

И вдруг впереди, за деревьями, обозначилось что-то человеческое, прямоугольное. У природы не может быть таких форм. Это была крыша дома. Старый человек насторожился и хотел было обойти дом за километр по кругу, однако прятаться было еще хуже, получилось бы как воровство. Все равно найдут и попросят уйти в еще более грубой форме.

Надо же узнать, в конце концов, где мы с Иваном находимся, подумал человек. Он уже успел назвать зайца Иван.

Хотя в глубине души человеку как раз ничего не хотелось знать. Так иногда бессонной ночью не хочется смотреть на часы, чтобы не пугаться.

Он понимал, что что-то тут не так, что этот поход вверх, за потолок, не совсем умещается в рамки реальности. И не безумие ли здесь.

Тем не менее, как бы выполняя свой долг, человек поднялся на крыльцо и постучал.

Никто не откликнулся, пришлось постучать еще. Молчание было ответом. Дверь оказалась какая-то странная – без замочной скважины, без звонка. Только круглая ручка. Оставалось толкнуться и войти.

Внутри пахло солнцем, то есть нагретым деревом. Никакой пыли и паутины – но и никого в доме.

Круглый стол, лампочки нет, проводов тоже, однако есть стулья, икона в углу (человек поклонился и перекрестился). В углу тахта под пестрым ковриком, радио на тумбочке. Человек включил его.

Послышались громкие, торжественные звуки арфы. Музыка сразу заполнила дом.

Заяц за пазухой выпростал холодное ухо, стал им водить, прислушиваясь.

Человек испугался, что распоряжается в чужом месте. Он выключил радио. Затем пришлось выпустить проснув-

шегося Ивана на пол, и тот мгновенно ускакал в открытую дверь, присел на мгновение и исчез в слепящем солнечном прямоугольнике.

Упрыгал, дикий зверек. Человек опять остался один.

И тут в углу, на тахте, под пестрым ковриком, что-то начало подниматься бугром. Что-то росло, топорщилось, вытягивалось, извивалось.

Старый человек вздрогнул, отступил.

Из-под коврика выползло нечто небольшое, потянулось, и кто-то взглянул светлыми желтыми глазами на старого человека.

Кто-то, сверкая черным и белым, замер, как бы молясь, и вдруг стронулся с места и нерешительно пошел по коврику к человеку, и кто-то спрыгнул, приблизился и потерся усатой щекой о его ногу. И раздалось самозабвенное мурлыканье.

Человек погладил этого чужого кота неуверенно, а потом вдруг пальцы поймали на левом ухе твердую полосочку, шрам.

Человек присел на тахту. И кот Мишка, исчезнувший много лет назад, взошел к нему на колени, потоптался, покружился, лег и замер, напевая свою вечную песенку, одну на все времена.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Я продолжала свое движение в тарахтящем синем автобусе по горной дороге вдоль глубокого ущелья и вдруг увидела, что над пропастью в одном месте разрушено ограждение и толкутся люди, вверху стрекочет вертолет с тросом, протянутым вниз, тут же стоит машина скорой помощи и две с мигалками. Наш шофер быстро проскочил это место, как бы в испуге, а я долго выворачивала шею, высматривая, что там делает вертолет.

Кому-то страшно не повезло.

Все в автобусе прильнули к окнам на нашей стороне, а одна маленькая девочка прыгнула на мое сиденье и, святая простота,при этом буквально взгромоздилась на меня и так продолжала ехать. И ее толстая маленькая мама села рядом и ни словечка не сказала! Хорошо что они быстро сошли.

Однако – вот оно: впереди, в бледном свете полдня, под непроницаемыми, сияющими, как слои перламутра, облаками возник висящий над поворотом ущелья светлый городишко цвета старых кружев.

Но днем это уже было не то, не было темного бархата, на котором бы это сияло.

Я сошла с автобуса, причем шофер хлопнул дверцами прямо по мне, видимо, торопясь. Мне было не больно, но неприятно.

Неожиданно для себя я очутилась на узкой улице, вымощенной кирпичом, около двухэтажного дома, очень старого, с деревянными пластинчатыми ставнями и длинным балконом через весь второй этаж.

Ставни были прикрыты, но неплотно, а центральная балконная дверь стояла чуть ли не настежь, показывая внутреннюю тьму дома. Запустение окутывало его, хотя в трех левых окнах второго этажа горели сквозь деревянные планки огни. Я вошла под арку ворот неизвестно зачем. Там была укреплена железная вывеска: «Художественная керамика».

Я проследовала через эту сырую подворотню. Старый дворик, мощеный разными по величине булыжниками, таил в себе неожиданную роскошь – в глубине, в каменной стене, сложенной из огромных валунов, находился древний водопровод, львиная голова, как бы изъеденная проказой, из пасти которой вылезал обыкновенный водопроводный кран, как будто льва стошнило.

Под стеной стояли разнообразно хромые дачные стулья, составленные как собеседники, в кружок.

Здесь явно сиживали художники-керамисты, вон и тачка валяется на боку, заляпанная глиной.

Я живо представила себе бородатые лица, озаренные пламенем печи, и ступила в подъезд. Там, на стене очень старой лестничной клетки, опять висела вывеска «Художественная керамика» со стрелкой наверх.

Древние, выщербленные мраморные ступени привели меня на второй этаж. Слева оказалась высокая деревянная дверь с той же вывеской, но наглухо и давно, видно, запертая. На ручке, которой я коснулась, лежала пыль.

Можно также было пойти направо, там дверь была распахнута, но странная робость незваного гостя сковала мои движения. Где-то, видимо, горела печь, слышались голоса, а тут молчание, запах извести, тьма, мрачный коридор, неизвестно куда идущий, слева закрытые жалюзи окна, справа же (я уже ступила в этот коридор) зияла пустая, темная, побеленная комната без дверей. Из нее, как из пещеры, несло затхлой сыростью, отсутствием человека. Она робко приглашала зайти, светясь свежей известью, как каждая пустая комната – звала войти и поселиться навсегда. Но я шла дальше, во тьму высокого коридора, и следующая комната не заставила себя ждать – огромная, тоже выбеленная, но вместо передней стены у нее был барьер высотой примерно метр. Я видела сразу всю комнату, то место, куда надо входить, дверной проем без двери, и черную кучу тряпья у стены. Такие бесформенные кучи оставляют выехавшие жильцы. Но тут ведь недавно был ремонт!

Я нерешительно остановилась. Это уже совершенно не было похоже на путь в мастерские художников, где горит печь и продаются кружки и тарелки. От черной кучи тряпья несло мерзостью, тоской, даже ужасом. Эта куча казалась неожиданно живой и напоминала груду лежащих бродяг, неподвижно, бездыханно лежащих, сваленных каким-нибудь гнусным мусорщиком для сжигания.

Надо было бежать отсюда. Я повернулась – и вдруг краем глаза увидела, что куча шевелится, В этом темном, известковом, сыром пространстве что-то треснуло, как

бы выпрастываясь, что-то затрепыхало как бы крыльями, как птицы, всполошилось и стало подниматься как выкипающая черная каша. Какой-то краткий приглушенный вой сопровождал этот трепет крыльев. Птицы завыли? Куча явно двигалась всей своей массой, и довольно быстро, за мной.

Я уже сбегала вниз по лестнице.

Так погибают, даже не узнав своей судьбы, от неведомых крыльев, воя и куч, и никто не услышит того единственного рассказа, который никогда не прозвучит, рассказа о последних мгновеньях...

Я бежала вниз по лестнице, волосы на голове шевелились, как бы заполнившись живыми муравьями. Тем не менее на моем лице, я это чувствовала, возникла деревянная улыбка, как у преследуемого вора, который залез в чужой дом и теперь делает вид, что это шутка.

Я выскочила, не оглядываясь, в каменный дворик с подавившимся львом, буквально метнулась в темную арку ворот, а за спиной нарастал многоногий топот, но легкий, изящный, нечеловеческий, как бы на когтях. Даже балерины хорошо топают на своих пуантах. За мной явно гнались какие-то тени.

Выбежав на улицу, все с той же улыбкой на лице, я быстро пошла налево по улице. Улыбка застыла, как судорога, и никак не отклеивалась. Шаги за спиной стихли. Однако вдруг раздался все тот же трепет жестких огромных крыльев, опять-таки как бы снабженных когтями.

Я заставила себя оглянуться.

Белая и черная собаки нерешительно присели около подворотни, причем белая в черную крапинку неистово чесалась, ритмично трепыхая лапой и косясь глазом с вывернутым белком.

Вот это и был тот жесткий трепет крыльев.

Собаки в доме спали на куче тряпок, затем услышали мои шаги, проснулись, зевнули и зачесались неистово. Отсюда трепет крыльев с когтями и тонкий вой, собачья зевота до визга.

Кто-то, правда, там спал еще, в этой куче. Кто-то тяжело зашевелился в том тряпье, массивно заколыхался, вся эта куча и было то существо в полкомнаты. Оно меня не настигло. Оно осталось лежать в сумеречном свете известки, а я пошла вниз по улице, сопровождаемая двумя собаками, белой и черной. Белая выглядела очень красиво, большой мордастый далматинец в черную крапинку, как говорил один владелец такой собаки, «помесь коровы с березой» – а черная была дешевая невысокая дворняжечка с тонким намеком на таксу.

Справа тянулся темный, очень высокий дом типа собора, зарешеченные окна были только на первом этаже, я бы могла в них заглянуть, но они оказались закрыты изнутри плотными ставнями. В дом вела неожиданно низенькая дверь, почти не заметная. Такими бывают двери в подвал.

Когда мы с собаками шли мимо, вдруг из глубины, снизу, забил, как фонтанчик, поток детских голосов. Он вырывался из-под земли непринужденно, как будто так и должно быть, что дети бегают и играют там, внизу. Кому это пришло в голову, держать школу или детский садик в подземелье?

Пустой второй этаж в том странном доме и забитое детьми подземелье здесь...

Мы с собаками все шли и шли вниз, и оказались в конце концов ранним вечером, в сгустившейся тьме, на огромной террасе над провалом, над безмерной пропастью.

Там, под террасой, ничего не было видно, зато вдали, за десятки километров, на горизонте мелькали огни – мелкие как бисер цепочки фонарей вдоль каких-нибудь нездешних шоссе.

Вид был как с самолета.

Собаки сзади меня вдруг подняли дикий, с рычанием, лай. Они буквально захлебывались.

На кого они так лают? Я оглянулась. Оказалось, на меня. Обе, приседая, разрывались от бешенства. На морде

белой явственно были видны обнажившиеся зубы. Черная вообще была представлена одними клыками, подрагивавшими во тьме.

Вот оно что: невдалеке стоял небольшой двухэтажный дом, и в нем открылась дверь.

Все правильно. Собаки сигнализируют хозяевам, что пришел чужой человек, и работают собаками. О том, что они пришли сюда со мной – ни звука. Мы чужие.

Помесь коровы с березой демонстрировала охотничий азарт. Намек на таксу был виден только когда прыгал вдоль белого тела далматинца.

Всю эту странную картину – безмерный котлован, как воронка вниз, дальние холмы с бусинками фонарей, лающую в два голоса березу – осенял свет довольно дородного уже месяца.

Из открытой двери вышла женщина, мелькнув в освещенном проеме белым фартуком, и крикнула псам:

– А ну хватит! Баста, баста!

Собаки, как бы говоря про себя «ну и ну» и «это добром не кончится», отступили и сели. Белая демонстративно стала драть себя лапой. А соседствующая темнота тоже поскреблась невидимо и с визгом зевнула. Концерт был окончен.

– Они бегают везде одни, – сказала женщина, подходя, – белая еще молодая, десять месяцев, ее не удержишь, а черная с ней заодно.

Собаки, поняв, что их осуждают, снова забились в истерике, как бы давая понять, что служат преданно и верно.

Хозяйка топнула на них:

– Сказано, хватит!

Мы поговорили с ней. Она позвала меня в дом и рассказала, что его построил муж, по своей первой профессии каменщик. Женщину зовут Санта. Дом, видимо, средневековый, внутри был как картинка из журнала – древние кирпичные своды, сияющий светлый паркет, старинный огромный буфет, стол с розами. В глубине шла винтовая лестница почему-то вниз, а справа в углу горел

большой очаг. Перед ним в кресле недвижно, выпрямившись, сидел незаметный старик, из той породы старцев, чьи глаза отливают темным перламутром, как лужицы нефти, а кожа на лице напоминает старый книжный переплет.

Однако старик вежливо встал и поклонился, когда я вошла. Постояв, он с достоинством сел и замер.

– Мой отец, – сказала Санта. – Ему восемьдесят четыре года. А мамы пока что нет с нами.

Что она хотела этим сказать – «пока что нет с нами»?

Она пригласила меня что-нибудь выпить, но предстоял ужин в отеле, и я отказалась. Мы вышли снова к пропасти. Собаки, сидя рядом, неподвижно смотрели в туманную даль. Им было хорошо вдвоем.

Мне вдруг представилось, что здесь конец мира. Именно тут завершается все, в том числе и жизнь. А та мелкая светящаяся цепочка бисера на горизонте – это уже тот свет.

– Как у вас тихо, – заметила я.

– Даже слишком, – ответила Санта, немного помолчав.

Я стала говорить о том, что я счастлива, когда вижу людей, у которых все хорошо. Я рада, что есть на свете такие люди, они живут в покое и тишине, в прекрасном доме.

Санта посмотрела на меня с сомнением и что-то как будто хотела сказать, видимо, чем-то разбавить мои похвалы, но промолчала.

Женщина может ничего не говорить женщине, все понятно – любовь редко бывает счастливой, тем более любовь к мужу и детям.

Все это мы знаем, мы, хранители текстов чужих жизней, женщины.

Я попрощалась с Сантой и пошла вверх и вверх по кирпичным улочкам, под неяркими старинными фонарями, и черное и белое сплеталось впереди меня, помахивая хвостами. Ни единого человека не встретилось мне

по дороге в гору, и только уже за собором, за ручейком детских голосов из-под земли, за тем домом, из которого я так поспешно вышла днем, на спуске я увидела женщину и немолодого мужчину (они стояли у открытой двери, готовясь внести в дом два ящика).

Я спросила у них, как называется то место, где живет красавица по имени Санта, у нее еще старый отец и муж.

Они недоуменно посмотрели друг на друга, и мужчина с сомнением в голосе сказал своей жене:

– С тех пор как погибла Санта, я все время слышу какие-то голоса, называющие ее имя... Как вспомню ее мать, когда она кричала: «Откопайте мою Санту!»

– Не сходи с ума. Кстати, еще одно такое землетрясение, и нас тоже здесь не будет, – с ожесточением ответила женщина, внося в дверь свой ящик. – Но как же они так строили, что вся школа рухнула. Ноябрь, надо укрыть розы на могиле детей.

– Я уже был там сегодня, – ответил муж.

Видимо, между ними давно шли разговоры о переселении.

Уже исчезли, отстали белая и черная собаки, но все громче раздавался хор детских голосов, играющих где-то в глубине, под землей...

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Я стояла вчера у того ресторана, где около машины меня ждал, оскалившись, пьяный и бесстрашный человек, ждал, чтобы устроить главные гонки своей жизни.

Я прощально помахала ему рукой... Он развернулся и уехал. Долгая глупая ночь стояла в приморском городишке, долгая, бессонная ночь. С неба капало. Надо было искать такси.

* * *

Еще один жанр литературы – дорога, по которой мы не пошли.

ДОМ С ФОНТАНОМ

Одну девушку убили, а потом оживили. Дело было так, что родным сказали, что девушка убита, но не отдали ее (все вместе ехали в автобусе, но во время взрыва она стояла впереди, а родители сидели сзади). Девушка была молоденькая, пятнадцати лет, и ее отбросило этим взрывом.

Пока вызывали «скорые», пока развозили раненых и погибших, отец держал девочку на руках, хотя ясно было, что она умерла, и врач констатировал смерть. Потом девушку все-таки надо было увезти, но отец и мать сели в ту же «скорую» и доехали со своим ребенком до морга.

Она лежала на носилках как живая, но не было ни пульса, ни дыхания. Родителей отправили домой, они не хотели уходить, но еще не время было отдавать им тело, предстояли всякие необходимые в нашем правосудии и судебной медицине вещи, а именно вскрытие и установление причин.

Однако отец, человек, обезумевший от горя, да еще и глубоко верующий христианин, решил свою девочку украсть. Он отвез домой

жену, она была уже почти без сознания, выдержал разговор с тещей, разбудил соседку-медичку и попросил у нее белый халат, а затем, взяв все деньги, какие были в доме, поехал к ближайшей больнице, нанял там пустую «скорую» (было два часа ночи) и с носилками и парнишкой-медбратом, одетый в белый халат, проник в ту больницу, где держали его девочку, спустился от охранника по лестнице в подвальный коридор, спокойно вошел в морг, там никого не было, нашел своего ребенка, положил ее с медбратом на носилки и затем, вызвав грузовой лифт, поднял свою ношу на третий этаж, в хирургическую реанимацию. Он все изучил тут, пока они ждали решения вечером, в приемном покое.

Там он отпустил медбрата и после недолгого разговора с дежурным реаниматором, после вручения ему денежной пачки, передал свою дочь в руки врача, в отделение интенсивной терапии.

Поскольку медицинского заключения при ней не было, доктор, видимо, решил, что родитель вызвал «скорую» и частным порядком привез больную (скорей умершую) в ближайшую больницу. Врач-реаниматор прекрасно видел, что девочка неживая, но ему очень нужны были деньги, жена только что родила (тоже девочку), и все нервы этого реаниматора были на пределе. Его мама не полюбила его жену, и обе они плакали по очереди, ребеночек тоже плакал, а тут еще ночные дежурства. Надо было искать деньги и снимать квартиру. Того, что предложил ему сумасшедший (явно) отец этой мертвой царевны, было достаточно на полгода жизни в снятой квартире.

Не говоря ни слова, врач взялся за дело, как будто перед ним действительно был живой человек, только велел отцу переодеться во все больничное и положил его рядом на койку в той же интенсивной терапии, поскольку этот больной был полон решимости не покидать свою дочь.

Девушка лежала белая как мрамор, лицо немыслимой красоты, а отец смотрел на нее, сидя на своей кровати, каким-то странным взглядом. Один зрачок у него все вре-

мя уезжал в сторону, а когда этот сумасшедший моргал, веки его разлипались с большим трудом.

Врач, понаблюдав за ним, попросил сестру сделать ему кардиограмму, а затем быстро вкатил этому новому больному укол. Отец быстро вырубился. Девушка лежала как спящая красавица, подключенная к аппаратуре. Врач хлопотал над ней, делая все возможное, хотя никто уже теперь его не контролировал этим уезжающим взором. Собственно говоря, этот молодой доктор был фанатиком, для него не существовало в мире ничего более важного, чем тяжелый, интересный случай, чем больной, неважно кто, без имени и личности, на пороге смерти.

Отец спал, и во сне он встретился со своей дочерью. То есть он поехал ее навещать, как ездил к ней за город в детский санаторий. Он собрал какую-то еду, почему-то всего один бутерброд с котлетой посредине, только это. Он сел в автобус (опять в автобус) летним прекрасным вечером, где-то в районе метро «Сокол», и поехал в какие-то райские места. В полях, среди мягких зеленых холмов, стоял огромный серый дом с арками высотой до неба, а когда он миновал эти гигантские ворота и вошел во двор, то там, на изумрудной лужайке, прямо из травы бил такой же высоченный, как дом, фонтан, одной слитной струей, которая распадалась вверху сверкающим султаном. Стоял долгий летний закат, и отец с удовольствием прошелся к подъезду направо от арки и поднялся на высокий этаж. Дочь встретила его немного смущенно, как будто он ей помешал. Она стояла, поглядывая в сторону. Как будто здесь протекала ее личная, собственная жизнь, которая уже его не касалась. Какое-то ее дело.

Квартира была огромной, с высокими потолками и очень широкими окнами, и выходила на юг, в тень, к фонтану, который был сбоку освещен заходящим солнцем. Фонтан бил еще выше окон.

– Я привез тебе бутерброд с котлетой, как ты любишь, – сказал отец.

Он подошел к столику под окном, положил на него свой сверток, подумал и развернул его. Там лежал странный бутерброд, два кусочка дешевого черного хлеба. Чтобы показать дочери, что внутри котлета, он разъединил кусочки. Внутри лежало (он сразу это понял) сырое человеческое сердце. Отец забеспокоился, что сердце невареное, что бутерброд нельзя есть, завернул его обратно в бумагу и неловко произнес:

– Я перепутал бутерброд, я привезу тебе другой.

Но дочь подошла поближе и посмотрела на бутерброд с каким-то странным выражением на лице. Тогда отец спрятал сверточек в карман и прижал ладонью, чтобы дочь не отобрала.

Она стояла рядом, опустив голову, с протянутой рукой:

– Дай мне, папа, я голодная, я очень голодная.

– Ты не будешь есть эту гадость.

– Нет дай, – тяжело сказала она.

Она тянула к его карману свою гибкую, очень гибкую руку, но отец понимал, что если дочка отберет и съест этот бутерброд, она погибнет.

И тогда, отвернувшись, он вытащил сверток, открыл его и стал быстро есть это сырое сердце сам. Тут же его рот наполнился кровью. Он ел этот черный хлеб с кровью.

– Вот я и умираю, – подумал он, – как хорошо, что я раньше чем она.

– Слышите меня, откройте глаза! – сказал кто-то.

Он с трудом разлепил веки и увидел, как в тумане, разъехавшееся вширь лицо молодого доктора.

– Я вас слышу, – ответил отец.

– Какая у вас группа крови?

– Такая же как у дочки.

– Вы уверены?

– Да, это точно.

Тут же его подвезли куда-то, перевязали жгутом левую руку, ввели в вену шприц.

– Как она? – спросил отец.

– То есть, – занятый делом, тоже спросил врач.

– Жива?

– А как вы думали, – мельком ответил врач.

– Жива?!

– Лежите, лежите, – воскликнул милый доктор.

Отец лежал, слыша, как рядом кто-то хрипит, и плакал.

Потом уже хлопотали над ним, и он опять уехал куда-то, опять было зелено кругом, но тут его разбудил шум: дочь, лежа на соседней койке, громко хрипела, как будто ей не хватало воздуха. Отец смотрел на нее сбоку. Ее лицо было белым, рот приоткрылся. Из руки отца в руку дочери шла живая кровь. Он сам чувствовал себя легко, он торопил ход крови, хотел, чтобы она вся излилась в его ребенка. Хотел умереть, чтобы она осталась жива. Затем он оказался все в той же квартире, в огромном сером доме. Дочери не было. Он тихо пошел ее искать, осмотрел все углы этой роскошной квартиры со многими окнами, но никого живого не нашел. Тогда он присел на тахту, а потом прилег. Ему было спокойно, хорошо, как будто дочь уже устроилась где-то, живет в радости, а ему можно и отдохнуть. Он (во сне) стал засыпать, и тут появилась дочь, вихрем вступила в комнату, сразу оказалась рядом как вертящийся столб ветра, завыла, затрясла все вокруг, впилась ногтями в сгиб его правой руки, так что вошла под кожу, сильно закололо, и отец закричал от ужаса и открыл глаза. Врач только что вколол ему в вену правой руки укол.

Девочка лежала рядом, дышала тяжело, но уже не так скрипела. Отец привстал, опершись на локоть, увидел, что его левая рука уже свободна от жгута и перебинтована, и обратился к врачу:

– Доктор, мне надо срочно позвонить.

– Что звонить, – откликнулся доктор, – пока звонить нечего. Ложитесь, а то и вы у меня... поплывете...

Но перед уходом он дал все-таки свой радиотелефон, и отец позвонил домой жене, однако никого не было. Же-

на и теща, видимо, рано утром одни поехали в морг и теперь метались, ничего не понимая, где труп ребенка.

Девочке было уже лучше, но она еще не пришла в сознание. Отец старался остаться рядом с ней в реанимации, делая вид что умирает. Ночной доктор уже ушел, денег у несчастного больше не было, однако ему сделали кардиограмму и пока оставили, видимо, ночной доктор о чем-то все-таки договорился, или же кардиограмма была плохая.

Отец размышлял о том, что предпринять, – спуститься вниз он не мог, звонить не разрешали, все были чужие, занятые. Он думал, что же сейчас должны чувствовать его две женщины, его «девочки», как он их называл всех скопом – жена и теща. Сердце его сильно болело. Ему поставили капельницу, как и девочке.

Затем он заснул, а когда проснулся, дочки рядом не было.

– Сестра, а где девочка, здесь лежала?

– А что вы интересуетесь?

– Я ее отец, вот что. Где она?

– Ее повезли на операцию, не волнуйтесь и не вставайте. Вам нельзя.

– А что с ней?

– Не знаю.

– Милая девушка, позовите доктора!

– Все заняты.

Рядом стонал старик, за стеной кто-то, похоже что молодой врач, видимо, проделывал какие-то манипуляции со старухой и переговаривался с ней как с деревенской дурочкой, громко и шутливо:

– Ну... Бабуля, супа хочешь? (пауза) Какого супу хочешь?

– Мм, – мычала старуха каким-то нечеловеческим, жестяным голосом.

– Хочешь грибного супу? (пауза) С грибами хочешь? Ела с грибами суп?

Вдруг старуха ответила своим жестяным басом:

– Грибы... с рогами.

– Ну молодец, – крикнул врач.

Отец лежал и беспокоился, где-то делают операцию его девочке, где-то сидит ополоумевшая от горя жена, рядом дергается теща... Его посмотрел молодой врач, опять сделали укол, наступил сон.

Вечером он тихо встал и, как был, босой, в одной рубахе, пошел вон. Добрался до лестницы незамеченным и пошел вниз по холодным ступеням, как привидение. Спустился до подвального коридора, пошел по стрелке, на которой было написано «Отделение патанатомии».

Тут его окликнул какой-то тип в белом халате:

– Больной, вы что тут?

– Я из морга, – вдруг ответил отец, – я заблудился.

– Как это из морга?

– Я вышел, но там остались мои документы. Я вернулся, но где это?

– Ничего не понимаю, – сказал этот белый халат, взял его под руку и повел по коридору. А потом все-таки спросил:

– Вы что, встали?

– Я оживел, никого не было, пошел, а потом решил все же вернуться, чтобы зафиксировали.

– Чудно, – ответил провожатый.

Они пришли в отделение, но там их встретил матом фельдшер. Отец выслушал все его возражения и спросил:

– И дочь моя здесь, она должна была поступить после операции.

Он назвал фамилию.

– Да нету, нету ее! Все мозги проели! Утром искали! Нет ее! Всех тут раком поставили! Этот еще психбольной! Из дурдома сбежал, что ли? Откуда он?

– Там в переходе между корпусами пасся, – ответил белый халат.

– Да вызывай ты охрану, – опять заматерился фельдшер.

– Дайте мне позвонить домой, – попросил отец. – Я вспомнил, я в реанимации лежал на третьем этаже. Память отшибло, я после взрыва на Варшавке сюда попал.

Тут белые халаты замолчали. Взрыв на Варшавке произошел сутки назад. Его, дрожащего, босого, отвели к столу, где стоял телефон.

Жена взяла трубку и тут же стала рыдать:

– Ты! Ты! Где ты бродишь! Ее труп увезли, мы не знаем куда! А ты шляешься! И ни копейки в доме! Даже на такси не могли найти! Ты забрал, да?

– Я, я был без сознания, попал в больницу в реанимацию...

– Где, в какую?

– В ту же, где была она...

– А где она? Где? – выла жена.

– Я не знаю, я сам не знаю. Я совсем раздетый, привези мне все. Стою тут в морге босиком. Это какой номер больницы?

– А что тебя туда понесло, ничего не понимаю, – продолжала рыдать жена.

Он дал трубку белому халату. Тот спокойно, как ни в чем не бывало, сообщил адрес и повесил трубку.

Фельдшер принес ему халат и какие-то стоптанные, корявые тапки, пожалел, видимо, живого человека, и отправил к посту охраны.

Туда приехали жена и теща с распухшими, похожими старыми лицами, одели его, обули, обняли, наконец выслушали, счастливо плача, и все вместе стали ждать на диванчике, потому что им сказали, что их девочке сделали операцию и она в реанимации и что положение средней тяжести.

Через две недели она уже начала ходить, отец водил ее гулять по коридорам и все время повторял, что она была жива после взрыва, это просто шок, шок. Никто не заметил, а ему сразу стало ясно.

Правда, он молчал насчет того сырого человеческого сердца, которое ему пришлось съесть, чтобы его не съела она. Но ведь то же было во сне, а во сне не считается...

НОВАЯ ДУША

Узнают их по нескольким приметам, узнают их такие же, как они. Эти приметы двойные, повторяющиеся. Редко кому они открыты. Странно также, что, узнав приметы, те, кто их узнал, не понимают ничего. И про себя самих не понимают. Только защемит сердце, и все. Замутится глаз слезой, какой-то неземной грустью, воспоминание так и не придет. Две родственные судьбы разминутся в пространстве.

Еще это называется любовью с первого взгляда (этот взгляд может больше никогда не встретиться с тем, родным).

Моменты узнавания – родственной ли души или знакомого места, знакомых слов и обстоятельств – проваливаются как в пропасть во мглу запрещенных воспоминаний.

Двойная примета, свет с нужной стороны, дом, освещенный этим светом – и достаточно, человек узнает место. Но все, что было до того, после того, зачем тут место и свет, дом, ветер, – этого изгнаннику не дано будет понять. Он не вернется в прежнее время, в другую жизнь,

ему надо влачить нынешнюю, какая бы она ни была, но без того, прежнего, света и счастья.

Ведь именно прежнее, уже случившееся, мило нам. Именно оно окрашено печалью, любовью, там осталось все, там было то, что называется словом «чувства». Теперь все иное, жизнь протекает без счастья, без слез.

Но это все предисловие, а суть рассказа в том, что человек очень торопился в родной город из командировки, бежал, опаздывал на самолет, ловил машину, мчался. Машину уже на шоссе остановил милицейский патруль за превышение скорости, брали штраф, шофер уходил-приходил, шло время. Подбежав к месту вылета, человек увидел уже пустоту, все.

Почему он так спешил – утром в другом городе забирали в армию его сына, внезапно, сорвав его с учебы. Об этом опоздавшему было сообщено недавно, он только вечером сумел позвонить домой с переговорного пункта, что все в порядке, завтра выезжаю. «Будет поздно», – лающим голосом сказала жена. И человек помчался. Проститься! На два года уходит любимое, единственное дитя, неприспособленное, не готовое к трудностям, жестокостям, к армейским нравам, мягкое дитя, любящее, домашнее, доброе, во дворе его в детстве били, в классе тоже имелись свои проблемы и садисты, теперь он уже учился в институте, все было позади, появились друзья такого же сорта, умные, домашние дети – и на тебе, утром уводят.

Человек-то, отец, был уже немолодой, и мать была не совсем молодая, сошлись в зрелом возрасте, уже на закате лет, и родили себе счастье, красивого, доброго ангела, которого сверстники (по мнению родителей) не ценили, как не ценит дикое племя первого пророка.

У отца была уже своя старшая дочь, старинная, как он ее называл, попросту тоже немолодая, плод ранней завязи, причем мать его дочери была старше мужа на одиннадцать лет. Связь их распалась, когда отцу было сорок два, а матери пятьдесят три, возраст! Отчаянный возраст

и с той, и с другой стороны. Тут-то отцу и явилась любовь всей его жизни, тоже немолодая, полная нежности женщина без возраста, хрупкая, облачко волос вокруг золотой головы, синие глаза, новая сотрудница. И все было решено, и родилось чудо, златовласый, кудрявый, худенький младенчик, ангел. И прожили вместе восемнадцать с гаком лет, цепляясь друг за друга, прожили как бы еще одну, добавочную жизнь, вечно в тревоге за мальчишку.

Тут и наступила жестокая расплата, слезы и угрозы прежней жены и ее проклятья сбылись (пусть тебе все воздастся, что ты мне устроил!).

Отец опоздал на самолет. Мест на утренний рейс тоже уже не было.

Тогда отец новобранца получил остатки денег за билет и бросился на поздний автобус, доехал до вокзала и успел со слезами сказать проводнице, что-то сказать, так что она посторонилась и пустила беглеца в уже тронувшийся поезд, в тамбур, а там и в свое купе на верхнюю полочку, где в жестоко натопленном потолочном пространстве он и промаялся до утра и вбежал в квартиру, но там уже было пусто, на полу валялся мусор, лежала телефонная трубка, бибикая, в комнате сына неубранная кровать зияла как после казни.

Отец быстро сориентировался и узнал адрес призывного пункта в соседнем подъезде, там жил одноклассник сына, его вечный мучитель, но теперь что же. Бабка сказала, куда бежать, ее домашние тоже все ушли туда провожать парня после пьяной ночи.

Отец был там вовремя. Мальчик уже уходил с толпой нетрезвых, уродливых, хихикающих, подавленных парней.

Отец зацепился за рукав ребенка, закричал и очнулся в Америке, в образе неудачливого эмигранта Гриши, который был брошен своей трудолюбивой женой через полгода после приезда на ПМЖ. Она пошла работать уборщицей в мол, огромный сарай-магазин, а потом вышла замуж за профессора, своего школьного друга, встретились

в этом моле. Счастливое совпадение! Гришу бросили как тряпку.

В описываемый момент он был только что выпущен из дурдома, из местной психушки, где, не зная языка, он проводил все время у телевизора, не вмешиваясь в дикие споры насчет того, какой канал смотреть; причем Гриша был здесь после третьей попытки самоубийства.

Однако худо-бедно, но он начал говорить на каком-то скудном телевизионном языке с одним сумасшедшим негром, который кричал без остановки, и его-то первым и понял Гриша, и возразил ему как-то по-своему, на чистом наречии теледиктора. Негр буквально кинулся на него. Черный выступал против белых, он убил их с десяток, этих вонючек, то есть он это утверждал и был готов сесть за такое дело на электростул, был рад погибнуть за идею, чтобы его имя стало символом борьбы. Гриша ему возразил вот что: а ну, убей меня, убей, плиз. Удуши и что хочешь сделай, вдруг совершенно неожиданно для себя заговорил Гриша (он не понимал, что в нем ворочается теперь душа того несчастного отца, который много чего знал, пять языков, к примеру). Убей меня, прошу тебя, – плакал Гриша, и тут его увели и успокоили уколом.

Черный дядя Том вдруг был прерван в своем течении времени и вычленил среди вымышленного мира справедливой расовой мести одну реальную белую фигуру, которая просила о смерти. Дядя Том стал думать, может ли он вообще совершить акт мести белым еще и в этом, одиннадцатом случае, и внезапно пошел выяснять, что происходит с бедным белым вонючкой, который в конце концов оказался грязным русским, стоящим, по табели о рангах в черном мире, много ниже любого аборигена, не говоря уже о дяде Томе, аристократе в своей высшей расе. Полноправный гражданин США!

Дядя Том стал тогда защищать права грязного русского, учил его распознавать с экрана главных врагов демократии – сенаторов и президента, а также одну толстую старуху в короткой кривой юбке, вечно задранной выше коле-

нок. Дядя Том много рассказывал Грише, качая своей мудрой головой и вертя худыми пальцами, а Гриша все плакал.

Он не знал, что плачет о сыне и жене, о тех, оставленных им на улице, недалеко от призывного пункта, стоять на коленях возле трупа. Он не знал, что мальчика не взяли в армию, мать его спрятала, страшно крича. То есть она-то кричала у трупа, а сама давно шепнула «беги к тете Вале в Удельную», и он сверкнул пятками и был таков еще до прихода «скорой».

Гриша маялся, рыдая, не мог пробраться сам к себе, он вдруг обнаружил у себя под шеей крошечную дырку, из которой текли слезы, как бы еще один глазок. Странные сны виделись ему, какое-то безоблачное счастье, какая-то любовь, которая обволакивала его, баюкала, успокаивала.

От уколов он мутнел, цепенел и переставал плакать, но глазок под шеей слезоточил.

Со временем, однако, шок миновал, и белого Гришу выпустили, дядю Тома же перевели в другой корпус, где он обрел себе защиту в лице котенка, с которым больше не расставался (черно-белый котенок), еще одна угнетенная раса, в Америке не должно быть бродячих котят. Но откуда-то он свалился, и Том его подобрал и на прощание приходил, показывал Грише свое сокровище из рук.

А Гриша вернулся в свою нору. Он снимал комнату в подвале у хозяйки, помещение с уборной, но без душа.

Туда, к этой русской хозяйке, приехала ее двоюродная сестра, унылая седая женщина. Он ее видел мельком, когда спускался в свой подвальчик, он ее увидел на стуле в палисаднике. Она пила чай. На ее глазу плясал зайчик от ложки, которой эта седая старуха мешала и мешала в чашке. Лицо было плачевное, погибшее.

Женщина бесцельно болтала ложечкой в чашке, и пятнышко света мигало на ее красном носике и синем глазу. Синий глаз освещался особенно живописно, он вспыхивал как живой драгоценный какой-нибудь камень.

Произошло подлинное двойное совпадение, два сердца встретились и не узнали друг друга.

Гриша через пять минут вдруг потащился наверх и сел напротив старухи. Хозяйки уже не было, ушла в свой университет. Старуха так и не выпила ни глотка и не подняла взора. Гриша полюбил ее всем своим брошенным сердцем, женился на ней, приехал к ней в Москву и познакомился там с ее унылым, бледным, кудрявым сыном.

Когда он поздоровался с этим Алешей за руку, слеза навернулась на третьем, невидимом глазу Гриши, под шеей, и потекла, горькая, мелкая слеза умершего отца. Алешу не взяли в конце концов в армию именно из-за смерти папы, так рассказала Гришина новая жена. Сын оказался теперь единственным кормильцем пенсионерки, и закон (все-таки есть послабление для стариков) разрешает таким редкостным экземплярам не ходить в армию. Хотя в военкомате кричали и настаивали, пусть сейчас идет служить, а потом-то мы его отпустим (видимо, им просто надо было набрать нужное число, а теперь не хватало человека). И пришлось побегать, собирать бумаги, Алеша скрывался, в квартиру по ночам приходил участковый, и это одновременно с похоронами! Гриша слушал все эти рассказы буквально плача, сколько угодно раз.

Но Алеша так и не принял своего нового отца, Алеша был неприятно поражен быстрой сменой настроения матери, ее подлинной изменой, башмаков еще не износила, бросилась замуж. Алеша наотрез отказался ехать в Америку, а его мать, моложе себя на хороших двадцать лет, пушистая, золотоволосая, синеглазая, любящая, уехала с новым мужем навеки туда, где теперь жила душа ее первого мужа, и никто ничего им не объяснил.

ЧЕРНОЕ ПАЛЬТО

НОВЫЕ РОБИНЗОНЫ

Мои папа с мамой решили быть самыми хитрыми и в начале всех дел удалились со мной и с грузом набранных продуктов в деревню, глухую и заброшенную, куда-то за речку Мору. Наш дом мы купили за небольшие деньги, и он стоял себе и стоял, мы туда ездили раз в году на конец июня, то есть на сбор земляники для моего здоровья, а затем приезжали в августе, когда по заброшенным садам можно уже было набрать яблок, терновки-сливки и одичавшей мелкой черной смородины, а в лесах была малина и росли грибы. Дом был куплен как бы на развал, мы жили и пользовались им, ничего не поправляя, пока в один прекрасный день отец не договорился с шофером, и мы весной, как только просохло, отправились в деревню с грузом продуктов, как Робинзоны, со всяким садовым инвентарем, а также с ружьем и собакой борзой Красивой, которая, по всеобщему убеждению, могла брать осенью зайцев в поле.

И отец начал лихорадочные действия, он копал ого-

род, захватив и соседний участок, для чего перекопал столбы и перенес изгородь несуществующих соседей. Вскопали огород, посадили картофеля три мешка, вскопали под яблонями, отец сходил и нарубил в лесу торфа. У нас появилась тачка на двух колесах, вообще отец активно шуровал по соседним заколоченным домам, заготавливал что под руку попадется: гвозди, старые доски, толь, жесть, ведра, скамейки, ручки дверные, оконные стекла, разное хорошее старье типа бадеек, прялок, ходиков и разное ненужное старье вроде каких-то чугунков, чугунных дверок от печей, заслонок, конфорок и тому подобное. Во всей деревне было три старухи, Анисья, совсем одичавшая Марфутка и рыжая Таня, у которой единственной было семейство и к которой на своем транспорте наезжали дети, что-то привозили, что-то увозили, привозили городские банки консервов, сыр, масло, пряники, увозили соленые огурцы, капусту, картошку. У Тани был богатый погреб, хороший крытый двор, у нее жил какой-то замученный внук Валерочка, вечно страдавший то ушами, то коростой. Сама же Таня была медсестра по образованию, а образование она получила в лагере на Колыме, куда Таня была отправлена за украденного из колхоза поросенка, в возрасте семнадцати лет. У Тани не зарастала народная тропа, у нее топилась печка, к ней приходила пастушиха Верка из соседней обитаемой деревни под названием Тарутино и кричала еще издалека, я наблюдала: «Таня, чаю попить! Таня, чаю попить!» Бабка Анисья, единственный человек в деревне (Марфутка не в счет, а Таня была не человек, а преступник), сказала нам, что Таня в свое время была здесь, в Море, завмедпунктом и чуть ли не главным человеком, у нее делались большие дела, полдома она сдавала под медпункт и тоже шли деньги. У Тани и Анисья поработала пять лет, за что и осталась вообще без пенсии, поскольку не доработала в колхозе до положенных двадцати пяти лет, а пять лет подметания в медпункте не считаются для выплаты пенсии как рабоче-

му. Мама съездила было с Анисьей в собес в Призерское, но собес был уже навеки и безнадежно закрыт, и все было прикрыто, и мама быстро пешком дотопала двадцать пять километров до Моры с напуганной Анисьей, и Анисья с новым рвением принялась копать, рубить в лесу, таскать сучья и стволы к себе в дом: спасалась от перспективы голодной смерти, которая ожидала бы ее в случае безделья, и живой пример тому являла Марфутка, которой было восемьдесят пять лет, и она уже не топила в избе, а картофель, который она кое-как перетаскала к себе в дом, за зиму замерз и теперь лежал гнилой мокрой кучкой – все-таки Марфутка за зиму кое-что подъела, да и со своим единственным добром, гнилой картошкой, не желала расставаться, хотя мама меня к ней однажды послала с лопатой все это выскрести. Но Марфутка не открыла мне дверь, разглядев в заткнутое тряпками окно, что я иду с заступом. Марфутка то ли ела картошку сырой при полном отсутствии зубов, то ли разводила огонь, когда никто не видел, – неизвестно. Дров у нее не было ни полена. Весной Марфутка, закутанная во множество сальных шалей, тряпок и одеял, являлась к Анисье в теплый дом и сидела там как мумия, ничего не говоря. Анисья ее и не пыталась угощать, Марфутка сидела, я посмотрела однажды ей в лицо, вернее в тот участок ее лица, который был виден из тряпья, и увидела, что лицо у нее маленькое и темное, а глаза как мокрые дырочки. Марфутка пережила еще одну зиму, но на огород она уже не выходила и, видимо, собиралась умирать с голоду. Анисья простодушно сказала, что Марфутка прошлый год еще была хорошая, а сегодня совсем плохая, уже носочки затупились, смотрят в ту сторону. Мать взяла меня, и мы посадили Марфутке картошки так с полведра, а Марфутка смотрела за нами с задов своего домишки и беспокоилась, видно, что мы захватили ее огородик, но доползти до нас она не посмела, мать сама пошла к ней и дала ей полведра картошки. Видимо, Марфутка поняла, что ее огород покупают за пол-

ведра картошки, и не стала брать картошку, сильно испугавшись. Вечером мы с мамой и папой пошли к Анисье за козьим молоком, а Марфутка сидела там. Анисья же сказала нам, что она нас видела на Марфином огороде. Мама ей ответила, что мы решили помочь бабе Марфе. Анисья же возразила, что Марфутка собралась на тот свет, нечего ей помогать, она найдет дорогу. Надо сказать, что Анисье мы платили не деньгами, а консервами и пакетами супов. Долго это продолжаться не могло, молоко у козы было и прибывало с каждым днем, а консервами мы только и питались. Надо было установить более жесткий эквивалент, и мама сказала тут же после разговора с Анисьей, что консервы кончаются, есть нам самим нечего, так что молоко покупать не будем. Анисья, человек смекалистый, ответила, что завтра принесет нам баночку молока и поговорим, может, если у нас есть картошка, тогда поговорим. Анисья, видимо, злилась на то, что мы тратим картофель на Марфутку, а не на покупку молока, она не знала, сколько мы извели картофеля на Марфуткин огород в голодное весеннее время (месяц май – месяц ай), и воображение у нее работало, как мотор. Видимо, она прорабатывала варианты Марфуткиного скорого конца и рассчитывала снять урожай за нее и заранее сердилась на нас, владельцев посаженного картофеля. Все становится сложным, когда речь идет о выживании в такие времена, каковыми были наши, о выживании старого немощного человека перед лицом сильного молодого семейства (матери и отцу было по сорок два года, мне восемнадцать).

Вечером к нам сначала пришла Таня в городском пальто и резиновых сапогах желтого цвета, с новой хозяйственной сумкой в руках. Она принесла нам задавленного свиньей поросенка, завернутого в чистую тряпку. Она полюбопытствовала, прописаны ли мы в Море. Она сказала, что у многих домов есть владельцы и они захотят приехать, если им написать, а это не брошенные дома и брошенное добро, и каждый гвоздь надо купить и вбить.

В заключение Таня напомнила нам о перенесенной изгороди и о том, что Марфутка еще жива. Поросенка она предложила купить у нее за деньги, за бумажные рубли, и папа в этот вечер рубил и солил мертвого поросенка, который в тряпке был очень похож на ребенка. Глазки с ресничками и тэ дэ.

Потом, после ее ухода, пришла Анисья с баночкой козьего молока, и мы быстро договорились за чашкой чая о новой цене молока, за банку консервов три дня молока. Анисья с ненавистью спросила о Тане, зачем она приходила, и одобрила наше решение помочь Марфутке, хотя о Марфутке она отозвалась со смехом, что от нее пахнет.

Козье молоко и давленый поросенок должны были уберечь нас от цинги, кроме того, у Анисьи подрастала козочка, и мы решили ее купить за десять банок консервов, но попозже, когда она чуть подрастет, поскольку Анисья лучше понимает, как растить козлят. С Анисьей мы, правда, не переговорили, и эта старая бабка, помешавшись на почве ревности к своей бывшей заведующей Тане, пришла к нам торжественная, с убитой козочкой в чистой тряпке. Две банки рыбных консервов были ей ответом на ее дикое поведение, а мама заплакала. Мы попробовали, сварили свежего мяса, но есть его было невозможно почему-то, папа его опять-таки засолил.

Козочку мы все-таки купили с мамой, отшагав десять и десять километров туда и обратно за Тарутино, в другую деревню, но мы шли как бы туристы, как бы гуляя, как будто времена остались прежними. Мы шли с рюкзаками, пели, в деревне спросили у колодца, где попить козьего молока, купили за лепешку хлеба баночку молока и восхитились молодыми козлятками. Я стала искусно шептать маме, как будто я прошу козленочка. Хозяйка сильно возбудилась, предчувствуя бизнес, но мама на ухо же мне отказала, тогда хозяйка льстиво похвалила меня, сказав, что любит козлят как родных детей и потому мне бы отдала в

руки обоих. Но я сказала: «Что вы, мне одну козочку». Быстро сторговались, тетка явно не знала нынешнего счета деньгам и взяла мало, и даже дала нам комочек каменной соли в дорогу. Видимо, она была убеждена, что сделала выгодное дело, и действительно, козочка быстро начала у нас хиреть, перемучившись в дороге. Положение поправила все та же Анисья, она взяла козленка к себе, предварительно вымазав его своей дворовой грязью, и коза приняла козленка как своего, не убила. Анисья просто цвела.

Самое основное теперь у нас было, но мой неугомонный хромой отец начал уходить каждый день все в лес и в лес. Он уходил с топором, с гвоздями, с пилой, с тачкой, уходил на рассвете, приходил в ночной тьме. Мы с мамой возились в огороде, кое-как продолжали отцовскую работу по сбору оконных рам, дверей и стекол, потом мы все-таки готовили, убирали, носили воду для стирки, что-то шили. Из старых, свалявшихся тулупов, найденных по домам, мы шили что-то типа пимов на зиму, шили рукавицы, сделали для кроватей меховые подстилки. Отец, когда увидел такую подстилку ночью, нащупал под собой, мгновенно скатал все три штуки и утром увез на тачке. Похоже было, что отец готовит еще одно логово, только в лесу, и это оказалось потом очень и очень кстати. Хотя потом оказалось также, что никакой труд и никакая предусмотрительность не спасут от общей для всех судьбы, спасти не может ничто кроме удачи.

Тем временем мы прожили самый страшный месяц июнь (месяц ау), когда припасы в деревне обычно кончаются. Мы жрали салат из одуванчиков, варили щи из крапивы, но в основном щипали траву и носили, носили, носили в рюкзаках и сумках. Косить мы не умели, да и трава еще не очень поднялась. Анисья в конце концов дала нам косу (за десять рюкзаков травы, а это немало), и мы с мамой по очереди косили. Повторяю, мы жили далеко от мира, я сильно тосковала по своим подругам и друзьям, но ничто уже не доносилось до нашего дома, отец, прав-

да, слушал радио, но редко: берег батарейки. По радио передавалось все очень лживое и невыносимое, но мы косили и косили, наша козочка Рая подрастала, надо было ей подыскивать козлика, и мы пошли опять в ту же деревню, где проживала наша владелица еще одного козленка. А ведь она нам его навязывала тогда, а мы и не знали подлинной ценности козленка! Хозяйка козленка встретила нас неприветливо, все уже о нас все знали, но не знали, что у нас есть козочка: наша Райка воспитывалась у Анисьи. Поэтому хозяйка встретила нас неприветливо: она нам продала, а мы не уберегли, наше дело. Козленка она не стала продавать, муки у нас уже не было, ни муки, ни лепешек – да и ее козленок весил уже много, и три кило свежего мяса стоило неизвестно сколько в то голодное время. Договорились мы только на том, что отдаем ей кило соли и десять брусков мыла. Но это для нас была цена будущего молока, и мы сбегали домой за всем этим делом, предупредив хозяйку, что нам нужен живой козленок. «А что я буду, мараться для вас», – ответила хозяйка. К вечеру мы принесли козленка домой, и пошли суровые летние будни: сенокос, прополка огорода, окучивание картофеля, и все в одном ритме с Анисьей... По договоренности мы брали у Анисьи половину козьих катышков и кое-как удобряли почву, но росло у нас плохо и мелко. Бабка Анисья, освобожденная от сенокоса, привязавши козу и весь козий детский сад в пределах нашей видимости, бегала за грибами и ягодами, заходила к нам и принимала нашу работу. Пришлось заново пересеять укроп, который мы посеяли слишком глубоко, а он был нужен для засолки огурцов. Картофель ударился в ботву. Мы с матерью читали книгу «Справочник садово-огородного хозяйства», а отец наконец-то закончил свои работы в лесу, и мы пошли смотреть его новое жилье. Это оказалась чья-то избушка, отец ее то ли подновил, во всяком случае проконопатил, вставил рамы, стекла, двери, покрыл крышу толем. В доме было пусто. Все следующие ночи мы возили

туда столы, лавки, лари, бадейки, чугунки и оставшиеся припасы, все прятали, отец же рыл там погреб и чуть ли не подземную землянку с печью, третий дом по счету. У отца уже цвело в огородике.

За лето мы с матерью стали грубыми крестьянками с толстыми пальцами на руках, с толстыми грубыми ногтями, в которые въелась земля, и, что самое интересное, у основания ногтей возникли как бы валики, утолщения или наросты. Я заметила, что у Анисьи то же самое, и у бездеятельной Марфутки те же руки, и у Татьяны, самой большой нашей барыни и медработника, была та же картина. Кстати говоря, постоянная посетительница Тани пастушиха Верка повесилась в лесу, пастушихой она уже не была, стадо все съели, и Анисья очень грешила на Таню и выдала нам ее тайну, что Таня давала Верке не чаю, а какого-то лекарства и Верка не могла без него жить и из-за этого повесилась, платить стало нечем. Верка оставила маленькую дочь, и без отца при этом. Анисья, поддерживавшая сношения с Тарутином, рассказала, что эта девочка живет у бабушки, потом выяснилось далее из того же торжествующего рассказа Анисьи, что эта бабушка вроде нашей Марфуты красавица, только еще и пьющая, и трехлетний ребенок, совершенно уже без памяти, был привезен мамой к нам в дом в старой детской коляске. Маме всегда было больше всех надо, отец злился, девочка мочилась в кровать, ничего не говорила, сопли слизывала, слов не понимала, ночью плакала часами. И от этих ночных криков всем скоро не стало житья, и отец ушел жить в лес. Делать было нечего, и все шло к тому, чтобы отдать девочку ее непутевой бабке, как вдруг эта бабка Фаина сама пришла к нам и стала, покачиваясь, выманивать деньги за девочку и за коляску. Мать без единого слова вывела ей Лену, чистую, подстриженную, босую, но в платьице. Лена вдруг упала в ноги моей матушке без крика, как взрослая, и согнулась в комочек, охвативши мамины босые ступни. Бабка заплакала и ушла без Лены и без коля-

ски, видимо, ушла умирать. Она шаталась на ходу и вытирала слезы кулаком, а шаталась она не от вина, а от полного истощения, как я догадалась потом. Хозяйства у нее давно не было никакого, последнее время Верка ведь не зарабатывала ничего. Мы-то сами ели все больше вареную траву в разных видах, с грибным супом во главе. Козлята давно жили у отца от греха подальше, колея туда заросла совсем, тем более что отец ходил с тачкой разными путями в рассуждении о будущем. Лена осталась жить с нами, мы отливали ей молока, кормили ягодами и нашими грибными щами. Все становилось гораздо страшнее, когда мы начинали думать о зиме. Хлеба – ни муки, ни зерна – не было, ничего в округе не было посеяно, ведь бензина и запчастей не водилось давно, а лошадей перебили еще раньше, пахать оказалось не на чем. Отец походил пособирал каких-то случайных уцелевших колосьев на бывших полях, но перед ним уже прошлись, и не раз, ему досталось немного, мешочек зерен. Он рассчитывал освоить в лесу озимый сев на поляне невдалеке от избушки, выспрашивал у Анисьи сроки, и она обещала ему сказать, когда и как сеют, как пашут. Лопату она отвергла, а сохи не было нигде. Отец попросил ее нарисовать соху и стал, совсем как Робинзон, сколачивать какую-то штуку. Анисья сама плохо помнила все подробности, хотя ей и приходилось во времена оны ходить за коровой с сохой, а отец загорелся инженерной идеей и сел изобретать этот велосипед. Он был счастлив своей новой судьбой и не вспоминал о городе, в котором оставил много врагов, в том числе и своих родителей, моих бабушку и дедушку, которых я видала только в глубоком детстве, а дальше все утонуло в скандалах из-за моей мамы и дедовской их квартиры, провались она пропадом, с генеральскими потолками, сортиром и кухней. Нам в ней не привелось жить, а теперь, наверное, мои бабушка и дедушка были уже трупами. Мы никому ничего не сказали, когда убирались из города, хотя отец готовился к отъезду долго, откуда у нас и

набрался полный кузов мешков и ящиков. Все это были вещи недорогие и в свое время недефицитные, отец мой, человек дальновидный, собирал их в течение нескольких лет, когда они действительно были недорогими и недефицитными. Мой отец, бывший спортсмен, турист-альпинист, геолог, повредивший ногу в бедре, давно жил жаждой уйти, и тут обстоятельства совпали с его все развивающейся манией бегства, и мы бежали, когда все еще было безоблачно. «Над всей Испанией безоблачное небо», – шутил отец буквально в каждое хорошее утро.

Лето выдалось прекрасное, все зрело, наливалось, наша Лена начала разговаривать, бегала за нами в лес, не собирала грибы, а именно бегала за мамой как пришитая, как занятая главным делом жизни. Напрасно я приучала ее замечать грибы и ягоды, ребенок в ее положении не мог спокойно жить и отделяться от взрослых, она спасала свою шкуру и всюду ходила за мамой, бегала за ней на своих коротких ногах, с раздутым своим животиком. Лена называла маму «няня», откуда она взяла это слово, мы ей его не говорили. И меня она называла «няня», очень остроумно, кстати.

Однажды ночью мы услышали за дверью писк как бы котенка и обнаружили младенца, завернутого в старую, замасленную телогрейку. Отец, который притерпелся к Лене и даже приходил к нам днем кое-что поделать по хозяйству, тут ахнул. Мать была настроена сурово и решила спросить Анисью, кто это мог сделать. С ребенком, ночью, в сопровождении молчаливой Лены, мы отправились к Анисье. Она не спала, она тоже слышала крик ребенка и сильно тревожилась. Она сказала, что в Тарутино пришли первые беженцы и что скоро придут и к нам, ждите еще гостей. Ребенок пищал, пронзительно и безостановочно, у него был твердый вздутый живот. Таня, приглашенная утром для осмотра, сказала, даже не притронувшись к ребенку, что он не жилец, что у него «младенческая». Ребенок мучился, орал, а у нас даже не

было соски, чем кормить, мама капала ему в пересохший ротик водичкой, он захлебывался. Было ему на вид месяца четыре. Мама сбегала хорошим маршем в Тарутино, выменяла соску у аборигенов на золотую кучку соли и прибежала назад бодрая, и ребенок выпил из рожка немного воды. Мама сделала ему клизму, даже с ромашкой, мы все, не исключая и отца, бегали, носились, грели воду, поставили ребенку грелку. Всем было ясно, что надо бросать дом, огород, налаженное хозяйство, иначе нас накроют. Бросать огород значило умирать голодной смертью. Отец на семейном совете сказал, что в лес переселяемся мы, а он с ружьем и Красивой поселяется в сарае у огорода.

Ночью мы тронулись с первой партией вещей. Мальчик, которого назвали Найден, ехал на тачке на узлах. На удивление всем, он после клизмы опростался, затем пососал разведенного козьего молока и теперь ехал в овечьей шкуре, притороченной к тачке. Лена шла, держась за узды.

К рассвету мы пришли в свой новый дом, отец тут же сделал второй заход, потом третий. Он, как кошка, таскал в зубах все новых котят, то есть все свои нажитые горбом приобретения, и маленькая избушка оказалась заваленной вещами. Днем, когда все мы, замученные, уснули, отец отправился на дежурство. Ночью он привез тачку вырытых еще молодых овощей, картофеля, моркови и свеклы, репки и маленьких луковок, мы раскладывали это в погребе. Тут же ночью он снова ушел и вернулся чуть ли не бегом с пустой тачкой. Прихромал понурый и сказал: все! Еще он принес баночку молока для мальчика. Оказалось, что наш дом занят какой-то хозкомандой, у огорода стоит часовой, у Анисьи свели козу в тот же наш бывший дом. Анисья с ночи караулила отца на его боевой тропе с этой баночкой вечорошнего молока. Отец хоть и горевал, но он и радовался, потому что ему опять удалось бежать, и бежать со всем семейством.

Теперь вся надежда была на маленький огород отца и на грибы. Лена сидела в избушке с мальчиком, в лес ее не брали, запирали, чтобы не срывала темпа работ. Как ни странно, вдвоем с мальчиком она сидела, не билась об дверь. Найден вовсю пил отвар из картофеля, а мы с матерью рыскали по лесам с кошелками и рюкзаками. Грибы мы уже не солили, а только сушили, соли почти не было. Отец рыл колодец, ручей был далековато.

На пятый день нашего переселения к нам пришла бабка Анисья. Она пришла пустая, без ничего, только с кошкой на плече. Глаза у Анисьи смотрели странно. Анисья посидела на крылечке, держа испуганную кошку в подоле, потом подхватилась и ушла в леса. Кошка забилась под крыльцо. Анисья вскоре принесла полный передник грибов, среди них лежал и мухомор. Анисья осталась сидеть у нас на крыльце и не пошла в дом. Мы ей вынесли нашего пустого супу в баночке из-под ее же молока. Вечером отец отвел Анисью в землянку, где у нас был третий запасной дом, Анисья отлежалась и начала бодро рыскать по лесам. Грибы я у нее отбирала, чтобы она не отравилась. Часть мы сушили, часть выбрасывали. Однажды днем, вернувшись из леса, мы нашли наших приемышей всех вместе на крыльце. Анисья качала Найдена и вообще вела себя как человек. Ее словно прорвало, она рассказывала Лене: «Все перешевыряли, все унесли... К Марфуте даже не сунулись, а у меня все взяли, козу свели на веревочке...»

Анисья еще долго была полезной, пасла наших коз, сидела с Найденом и Леной до самых морозов. А потом Анисья легла с детьми на печку и слезала только на двор. Зима замела снегом все пути к нам, у нас были грибы, ягоды сушеные и вареные, картофель с отцовского огорода, полный чердак сена, моченые яблоки с заброшенных в лесу усадеб, даже бочонок соленых огурцов и помидоров. На делянке, под снегом укрытый, рос озимый хлеб. Были козы. Были мальчик и девочка для продолжения человеческого рода, кошка, носившая нам шалых лесных мы-

шей, была собака Красивая, которая не желала этих мышей жрать, но с которой отец надеялся вскоре охотиться на зайцев. С ружьем отец охотиться боялся, он боялся даже дрова рубить из-за опасений, что нас засекут по звуку. В глухие метели отец рубил дрова. У нас была бабушка, кладезь народной мудрости и знаний. Вокруг нас простирались холодные пространства.

Отец однажды включил приемник и долго шарил в эфире. Эфир молчал. То ли сели батарейки, то ли мы действительно остались одни на свете. У отца блестели глаза: ему опять удалось бежать!

В случае, если мы не одни, к нам придут. Это ясно всем. Но, во-первых, у отца есть ружье, у нас есть лыжи и есть чуткая собака. Во-вторых, когда еще придут! Мы живем, ждем, и там, мы знаем, кто-то живет и ждет, пока мы взрастим наши зерна и вырастет хлеб, и картофель, и новые козлята, – вот тогда они и придут. И заберут все, в том числе и меня. Пока что их кормит наш огород, огород Анисьи и Танино хозяйство. Тани давно уже нет, я думаю, а Марфутка на месте. Когда мы будем как Марфутка, нас не тронут.

Но нам до этого еще жить да жить. И потом, мы ведь тоже не дремлем. Мы с отцом осваиваем новое убежище.

ЧЕРНОЕ ПАЛЬТО

Одна девушка вдруг оказалась на краю дороги зимой в незнакомом месте: мало того, она была одета в чье-то чужое черное пальто.

Под пальто, она посмотрела, был спортивный костюм.

На ногах находились кроссовки.

Девушка вообще не помнила, кто она такая и как ее зовут.

Она стояла и мерзла на непонятном шоссе зимой, ближе к вечеру.

Вокруг был лес, становилось темно.

Девушка подумала, что надо куда-то двигаться, потому что было холодно, черное пальто не грело совершенно.

Она пошла по дороге.

Тем временем из-за поворота показался грузовик. Девушка подняла руку, и грузовик остановился. Шофер открыл дверцу. В кабине уже сидел один пассажир.

– Тебе куда?

Девушка ответила первое, что пришло на ум:

– А вы куда?

– На станцию, – ответил, засмеявшись, шофер.

– И мне на станцию. – (Она вспомнила, что из леса,

действительно, надо выбираться на какую-нибудь станцию).

– Поехали, – сказал шофер, все еще смеясь – На станцию так на станцию.

– Я же не помещусь, – сказала девушка.

– Поместишься, – смеялся шофер. – Товарищ у меня одни кости.

Девушка забралась в кабину, и грузовик тронулся.

Второй человек в кабине угрюмо потеснился.

Лица его совершенно не было видно из-под надвинутого капюшона.

Они мчались по темнеющей дороге среди снегов, шофер молчал, улыбаясь, и девушка тоже молчала, ей не хотелось ничего спрашивать, чтобы никто не заметил, что она все забыла.

Наконец они приехали к какой-то платформе, освещенной фонарями, девушка слезла, дверца за ней хлопнула, грузовик рванул с места.

Девушка поднялась на перрон, села в подошедшую электричку и куда-то поехала.

Она помнила, что полагается покупать билет, но в карманах, как выяснилось, не было денег: только спички, какая-то бумажка и ключ.

Она стеснялась даже спросить, куда едет поезд, да и некого было, вагон был совершенно пустой и плохо освещенный.

Но в конце концов поезд остановился и больше никуда не пошел, и пришлось выйти.

Это был, видимо, большой вокзал, но в этот час совершенно безлюдный, с погашенными огнями.

Все вокруг было перерыто, зияли какие-то безобразные свежие ямы, еще не занесенные снегом.

Выход был только один, спуститься в туннель, и девушка пошла по ступенькам вниз.

Туннель тоже оказался темным, с неровным, уходящим вниз полом, только от кафельных белых стен шел какой-то свет.

Девушка легко бежала вниз по туннелю, почти не касаясь пола, неслась как во сне мимо ям, лопат, каких-то носилок, здесь тоже, видимо, шел ремонт.

Потом туннель закончился, впереди была улица, и девушка, задыхаясь, выбралась на воздух.

Улица тоже оказалась пустой и какой-то полуразрушенной.

В домах не было света, в некоторых даже не оказалось крыш и окон, только дыры, а посредине проезжей части торчали временные ограждения: там тоже все было раскопано.

Девушка стояла у края тротуара в своем черном пальто и мерзла.

Тут к ней внезапно подъехал маленький грузовик, шофер открыл дверцу и сказал:

– Садись, подвезу.

Это был тот самый грузовик, и рядом с шофером сидел знакомый человек в черном пальто с капюшоном.

Но за то время, пока они не виделись, пассажир в пальто с капюшоном как будто бы потолстел, и места в кабине почти не было.

– Тут некуда, – сказала девушка, залезая в кабину. В глубине души она обрадовалась, что ей чудесным образом встретились старые знакомые.

Это были ее единственные знакомые в той новой, непонятной жизни, которая ее теперь окружала.

– Поместишься, – засмеялся веселый шофер, поворачивая к ней лицо.

И она с необыкновенной легкостью действительно поместилась, даже осталось еще пустое пространство между ней и ее мрачным соседом, он оказался совсем худым, это просто его пальто было такое широкое.

И девушка думала: возьму и скажу, что ничего не знаю.

Шофер тоже был очень худым, иначе бы они все не расселись так свободно в этой тесной кабине маленького грузовика.

Шофер был просто очень худой и курносый до невозможности, то есть вроде бы уродливый, с совершенно лы-

сым черепом, и вместе с тем очень веселый: он постоянно смеялся, открывая при смехе все свои зубы.

Можно даже сказать, что он не переставая хохотал во весь рот, беззвучно.

Второй сосед все еще прятал лицо в складках своего капюшона и не говорил ни слова.

Девушка тоже молчала: о чем ей было говорить?

Они ехали по совершенно пустым и раскопанным ночным улицам, народ, видимо, давно спал по домам.

– Тебе куда надо? – спросил весельчак, смеясь во весь свой рот.

– Мне надо к себе домой, – ответила девушка.

– А это куда? – беззвучно хохоча, поинтересовался шофер.

– Ну... До конца этой улицы и направо, – сказала девушка неуверенно.

– А потом? – спросил, не переставая щерить зубы, водитель.

– А потом все время прямо.

Так ответила девушка, в глубине души боясь, что у нее потребуют адрес.

Грузовик мчался совершенно бесшумно, хотя дорога была жуткая, вся в ямах.

– Куда? – спросил веселый.

– Вот здесь, спасибо, – сказала девушка и открыла дверцу.

– А платить? – разинув смеющуюся пасть до предела, воскликнул шофер.

Девушка поискала в карманах и снова обнаружила бумажку, спички и ключ.

– А у меня нету денег, – призналась она.

– Если нет денег, нечего было и садиться, – захохотал шофер. – Тот первый раз мы ничего с тебя не взяли, а тебе это, видно, понравилось. Давай иди домой и принеси нам деньги. Или мы тебя съедим, мы худые и голодные, да? Точно, пустая башка? – спросил он со смехом товарища. – Мы питаемся такими вот как ты. Шутка, конечно.

Они вышли все вместе из грузовика на каком-то пустыре, где вразброс стояли еще не заселенные, видимо, дома, по виду новые.

Во всяком случае, огней не было видно.

Только горели фонари, освещая темные, безжизненные окна.

Девушка, все еще на что-то надеясь, дошла до самого последнего дома и остановилась.

Ее спутники остановились тоже.

– Это здесь? – спросил хохочущий шофер.

– Может быть, – шутливо ответила девушка, замирая от неловкости: вот сейчас и обнаружится, что она все забыла.

Они вошли в подъезд и стали подниматься по темной лестнице.

Хорошо, что фонари светили в окна и были видны ступени.

На лестнице стояла полнейшая тишина.

Дойдя до какого-то этажа, девушка у первой попавшейся двери достала из кармана ключ, и, к ее удивлению, ключ легко повернулся в замке.

В прихожей было пусто, они прошли дальше, в первой комнате тоже, а вот во второй в дальнем углу лежала груда непонятных вещей.

– Видите, у меня нет денег, берите вещи, – сказала девушка, оборачиваясь к своим гостям.

При этом она обратила внимание, что шофер все так же широко ухмыляется, а человек в капюшоне все так же прячет лицо, отвернувшись.

– А что это такое? – спросил шофер.

– Это мои вещи, они мне больше не нужны, – ответила девушка.

– Ты так думаешь? – спросил шофер.

– Конечно, – сказала девушка.

– Тогда хорошо, – подал голос шофер, наклоняясь над кучей.

Они вдвоем с пассажиром стали разглядывать вещи и что-то уже потянули в рот.

А девушка тихо попятилась и вышла в коридор.

– Я сейчас, – крикнула она, увидев, что они подняли головы в ее сторону.

В коридоре она на цыпочках, широко ступая, добралась до дверей и оказалась на лестнице.

Сердце громко билось, стучало в пересохшем горле.

Совершенно нечем было дышать.

«Как все-таки повезло, что первая попавшаяся квартира открылась моим ключом, – думала она. – Никто не заметил, что я ничего не помню».

Она спустилась этажом ниже и услышала быстрые шаги наверху на лестнице.

Тут же ей пришло в голову опять воспользоваться ключом.

И, как ни странно, первая же дверь отперлась, девушка скользнула в квартиру и захлопнула за собой дверь.

Было темно и тихо.

Никто не преследовал ее, не стучал, может быть, незнакомцы уже ушли вниз по лестнице, таща найденные вещи, и оставили в покое бедную девушку.

Теперь можно было как-то обдумать свое положение.

В квартире не очень холодно, это уже хорошо.

Наконец-то найдено пристанище, хоть временное, и можно лечь где-нибудь в углу.

У нее от усталости болела шея и спина.

Девушка тихо пошла по квартире, в окна бил свет от уличных фонарей, комнаты были абсолютно пустые.

Однако когда она зашла в последнюю дверь, сердце у нее громко застучало: в углу лежала куча каких-то вещей.

В том же углу, что и этажом выше.

Девушка постояла, ожидая какого-то нового происшествия, но ничего не случилось, тогда она подошла к этой груде и села на тряпки.

– Ты что, обалдела? – закричал полузадушенный голос, и она почувствовала, что тряпки под ней шевелятся как живые, как будто змеи.

Тут же сбоку высунулись две головы и четыре руки одна за другой, оба ее знакомца, живо ерзая, возились в тряпках и наконец выбрались наружу.

Девушка побежала на лестницу.

Ноги у нее были словно ватные.

За ее спиной кто-то активно выползал в коридор.

И тут она увидела полоску света под ближайшей дверью.

Девушка опять неожиданно легко открыла своим ключом квартиру напротив и ворвалась туда, быстро закрыв за собой дверь.

Перед ней на пороге стояла женщина с горящей спичкой в руке.

– Спасите меня ради Бога, – зашептала девушка.

На лестнице за ее спиной уже слышались легкие шорохи, как будто кто-то полз.

– Проходи, – сказала женщина, выше поднимая догорающую спичку.

Девушка подвинулась еще на шаг и прикрыла дверь.

На лестнице было тихо, как будто кто-то остановился и размышлял.

– Ты что в двери по ночам ломишься, – грубовато спросила женщина со спичкой.

– Пойдемте туда, – шептала девушка, – туда куда-нибудь, я вам все объясню.

– Туда я не могу, – глухо сказала женщина. – Спичка по дороге погаснет. Нам дается только десять спичек.

– У меня есть спички, – обрадовалась девушка, – возьмите. Она нашарила коробок в кармане пальто и протянула женщине.

– Зажги сама, – потребовала женщина.

Девушка зажгла, и при мерцающем свете спички они пошли по коридору.

– Сколько их у тебя? – спросила женщина, глядя на коробок.

Девушка погремела спичками.

– Мало, – сказала женщина. – Наверно, уже девять.

– Как освободиться? – прошептала девушка.

– Можно проснуться, – ответила женщина, – но это бывает не всегда. Я, например, уже больше не проснусь. Мои спички кончились, тю-тю.

И она засмеялась, обнажив в улыбке большие зубы. Она смеялась очень тихо, беззвучно, как будто хотела просто раскрыть рот как можно шире, как будто зевала.

– Я хочу проснуться, – сказала девушка. – Давайте кончим этот страшный сон.

– Пока горит спичка, ты еще можешь спастись, – сказала женщина. – Мою последнюю спичку я израсходовала только что, хотела тебе помочь. Теперь мне уже все безразлично. Я даже хочу, чтобы ты тут осталась. Ты знаешь – все очень просто, не надо дышать. Можно сразу перелететь, куда хочешь. Не нужен свет, не нужно есть. Черное пальто спасает от всех бед. Я скоро полечу посмотреть, как мои дети. Они были большие озорники и не слушались меня. Один раз младший плюнул в мою сторону, когда я сказала, что папы больше нет. Заплакал и плюнул. Теперь я уже не могу их любить. Еще я мечтаю полететь посмотреть, как там мой муж и его подружка. Я к ним тоже теперь равнодушна. Я сейчас очень многое поняла. Я была такая дура!

И она опять засмеялась.

– С этой последней спичкой выпадение памяти прошло. Теперь я вспомнила всю свою жизнь и считаю, что была неправа. Я смеюсь над собой.

Она действительно смеялась во весь рот, но беззвучно.

– Где мы? – спросила девушка.

– На этот вопрос не бывает ответа, скоро увидишь сама. Будет запах.

– Кто я? – спросила девушка.

– Ты узнаешь.

– Когда?

– Когда кончится десятая спичка.

А спичка девушки уже догорала.

– Пока она горит, ты можешь проснуться. Но я не знаю, как. Мне не удалось.

– Как тебя зовут? – спросила девушка.

– Мое имя скоро напишут масляной краской на железной дощечке. И воткнут в маленькую горку земли. Тогда я прочту и узнаю. Уже готова банка краски и эта пустая дощечка. Но это известно только мне, остальные еще не в курсе. Ни мой муж, ни его подруга, ни мои дети. Как пусто! – сказала женщина. – Скоро я улечу и увижу себя сверху.

– Не улетай, я прошу тебя, – сказала девушка. – Хочешь мои спички?

Женщина подумала и сказала:

– Пожалуй, я возьму одну. Мне еще кажется, что мои дети любят меня. Что они будут плакать. Что они будут никому на свете не нужны, ни их отцу, ни его новой жене.

Девушка сунула свободную руку в карман и вместо коробка спичек нашарила там бумажку.

– Смотри, что тут написано! «Прошу никого не винить, мама, прости». А раньше она была пустая!

– А, ты так написала! А я написала «больше так не хочу, дети, люблю вас». Она проявилась только недавно.

И женщина достала из кармана черного пальто свою бумажку.

Она стала читать ее и воскликнула:

– Смотри, буквы растворяются! Наверно, кто-то эту записку уже читает! Она уже попала в чьи-то руки... Нет буквы «б» и буквы «о»! И тает буква «л»!

Тут девушка спросила:

– Ты знаешь, почему мы здесь?

– Знаю. Но тебе не скажу. Ты сама узнаешь. У тебя еще есть запас спичек.

Девушка тогда достала из кармана коробок и протянула женщине:

– Бери все! Но скажи мне!

Женщина отсыпала себе половину спичек и сказала:

– Кому ты написала эту записку? Помнишь?

– Нет.

— Ты сожги еще одну спичку, эта уже догорела. С каждой сожженной спичкой я вспоминала все больше.

Девушка взяла тогда все свои четыре спички и подожгла. Вдруг все осветилось перед ней: как она стояла на табуретке под трубой, как на столе лежала маленькая записка «Прошу никого не винить», как где-то там, за окном, лежал ночной город и в нем была квартира, где ее любимый, ее жених, не хотел больше подходить к телефону, узнав, что у нее будет ребенок, а брала трубку его мать и все время спрашивала «А кто и по какому вопросу», — хотя прекрасно разбиралась — и по какому вопросу, и кто звонит...

Последняя спичка догорала, но девушка очень хотела знать, кто спал за стеной в ее собственной квартире, кто там, в соседней комнате, похрапывал и стонал, пока она стояла на табуретке и привязывала свой тонкий шарф к трубе под потолком...

Кто там, в соседней комнате, спит — и кто не спит, а лежит глядит больными глазами в пустоту и плачет...

Кто?

Спичка уже почти догорела.

Еще немного — и девушка поняла все.

И тогда она, находясь в пустом темном доме, в чужой квартире, схватила свой клочок бумажки и подожгла его!

И увидела, что там, в той жизни, за стеной храпит ее больной дедушка, а мама лежит на раскладушке поблизости от него, потому что он тяжело заболел и все время просит пить.

Но был еще кто-то там, чье присутствие она ясно чувствовала и кто любил ее — но бумажка быстро угасала в ее руках.

Этот кто-то тихо стоял перед ней и жалел ее, и хотел поддержать, но она его не могла видеть и слышать и не желала говорить с ним, слишком у нее сильно болела душа, она любила своего жениха и только его, она не любила больше ни маму, ни деда, ни того, кто стоял перед ней той ночью и пытался ее утешить.

И в самый последний момент, когда догорал последний огонь ее записки, она захотела поговорить с тем, кто стоял перед ней внизу, на полу, а глаза его были вровень с ее глазами, как-то так получалось.

Но бедная маленькая бумажка уже догорала, как догорали остатки ее жизни там, в комнате с лампочкой.

И девушка тогда сбросила с себя черное пальто и, обжигая пальцы, последним язычком пламени дотронулась до сухой черной материи.

Что-то щелкнуло, запахло паленым, и за дверью завыли в два голоса.

– Скорей снимай с себя свое пальто! – закричала она женщине, но та уже спокойно улыбалась, раскрыв свой широкий рот, и в ее руках догорала последняя из спичек...

Тогда девушка – которая была и тут, в темном коридоре перед дымящимся черным пальто, и там, у себя дома, под лампочкой, и она видела перед собой чьи-то ласковые, добрые глаза – девушка дотронулась своим дымящимся рукавом до черного рукава стоящей женщины, и тут же раздался новый двойной вой на лестнице, а от пальто женщины повалил смрадный дым, и женщина в страхе сбросила с себя пальто и тут же исчезла.

И все вокруг тоже исчезло.

В то же мгновение девушка уже стояла на табуретке с затянутым шарфом на шее и, давясь слюной, смотрела на стол, где белела записка, в глазах плавали огненные круги.

В соседней комнате кто-то застонал, закашлялся, и раздался сонный голос мамы: «Отец, давай попьем?»

Девушка быстро, как только могла, растянула шарф на шее, задышала, непослушными пальцами развязала узел на трубе под потолком, соскочила с табуретки, скомкала свою записку и плюхнулась в кровать, укрывшись одеялом.

И как раз вовремя. Мама, жмурясь от света, заглянула в комнату и жалобно сказала:

– Господи, какой мне страшный сон приснился... Какой-то огромный ком земли стоит в углу, и из него торчат корни... И твоя рука... И она ко мне тянется, мол, помоги... Что ты спишь в шарфе, горло заболело? Дай я тебя укрою, моя маленькая... Я плакала во сне...

– Ой, мама, – своим всегдашним тоном ответила ее дочь. – Ты вечно с этими снами! Ты можешь меня оставить в покое хотя бы ночью! Три часа утра, между прочим!

И про себя она подумала, что бы было с матерью, если бы она проснулась на десять минут раньше...

А где-то на другом конце города женщина выплюнула горсть таблеток и тщательно прополоскала горло.

А потом она пошла в детскую, где спали ее довольно большие дети, десяти и двенадцати лет, и поправила на них сбившиеся одеяла.

А потом опустилась на колени и начала просить прощения.

БОГ ПОСЕЙДОН

Случайно в приморской местности я обнаружила свою подругу Нину, женщину не первой молодости с сыном-подростком. Нина повела меня к себе домой, я увидела нечто необычайное. Взять хотя бы подъезд, гулкий, высокий, с мраморной лестницей, потом саму квартиру, застланную серым бобриком, с преобладанием цвета темного дерева и алого сукна. Все это великолепно выглядело, как на картинке в модном журнале «Л'ар декорасьон», искусство декорирования, и точно такой же была ванная комната, опять-таки затянутая по полу серым сукном, с голубоватым фарфоровым умывальником и зеркалами – просто мечта! Я не верила своим глазам, а Нина хранила все тот же свой вечный измученно-уклончивый вид и повела меня в комнату, стоящую настежь тремя дверьми, темноватую, но опять-таки изящную, с неожиданно большим количеством неубранных кроватей. «Ты что, замуж вышла?» – спросила я Нину, а она с видом убирающейся хозяйки, озабоченно, хотя и ни к чему не притрагиваясь, пошла в одну из дверей. Помню рос-

кошную, как в отеле, комнату со стенными шкафами, длиной с каждой стороны метра по четыре и с платьями, висящими на вешалках. Как такое богатство и изобилие снизошло на бедную Нину, которая и белья-то порядочного никогда не знала, а имела одно вечное пальто на зиму и три платья, одно страшней другого? Вышла замуж, но куда, сюда, в эту дикость, в приморскую пустоту, где не живут люди, а ждут лета, когда можно будет сдавать и сдавать комнаты. А тут лестницы, коридоры, переходы, да еще вдобавок я вышла из квартиры не в ту дверь и оказалась в соседнем беломраморном подъезде, куда уже входили школьники с учительницей на экскурсию.

Ну, вышла замуж, однако оказалось, что вот, Нина сменяла свою однокомнатную квартиру в Москве, где прозябала с сыном, на эти апартаменты, да еще, получается, и со всей мебелью и вплоть до постельного белья и нарядов! То есть хозяева ничего не тронули, а убрались, но оказывается, не убрались все-таки, и отсюда озабоченный Нинин вид, потому что две лишние кровати в спальне – это были кровати хозяйки и хозяйкиного сына, молчаливого молодого рыбака с толстыми щеками. Хозяйка хлопотала по-прежнему, как видно, по хозяйству, за стол мы уселись под ее крыло, она вела себя точь-в-точь как если бы была хорошей, тихой свекровью, а Нина ее уважаемой невесткой, ради которой свекровь гнется и ломается по дому, на самом деле сохраняя все позиции матери семейства и главного лица в доме, не допуская невестку ни до чего.

Стало быть, выяснилось, что хозяйка сменялась с Ниной, Нина выехала сюда, бросила свою работу в газете в столице и собиралась писать о местном крае, о море, которое она всегда очень любила и благоговела перед всем что морское, – а пока что слонялась с озабоченным лицом по своему новому дому, из которого старые хозяева так и не выбрались. Формальности все были соблюдены, бумаги у Нины имелись, она с сыном жила в своем доме, но в этом доме жила еще пожилая хозяйка с сыном всю

эту зиму, и речи об их переезде не затевалось. Нина, человек неделовой, расхлябанный, привыкший все пускать на самотек – отсюда и ее уход из газеты на так называемые вольные хлеба и вообще видимое крушение и потопление всей жизни, – восприняла все происходящее так, как оно есть. Она ела, пила, выходила к морю, сидела там, сын ее ходил в местную довольно хорошую школу, денег не требовалось, питалось все это удвоившееся семейство дарами моря, которые доставлял на лодке молодой рыбак.

– Кто он? – спросила я, и Нина не задумываясь ответила, что он сын бога моря Посейдона, может жить под водой и дышать там, приносит оттуда буквально все, пешком ходит в разные страны по дну и приносит не только и не столько рыбу, сколько раковины и жемчуг, а также все для дома, для семьи.

При этом старая жена бога моря Посейдона, неизвестно зачем принявшая под свои крылья полностью потерпевшую крушение Нину, сидела во главе стола, под высоким окном, и кормила и кормила нас, а в моей памяти все всплывала гостиничная спальня-люкс с белокипенными, как морская пена, простынями и с числом коек четыре штуки – и все представлялось, что вот так и надо, все предоставить своему течению, не бороться, опустить руки, и тогда будешь дышать под этой водой, и тебя примет бог Посейдон и не так уж плохо поселит, ибо, вернувшись домой в Москву, я узнала, что Нина вовсе никуда не переселялась, а просто год тому назад утонула вместе со своим маленьким сыном, попав в известное кораблекрушение на прогулочном катере вблизи тех самых берегов, где только что я гуляла, ни о чем не подозревая.

ГИГИЕНА

Однажды в квартире семейства Р. раздался звонок, и маленькая девочка побежала открывать. За дверью стоял молодой человек, который на свету оказался каким-то больным, с тонкой, блестящей розовой кожицей на лице. Он сказал, что пришел предупредить о грозящей опасности. Что вроде бы в городе началась эпидемия вирусного заболевания, от которого смерть наступает за три дня, причем человека вздувает и так далее. Симптомом является появление отдельных волдырей или просто бугров. Есть надежда остаться в живых, если строго соблюдать правила личной гигиены, не выходить из квартиры и если нет мышей, поскольку мыши – главный источник заражения, как всегда.

Молодого человека слушали бабушка с дедушкой, маленькая девочка и ее отец. Мать была в ванной.

– Я переболел этой болезнью, – сказал молодой человек и снял шляпу, под которой был совершенно голый розовый череп, покрытый тончайшей, как пленка на закипающем молоке, кожи-

цей. – Мне удалось спастись, я не боюсь повторного заболевания и хожу по домам, ношу хлеб и запасы, если у кого нет. У вас есть запасы? Давайте деньги, я схожу, и сумку побольше, если есть – на колесиках. В магазинах уже большие очереди, но я не боюсь заразы.

– Спасибо, – сказал дедушка, – нам не надо.

– В случае заболевания всех членов семьи оставьте двери открытыми. Я выбрал себе то, что по силам, четыре шестнадцатиэтажных дома. Тот из вас, кто спасется, может так же, как я, помогать людям, спускать трупы и так далее.

– Что значит спускать трупы? – спросил дедушка.

– Я разработал систему эвакуации путем сбрасывания их на улицу. Понадобятся полиэтиленовые мешки больших размеров, вот не знаю, где их взять. Промышленность выпускает двойную пленку, ее можно приспособить, но где взять деньги, все упирается в деньги. Эту пленку можно резать горячим ножом, автоматически сваривается мешок любой длины. Горячий нож и двойная пленка.

– Нет, спасибо, нам не надо, – сказал дедушка.

Молодой человек пошел дальше по квартирам, как попрошайка, просить денег; как только захлопнули за ним дверь, он звонил уже у соседних дверей, и там ему открыли на цепочку, так что он вынужден был рассказывать свою версию и снимать шляпу на лестнице, в то время как его наблюдали в щель. Слышно было, что ему кратко ответили что-то и захлопнули дверь, но он все не уходил, не слышно было шагов. Потом дверь опять открылась на цепочку, кто-то еще желал послушать рассказ. Рассказ повторился. В ответ раздался голос соседа:

– Если есть деньги, сбегай принеси десять поллитровок, деньги отдам.

Послышались шаги, и все утихло.

– Когда он придет, – сказала бабушка, – пусть уж нам принесет хлеба и сгущенки... и яиц. Потом надо капусты и картошки.

– Шарлатан, – сказал дедушка, – хотя не похож на обожженного, это что-то другое.

Наконец встрепенулся отец, взял маленькую девочку за руку и повел ее вон из прихожей – это были не его родители, а жены, и он не особенно поддерживал их во всем, что бы они ни говорили. Они тоже его не спрашивали. По его мнению, что-то действительно начиналось, не могло не начаться, он чувствовал это уже давно и ждал. Его охватила какая-то оторопь. Он взял девочку за руку и повел ее вон из прихожей, чтобы она не торчала там, когда таинственный гость постучит в следующую квартиру: надо было с ним как следует потолковать как мужик с мужиком – чем он лечился, какие были обстоятельства.

Бабушка с дедушкой, однако, остались в прихожей, потому что они слышали, что лифта никто не вызвал и, стало быть, тот человек пошел дальше по этажу; видимо, он собирал деньги и сумки сразу, чтобы не бесконечно бегать в магазин. Или ему еще никто не дал ни денег, ни сумок, иначе он уже бы давно уехал на лифте, ибо к шестому этажу должно было набраться поручений. Или же он действительно был шарлатан и собирал деньги просто так, для себя, как уже однажды в своей жизни бабушка напоролась на женщину, которая вот так, сквозь щелочку, сказала ей, что она из второго подъезда, а там умерла женщина шестидесяти девяти лет, баба Нюра, и она по списку собирает ей на похороны, кто сколько даст, и предъявила бабушке список, где стояли росписи и суммы – тридцать копеек, рубль, два рубля. Бабушка вынесла рубль, хотя тети Нюры так и не вспомнила, и немудрено, потому что пять минут спустя позвонила в дверь хорошая соседка и сказала, что это ходит не известная никому аферистка, а с ней двое мужиков, они ждали ее на втором этаже, и они только что с деньгами скрылись из подъезда, список бросили.

Бабушка с дедушкой стояли в прихожей и ждали, потом пришел отец девочки Николай и тоже стал прислуши-

ваться, наконец вышла из ванной Елена, его жена, и громко стала спрашивать, что такое, но ее остановили.

Однако звонков больше не раздавалось на лестнице. То есть ездил лифт туда-сюда, даже выходили из него на их этаже, но потом гремели ключами и хлопали дверьми. Но все это был не тот человек в шляпе. Он бы позвонил, а не открывал бы дверь своим ключом.

Николай включил телевизор, поужинали, причем Николай очень много ел, в том числе и хлеб, и дедушка не удержался и сделал ему замечание, что ужин отдай врагу, а Елена заступилась за мужа, а девочка сказала: «Что вы орете», – и жизнь потекла своим чередом.

Ночью внизу, судя по звуку, разбили очень большое стекло.

– Витрина булочной, – сказал дедушка, выйдя на балкон. – Бегите, Коля, запасайтесь.

Стали собирать Николая, пока собирали, подъехала милицейская машина, кого-то взяли, поставили милиционера, отъехали. Николай пошел с рюкзаком и ножом, их там внизу оказалась целая группа людей, милиционера окружили, подмяли, через витрину стали впрыгивать и выпрыгивать люди, кто-то подрался с женщиной, отобрал у нее чемодан с хлебом, ей зажали рот и утащили в булочную. Народу внизу прибывало. Наконец пришел Николай с очень богатым рюкзаком – тридцать килограммов сушек и десять буханок хлеба. Николай снял с себя все и кинул в мусоропровод, сам в прихожей протерся с головы до ног одеколоном, все ватки выкинул в пакете за окно. Дедушка, который был доволен всем происходящим, заметил только, что придется дорожить одеколоном и всеми медикаментами. Заснули. Утром Николай за завтраком один съел полкило сушек за чаем и шутил по этому поводу: «Завтрак съешь сам». Дедушка был со вставными зубами и тосковал, размачивая сушки в чае. Бабушка замкнулась в себе, а Елена все уговаривала девочку

есть побольше сушек. Бабушка наконец не выдержала и сказала, что надо установить норму, не каждую же ночь грабить, вон и булочную заколотили, все вывезли. Подсчитали запасы, поделили все на пайки. Елена в обед отдала свой паек девочке, Николай был как черная туча и после обеда один съел буханку черного хлеба. Продовольствия должно было хватить на неделю, а потом наступала крышка. Николай и Елена позвонили на работу, но ни на работе Николая, ни у Елены никто не брал трубку. Звонили знакомым, все сидели по домам. Все ожидали. Телевизор перестал работать, там свистела частотка. На следующий день телефон не соединял. Внизу, на улице ходили прохожие с рюкзаками и сумками, кто-то волок спиленное дерево небольшого размера. Возник вопрос, как быть с кошкой – зверек второй день ничего не получал и ужасно мяукал на балконе.

– Надо впустить и кормить, – сказал дедушка. – Кошка – ценное свежее витаминное мясо.

Николай впустил кошку, ее покормили супом, не особенно много, чтобы не перекормить после голодовки. Девочка не отходила от кошки, те два дня, когда кошка мяукала на балконе, девочка все рвалась к ней, а теперь ее кормила в свое удовольствие, даже мать вспылила: «Отдаешь ей то, что я отрываю от себя для тебя».

Кошку, таким образом, покормили, но продовольствия оставалось на пять дней. Все ждали, что что-нибудь будет, кто-нибудь объявит мобилизацию, но на третью ночь заревели моторы на улицах, и город покинула армия.

– Выйдут за пределы, оцепят карантин, – сказал дедушка. – Ни в город, ни из города. Самое страшное, что все оказалось правдой. Придется идти в город за продуктами.

– Одеколон дадите – пойду, – сказал Николай. – Мой почти весь.

– Все будет ваше, – сказал дедушка многозначительно, но и уклончиво. Он сильно похудел. – Счастье еще, что работают водопровод и канализация.

– Тьфу тебе, сглазишь, – сказала бабушка.

Николай ушел ночью в гастроном, он взял с собой рюкзак и сумки, а также нож и фонарик. Он вернулся, когда было еще темно, разделся на лестнице, бросил в мусоропровод одежду и голый обтерся одеколоном. Вытерев подошву, он ступил в квартиру, затем вытер другую подошву, ватки бросил в бумажке вниз. Рюкзак он поставил кипятиться в баке, сумки тоже. Добыл он не много: мыло, спички, соль, полуфабрикаты ячменной каши, кисель и ячменный кофе. Дедушка был очень рад, он пришел в полный восторг. Нож Николай обжигал на газовом пламени.

– Кровь – самая большая инфекция, – заметил дедушка, ложась под утро спать.

Продовольствия, как посчитали, должно было теперь хватить на десять дней, если питаться киселем, кашами и всего есть понемножку.

Николай стал каждую ночь ходить на промысел, и возник вопрос с одеждой. Николай стал ее складывать еще на лестнице в полиэтиленовый мешок, нож все время прокаливал. Но ел по-прежнему много, правда, теперь уже без замечаний со стороны дедушки.

Кошка худела день ото дня, шкурка ее обтянула, обеды, ужины и завтраки проходили в мучениях, так как девочка все время старалась что-нибудь бросить на пол кошке. Елена начала просто бить по рукам. Все кричали. Кошку выводили, она бросалась об дверь.

Однажды это вылилось в страшнейшую сцену. Девочка пришла с кошкой на руках на кухню, где находились дедушка и бабушка. Рот у кошки и у девочки был измазан чем-то.

– Вот, – сказала девочка и поцеловала, наверное, не в первый раз, кошку в поганую морду.

– Что такое? – воскликнула бабушка.

– Она поймала мышку, – ответила девочка. – Она ее съела. – И девочка снова поцеловала кошку в рот.

– Какую мышку? – спросил дедушка, они с бабушкой оцепенели.

– Такую серую мышку.

– Вздутую? Толстую?

– Да, толстую, большую. – Кошка на руках у девочки начала вырываться.

– Держи крепче! – сказал дедушка. – Иди в свою комнату, детка, иди. Иди с кошечкой. Ах ты, гадина, ах, сволочь. Доигралась с кошкой, дрянь такая. А? Доигралась?

– Не ори, – сказала девочка и быстро убежала к себе.

Следом за ней пошел дед и побрызгал все ее следы одеколоном из пульверизатора. Потом он запер дверь в детскую на стул, потом позвал Николая, тот спал после бессонной ночи, с ним спала и Елена. Они проснулись. Все было обсуждено. Елена начала плакать и рвать на себе волосы. Из комнаты девочки доносился стук.

– Пустите, откройте, мне в туалет, – со слезами кричала девочка.

– Слушай меня, – кричал Николай, – не ори!

– Пусти, пусти! Сам не ори! Пустите!

Николай и остальные ушли в кухню. Елену пришлось держать запертой в ванне. Она тоже стучала в дверь.

К вечеру девочка угомонилась. Николай спросил, ходила ли она в туалет. Девочка с трудом отвечала, что да, сходила в трусы, и попросила пить.

В комнате девочки находилась детская кровать, раскладушка, шифоньер с вещами всей семьи, запертый на ключ, ковер и полки с книгами. Уютная детская комната, которая теперь волей случая превратилась в карантин. Николай прорубил в двери что-то вроде оконца и велел девочке принять на первый случай бутылку на веревке, где был суп с хлебными крошками, все вместе. В эту бутылку девочке велено было мочиться и выливать в окно.

Но окно было заперто на верхний шпингалет, девочка так до него и не дотянулась, да и с бутылкой было придумано плохо. Вопрос с экскрементами должен был решиться просто – выдирался лист или два из книги, на него испражнялись и выбрасывали в окно. Николай сделал из проволоки рогатку и пробил, выстрелив три раза, довольно большую дыру в окне.

Девочка, правда, показала все плоды своего воспитания и испражнялась неряшливо, не на бумагу, не успевала сама следить за своими желаниями. Ее по двадцать раз на дню спрашивала Елена, не хочет ли она ка-ка, она отвечала, что не хочет, и в результате оказывалась измаранной. Кроме того, трудно было с питанием. Бутылок и веревок было ограниченное количество, веревка каждый раз отрезалась, и девять бутылок валялось в комнате к тому моменту, когда девочка перестала подходить к двери, вставать и отвечать на вопросы. Кошка, видимо, не вставала с тела девочки, она, правда, не появлялась в поле зрения давно, с тех пор как Николай стал охотиться на нее с рогаткой, поскольку девочка скармливала кошке почти половину того, что сама получала в бутылке, все это выливалось ей на пол. Девочка не отвечала на вопросы, кроватка ее стояла у стены и не попадала в поле зрения.

Трое предшествующих суток, борьба за устройство жизни девочки, все эти нововведения, попытки как-то научить девочку подтираться (до сих пор это делала за нее Елена), передача воды, чтобы она как-то умылась, все эти уговоры, чтобы девочка подошла под дверной глазок за бутылкой (один раз Николай хотел помыть девочку, вылив на нее бидон горячей воды вместо подачи корма, и тогда она стала бояться подходить к двери), – все это настолько буквально стерло в порошок обитателей квартиры, что, когда девочка перестала отзываться, все легли и заснули очень надолго.

Но потом все завершилось очень скоро. Проснувшись, бабушка с дедушкой в своей постели обнаружили

кошку со все той же окровавленной мордой – видимо, кошка ела девочку, но вылезла через отдушину – попить, что ли. Ай, ой, закричали, застонали бабушка с дедушкой, на что в ответ возник в дверях Николай и, выслушав все плачи, просто захлопнул дверь и завозился с той стороны, запирая дверь на стул. Дверь не только не стала открываться, но и отдушины Николай не сделал, отложили это. Елена кричала и хотела снять стул, но Николай запер ее в ванной – снова.

А Николай лег на кровать и начал вздуваться, вздуваться, вздуваться. Прошлой ночью он убил женщину с рюкзаком, а она, видимо, была уже больна, так что не помогла дезинфекция ножа над газом – кроме того, Николай тут же, на улице, над рюкзаком, поел концентрата ячменной каши, хотел попробовать и, на тебе, все съел.

Николай все смекнул, но поздно, когда уже стал вздуваться. Вся квартира грохотала от стуков, мяукала кошка, в верхней квартире тоже дело дошло до стука, а Николай все тужился, пока наконец кровь не пошла из глаз, и он умер, ни о чем не думая, только все тужась и желая освободиться.

И дверь на лестницу никто не открыл, а напрасно, потому что, неся хлеб, шел по квартирам тот молодой человек, а в квартире Р. все стуки уже утихли, только Елена немного скреблась, исходя кровью из глаз, ничего не видя, да и что было видеть в абсолютно темной ванной, лежа на полу.

Почему молодой человек пришел так поздно? Да потому, что у него очень много было на участке квартир, четыре громадных дома. И второй раз молодой человек пришел в этот подъезд только вечером на исходе шестого дня, через три дня после того, как затихла девочка, через сутки после исхода Николая, через двенадцать часов после исхода Елениных родителей и через пять минут после Елены.

Однако кошка все мяукала, как в том знаменитом рассказе, где муж убил жену и заложил ее кирпичной стеной,

а следствие пришло и по мяуканью в стене разобралось, в чем дело, поскольку вместе с трупом в стене был замурован любимый кот хозяйки и жил там, питаясь ее мясом.

Кот мяукал, и молодой человек, услышав единственный живой голос в целом подъезде, где уже утихли, кстати, все стуки и крики, решил бороться хотя бы за одну жизнь, принес железный ломик, он валялся во дворе весь в крови, – и взломал дверь. Что же он увидел? Черная знакомая гора в ванной, черная гора в проходной комнате, две черные горы за дверью, запертой на стул, оттуда и выскользнула кошка. Кошка ловко прыгнула в отдушину, грубо выбитую еще в одной двери, и там послышался человеческий голос. Молодой человек снял и этот стул и вошел в комнату, усеянную стеклом, сором, экскрементами, вырванными из книг страницами, безголовыми мышами, бутылками и веревками. На кровати лежала девочка с лысым черепом ярко-красного цвета, точно таким же, как у молодого человека, только краснее. Девочка смотрела на молодого человека, а на подушке ее сидела кошка и тоже пристально смотрела.

ДВА ЦАРСТВА

Сначала они летели в абсолютном небесном раю, как это и полагается, среди ослепительно синего пейзажа, над плотными курчавыми облаками. Стюардесса была уже не своя, ихняя, в дивной белой полотняной форме без пуговиц, подавала преимущественно напитки нездешнего вкуса. Пассажиры все как один полуспали утомленные, и когда Лина пошла через весь самолет в хвостовое отделение, ее поразил одинаково желтый цвет лиц летящих, одинаково черные прически. Она даже испугалась, как будто полк солдат переносили с места на место. Солдаты эти одинаково спали, утомленно откинувшись и приоткрыв темные запекшиеся рты. Или это было целое посольство далекой южной страны.

Затем наступила ночь. Лина никогда еще так долго и далеко не летала, она провела часть ночи в туалете, где смотрела в выпуклое окно. Там были видны звезды, вверху, по бокам и далеко внизу, где эти звезды прямо-таки можно было перепутать с туманно светившимися огнями поселков. Одиноко мчащаяся в ночной мгле, среди оби-

лия звезд, человеческая душа с восторгом наблюдала себя в центре мироздания, среди шевелящихся крупных, мохнатых светил в полной кромешной темноте. Одна среди звезд! Лина даже заплакала. Она с трудом теперь вспоминала минуты расставания с семьей, с родиной, у нее все это смешалось в один утомительный клубок, который никак не удавалось распутать, что было вначале, а что потом. Волшебное появление Васи с билетами и разрешением на брак, какие-то сложные формальности, слезы матери, когда Лину одевали сестры в белое платье и спустили на каталке, на лифте, а там Вася взял Лину на руки и понес в машину... Лина то ли теряла сознание, то ли ее укачало в машине – во всяком случае, все происшедшее она вспоминала как сон: глупая музыка, удивленные, ужаснувшиеся люди по сторонам, зеркала, в которых отражался Вася с бородой и она, серая, истощенная, вся в белом кружеве, с запавшими глазами. Вася увозил Лину на самолете лечиться. Перед отъездом все-таки была сделана, видимо, запланированная операция, и все, что было после операции, Лина уже не помнила. Какой-то вой матери, заглушаемый как бы подушкой, плач сына, который испугался музыки, цветов и лица Лины, очевидно; он плакал, как вообще плачут испуганные дети, при которых бьют или уводят, отцепляя от них, мать: громко, истошно визжал. Он был слишком мал, его надо было оставить при бабушке, поскольку Лине предстояла еще раз операция в чужом городе, в чужой стране и с новым мужем, этим неизвестно откуда взявшимся Васей с бородой.

Вася этот вообще был миф, он появлялся раз в год, мелькал где-то в толпе, целовал руку, держа своей прохладной большой рукой, обещал Лине златые горы и будущее ее сыну – но не сейчас, а вскоре. Потом. Сейчас, именно в тот момент встречи, еще было нельзя. А потом – он обещал увезти ее и сыночка, а также и мамашу, в земной рай где-то далеко на берегу теплого моря, среди мраморных колонн, летающих чуть ли не эльфов, короче, ее ждало будущее Дюймовочки. А потом, когда Лина

серьезно заболела в свои тридцать семь лет, этот Василий стал объявляться чаще, нес утешение, навещал после первой операции – пришел, так трогательно, прямо в реанимацию, когда Лина Богу душу отдавала и лежала с капельницей, разглядывая на весу истощенную и прозрачную руку... Он прошел в своем белом одеянии как в медицинском халате (он вообще обожал носить все белое), единственно что он был босиком, но его никто не заметил. Он хотел тут же прямо забрать Лину оттуда, увидев, в каком она виде и как сделали ей шов. Однако тут прибежала заполошная медсестра, отогнала Васю и сделала еще укол, вызвала врача, и Вася исчез надолго. В следующий раз он опять пришел прямо в больницу, все объяснил, сказал, что мама ее согласна и они с ребенком будут взяты позже, им он оставит все необходимое, а Лину надо брать прямо сейчас, потому что нельзя медлить. В той стране, где теперь жил этот Вася, лечили Линину болезнь, нашли вакцину и так далее. Лине, короче говоря, было все равно, настолько она второй раз уже не сопротивлялась ни болезни, ни смерти. Ее вели на сильных наркотиках, и она плавала как в тумане. Даже мысли о мальчике, о Сереженьке, не так мучили ее. «А если бы я умерла, – сказала себе Лина, – было бы лучше? А так и я поживу, и их возьму к себе потом».

Вася, таким образом, все оформил, хотя врачи настаивали на операции, говоря, что без операции больная не протянет и суток. Вася переждал операцию, все оформил и явился забирать Лину опять прямо из реанимации. Ее осторожно повезли, переодели, от чего она перестала видеть и слышать, а затем очнулась уже летящей в виду синего неба и бескрайнего, пустынного, пушистого поля облаков под самолетом. Лина очень удивилась, увидев, что сидит рядом с Васей и тем более пьет какое-то легкое, искрящееся вино из бокала. Потом она даже встала – Вася спал, утомленный хлопотами, – и пошла удивительно легкой походкой по самолету. У нее ничего не болело – видимо, ей уже что-то вкололи местное, болеутоляющее.

Самолет пронесся очень низко над прекрасным, разворачивающимся внизу как большой макет городом со сверкающей рекой, мостами и громадным игрушечным собором. Это было очень похоже на Париж! И тут же начался грохот торможения, и самолет своим тупым носом, широким, как окно в гостинице, буквально въехал, прогремев, как телега, и затрясшись, в тихий сад. Окно было с дверью и выходило на террасу, вдали блестела излучина реки с мостами и какая-то триумфальная арка.

– Плас Пигаль, – почему-то сказала Лина и указала Васе. – Смотри!

Вася пошел открывать дверь на террасу, и началась сказочная жизнь.

Однако Лине пока еще нельзя было ходить за реку, хотя лечение началось и продвигалось успешно. Вася уходил и целыми днями где-то пропадал. Он ничего не запрещал Лине, но было понятно, что и река, и собор, и тот чудесный город еще очень далеко от нее. Пока же она стала потихоньку выходить из дома, бродить по одной-единственной улочке, поскольку сил еще было мало.

Здесь, она заметила, все были одеты, как Вася, как самые лучшие дети-цветы, которых она видела в зарубежных кинофильмах. Длинные волосы, дивные тонкие руки, белые одежды, даже веночки. Правда, в магазинах имелось все, о чем можно было мечтать, но, во-первых, Вася не оставлял Лине денег – все, видимо, поглощало лечение, очень, наверно, дорогое. Во-вторых, отсюда было невозможно посылать посылки и почему-то даже письма. Здесь не принято было писать! Нигде ни клочка бумаги, нигде ни ручки. Не было никакой буквально связи – возможно, Лина попала как бы в карантин, в нечто переходное.

Там, за рекой, она видела бурлящую подлинную жизнь богатого иностранного города. Здесь тоже было все – рестораны, магазины. Но не было связи. Лина передвигалась пока что, держась двумя руками за стенку, как новорожденная, как только научившийся ходить младенец. Ко-

гда Лина пожаловалась Васе, что она хочет в магазин, он тут же принес ей кучу одежды – всякой, в том числе и ношеной, мужской, женской, детской, причем разных размеров. Принес и чемодан обуви, как носят русским зарубежные друзья от всех знакомых. Среди одежды находились и серые мужские кальсоны, отчего Лина слегка смутилась. Бог знает что это были за вещи и чьи! И куда их было девать, Лина не знала, потому что она сама очень скоро начала носить все Васино – что-то вроде белой сорочки и поверх белое платье из тонкого полотна. Роста они с Васей были одинакового, сложение Васи, здорового человека, было такое же, как и у истощенной Лины. Лина поплакала над этой одеждой, сказала вечером Васе, что очень хочет послать посылку Сереженьке и маме, и показала на две кучки. Вася нахмурился и промолчал, а наутро вся одежда исчезла.

Вася, как выяснилось, именно и работал тут, за рекой, в этом режимном поселке, он не испытывал никакой надобности ездить за мосты к соборам и аркам, и Лине пришлось приспосабливаться к его тихому, размеренному существованию. Она, правда, знала, что все может случиться – по своей прежней жизни, – в том числе и то, что моложавый, моложе ее Вася кого-то полюбит и уйдет. Он не любил Лину, этот бородатый Вася, хотя он ее берег от всех трудов. Пища являлась сама собой, одежда сверкала. Когда он это успевал? Их комната, в бреду Лины сохранившая черты летательного аппарата, выходила окном и дверью на террасу с белыми колоннами, но никакого счастья не получалось. Лина мужественно терпела свою разлуку с Сереженькой, матерью, подругами и другом по институту Левой, она понимала теперь, что ее болезнь неизлечима и можно только стараться поддерживать нынешнее состояние – без болей, но и без сил, куда уж тут шумный Сереженька с его бурными слезами и красными от плача глазками! Куда уж тут ее мама особенно, ядовито-приветливая, тоже слезливая! Здесь не было скорби и плача, здесь была другая страна. Лина сколько могла на-

блюдала этих парящих людей в белом и их хороводы над рекой под однообразную музыку арф (глупейшее занятие, между прочим!) и их безмолвные посиделки за длинным общим столом в ресторане с бокалами местного дивного вина. Лина очень бы хотела поделиться мнением с подругами и мамой, хотя бы написать им о том, что все хорошо, лечение идет нормально, в магазинах все есть, но нового не купишь – первое, что безумно дорого, а второе, что здесь такого не носят, а еда непривычная, хотя есть пока много нельзя и т. д. Что хочет послать Сереженьке и всем посылочку, но пока нет оказии, а почтовой связи между их государствами не существует. Лина таскалась по улицам, держась за все, что попадало под руку, и мысленно сочиняла письма домой.

С течением времени Лина, однако, стала понимать, что с письмами дело обстоит безнадежно. Вася твердо обещал насчет приезда мамы и Сереженьки, особенно насчет мамы. Но мама без Сереженьки? Или он без бабушки? «Со временем, – говорил бородатый Вася, – со временем».

Лина хотела начать что-то покупать к приезду мамы, но Вася дал ей понять, что к тому моменту все образуется.

Здесь вообще как-то не суетились насчет завтрашнего дня, здесь все очень, видимо, были заняты, но зато жизнь была организована идеально, стерильно, комфортно.

Вася работал в собственной книжной лавке, которую он приобрел благодаря наследству от тетушки, но он не приносил Лине книг, так как она все равно не понимала чужого языка, а на русском у них ничего не было. Сам Вася оказался по-русски неграмотным.

Наконец пришло то время, когда Лина освоила летящую походку аборигенов. Оказалось, что это очень просто. Надо было встать на какую-нибудь ступень повыше и сделать очень широкий шаг в воздух. Следующий шаг другая нога уже производила от толчка, и каждый дальнейший прыжок был все более свободным и невесомым, как во сне. Бородатый Вася ничего не сказал, однако в поло-

женное время навсегда исчез, видимо, за рекой, в богатом городе, как сочла одинокая Лина, оставшаяся на полном обеспечении, как оказалось. Она вначале думала, без слез и страха, что теперь ее погонят из их летательного аппарата и пища не будет же вечно стоять в холодильнике! Но холодильник пополнялся регулярно, как по кухонному лифту, а Лина не ела ничего, только пила соки и была здорова.

И наконец наступил тот момент, когда она, подумав и потосковав, оторвалась от ступеней своего дома и широкими шагами помчалась на берег реки к хороводу и, разомкнув чужие руки, влилась в общую вереницу и полетела по кругу.

Она понимала, что тут что-то совсем не так, и уже не хотела видеть здесь ни маму, ни сыночка. Она даже не хотела здесь встретить тот полк солдат и надеялась, что никого больше не встретит, а если встретит, то не будет знать, кто это, не различит в веренице молодых, бледных, успокоенных лиц, несущихся, как она, свободно — и с надеждой не встретить здесь больше никого, в этом царстве мертвых, и никогда не узнать, как тоскуют там, в царстве живых.

ТЕНЬ ЖИЗНИ

Сейчас это вполне взрослая, высокая замужняя женщина, а была сирота при бабушке, бабушка взяла ее к себе, когда мать исчезла, бывают такие случаи: человек исчезает. Отец исчез еще раньше, когда девочке было пять лет, на похороны ее не взяли, она думала: пропал, и очень боялась за мать, буквально цеплялась за нее, если мать вечером уходила; не плакала – не была вправе плакать, мать ее не баловала; тихая, скромная росла и дождалась, что мать действительно исчезла, и в свои девять лет девочка переночевала одна, накрывшись маминым халатом, утром умылась и как была, в том же платье, пошла в школу. Соседи заметили неладное через два дня, девочка перестала ходить в школу, из комнаты раздавались странные звуки, как будто кто-то смеется, а на кухне ничего не варилось, никто не выходил, в том числе и мать этой маленькой Жени. Соседка добилась от девочки признания в том, что она не ела ничего два дня и что матери нет. Все забегали, отбили бабушке телеграмму, и бабушка среди зи-

мы забрала из маленького города на реке Оке свою внучку и отвезла ее к себе в курортный городишко у моря.

Дорога была знакомая. Женя ездила к бабушке на все каникулы, но тут никаких каникул не предвиделось, а было долгое ожидание. От матери не нашли ничего, ни следа. Мать, говорила бабушка, всю жизнь боролась за правду и никогда не воровала, а кругом все воровали, она работала в детском саду. Мать, считала бабушка, поехала куда-то в Москву добиваться правды (перед исчезновением ее уволили), ее, наверно, держат в доме сумасшедших; так бывает, считала бабушка.

Женя выросла тихой, симпатичной девушкой, поступила даже в пединститут в другом городе, усиленно занималась и прославилась в своем общежитии тем, что каждую бабушкину посылку с овощами, салом и сухофруктами ставила на стол и всех кормила, а потом наступали голодные деньки, но сразу для всех. Женя как росла при матери и бабушке без претензий, так и сейчас жила в своем общежитии.

У нее появился молодой человек, строитель и даже бригадир на стройке, который весной возил ее на электричке в лес, читал ей свои самодельные стихи, но был, к сожалению, женат, как оказалось.

Жена его однажды обнаружила Женю, нашла ее в общежитии, увела на улицу и рассказала, что Саша женат, у него двое детей и она сама временно с ним не живет, потому что у него венерическая болезнь, он обязан лечиться, и она сама тоже лечится от него, а где он это подхватил, вот вопрос, сказала эта жена и с ненавистью посмотрела на Женю. Они сидели в скверике. «А тебя, – добавила супруга Саши, – свободно надо убить, как ты распространяешь заразу».

Нищей студентке не с кем было посоветоваться, она боялась идти в поликлинику (все сразу все узнают), но, по счастью, блуждая в районе рынка, она увидела вывеску: «Венерические заболевания». Ее приняла старуха врач,

нужны были деньги, без денег врачиха даже не согласилась ее выслушать. Женя вынула из ушей мамины сережки, единственную память, врач взяла сережки, увела девушку на осмотр и сказала, что надо подождать анализов. Анализы пришли хорошие. Женя, по счастью, не заразилась, либо Сашина супруга наврала. Но Саша больше не появлялся на горизонте, а Женя поняла, что не так все просто у людей и существует тайная, упорно процветающая, животная сторона жизни, и именно там сосредоточены отвратительные, безобразные вещи, и не убили ли вообще маму, думала взрослая (восемнадцать лет) Женя, ведь мама была еще молодая и могла попасть в эту тень жизни, где погибает так много людей.

Тем более, что тут же летом с Женей случилось несчастье, как раз у бабушки. Тем летом за городом на свалке были найдены два женских трупа, изрезанные, изувеченные, с руками, вывернутыми как выжатые тряпки, без голов. Городишко гудел. Видимо, убили двух каких-то отдыхающих или туристок, потому что свои были все на местах.

Не очень поздно вечером Женя возвращалась от подруги, и недалеко от дома ее с двух сторон схватили. Это были подростки лет по шестнадцать-семнадцать, трое, смуглые, то есть, по-местному, чурки, она их не знала, они не знали ее, за три года отсутствия они-то как раз и выросли. Они заткнули ей рот кляпом и вели, вывернув руки за спиной, точно по тому сценарию. Женя шла согнувшись, толчками, рывками, под лопатку ее кололи ножом. Они переговаривались по-своему, Женя кое-что понимала, они называли себя греками в городишке, но это были не греки. Женя поняла, что они на ходу спорят, кто первый, потому что один укорял другого, что он болен нехорошей болезнью. Они покрикивали в ночной тьме, ругались по-русски, волоча бегущую согнутую Женю, как вдруг все вокруг осветилось. Будто бы включили прожектор. Трое остановились, выпустив на мгновение Женю, и

она, завидев освещенную стройку и старика и женщину среди наваленного камня, рванулась изо всех сил к ним, вытащила кляп изо рта и закричала: «Убейте меня! Убейте меня!» Она стояла около старика, протягивала к нему распухшие руки и кричала: «Убейте меня, но не отдавайте им!»

Трое возмущенно заорали, что это шлюха и она им должна, они платили! Они кричали по-русски.

Старик отправил парней вон одним жестом руки, сказал по-ихнему «идите», и трое повернулись как солдаты и канули в ночную тьму, услышав свою речь.

Старик сказал Жене, что проводит ее в дом, женщина осталась на стройке, и Женя только мельком рассмотрела ее склоненную голову и подумала, как она похожа на маму. Женя боялась уходить, но старик пошел, и пришлось идти. Старик привел ее к какому-то дому. Женя ничего не узнавала в ночной тьме, и, войдя в комнатушку как чулан, она услышала, что старик запер за ней дверь и удалился. Женя села на пол, потом нащупала неровную, корявую стену, прислонилась к ней и заснула.

Утром она очнулась в каком-то месте, она сидела спиной к шершавому стволу тополя, вокруг был глухой, заросший пустырь.

Женя побежала, ничего не узнавая вокруг, наконец нашла дорогу домой и легла спать в сарайчике во дворе. Было раннее утро. Бабушке она сказала, что ночевала у подруги, так как боялась идти домой. Также Женя сказала, что постарается сегодня уехать. Бабушка, наверно, все поняла, руки у Жени были огромные и сплошь в синих пятнах, лицо разбухло и угол рта оказался надорван.

Бабушка сказала, что этой ночью она не спала, рылась в старых вещах и нашла в сундучке сережки своей дочки и иконку, еще от бабушки, и хочет отдать это Жене.

Женя надела материны сережки, точно такие, какие недавно сняла, взяла иконку, собрала свои бедные вещички и пошла на вокзал. Она нарочно решила пройти мимо

той стройки, чтобы увидеть старика и женщину, похожую на маму, но ничего такого не обнаружила. Не было ни стройки, ни того пустыря, сиял белый день, кругом тянулись дома и сады.

Бабушка, провожавшая ее, ни слова не спросила у нее, почему Женя идет не на вокзал, а в другую сторону, к свалке, а Женя сказала вдруг, что, думает, где-то тут должна быть могила мамы, надо поискать у тополя на пустыре.

Бабушка возразила, что дочь ее исчезла совсем в другом городе, но Женя не слушала, а все искала тополь, и у первого же попавшегося села на землю, прислонилась к стволу и заплакала навзрыд.

Они так просидели некоторое время, плача, а потом Женя в своем зимнем платье с длинными рукавами уехала из городка насовсем и с тех пор больше не ждала свою мать и не разыскивала ее по психбольницам и тюрьмам. Сережек, правда, она не снимала и не снимает.

ЛУНЫ

Я поселилась на четвертом этаже нашего пансионата на берегу моря, которое в это ненастное время грохотало, как вечно идущий мимо поезд. Волны шли и шли, раз пущенные в ход, а у нас завтрак сменялся обедом, болтовня, заменявшая нам реальную жизнь, заполняла все свободные промежутки. У нас у всех была пора отдыха, обслуга подавала, мыла и выносила отбросы бесшумно, все шло хорошо, завелись также интимные отношения, как это всегда бывает в таких условиях, и нескольким семьям, оставленным в городе, грозил распад, а мы, старые люди, пенсионеры, попавшие в пансионат только благодаря свободным в это холодное время года местам, — мы занимались своими болезнями, сидели по утрам в очереди на ингаляции, а вечерами у телевизора, так оно и шло. У нас тоже дело не обходилось без жестоких страстей, без клеветы, без любви и ревности, у нас составились партии, но мы также жили и жизнью одной молодой пары и их друга. Мы все гадали, кого выберет Айна, одни старушки любили беленького Иманта с

голубыми глазками и впалыми щеками, обещавшими к зрелому возрасту обратить лицо Иманта в произведение скульптуры, – другие отдавали предпочтение маленькому черному Эдгару, очень похожему на Чарли Чаплина, чудаку с мелкими чертами лица и прокуренными зубами. Они, Имант и Эдгар, были давнишние друзья, Айна же появилась у них только тут и была просто непременным элементом отдыха. Высокая, с судорожным смехом и большим опытом личной жизни, Айна ходила с Эдгаром, спала с Имантом, а они оба хотели обратного. Так мы все и жили, пока однажды вечером, выпив обязательный кефир, я в плохом расположении духа не поднялась к себе на четвертый этаж. Я зажгла свет и пошла к окну задернуть занавески, и тут началось. Кто-то заглядывал в окно. Лицо, похожее на хоккейную маску, на череп, на дыню, истыканную ножом, то приближалось, то отдалялось. Я бросилась вон из комнаты в коридор, в коридоре толпились все наши, а среди них я увидела опять-таки те же луноподобные существа. Все наши стояли в полной тишине, не делая ни шагу, оцепенев. Айна, Имант и Эдгар как бы слиплись все трое, но в пространство, образовавшееся между их шеями, протискивалось луноподобное существо. Имант и Эдгар крепко держали Айну или держались за нее и оттого, видимо, с таким упорством протискивалось со спины Айны к их подбородкам то существо с необязательным выражением лица, словно это была луна, старательно пробивающаяся в ущельях гор. Я стояла отдельно, меня поэтому существа не очень касались, не было, видимо, заманчивого промежутка между мной и кем-то еще, хотя он был, как я убедилась через некоторое время, почувствовав под мышкой как бы трепетанье, и не только под мышкой. Тогда я широко раскинула руки, поставила ноги на ширину плеч, затем пришлось разжать пальцы рук. Всего хуже дело обстояло со ртом, но вскоре, когда я разинула рот, они убедились, что ни туда, ни в ноздри, ни в уши им хода нет, несмотря на их большую обтекаемость. Их интересовало больше всего то, что имело обратный выход в видимой

перспективе. Поэтому они протискивались с какой-то озабоченностью между нашими тремя влюбленными.

Человек очень быстро ко всему привыкает, ему важно только изучить правила поведения в каждом отдельном случае, вывести законы. Так что вскоре все мы стали кричать Айне, Иманту и Эдгару, чтобы они немедленно расцепились, и наша неразлучная влюбленная команда расстроила свои ряды. Хуже всего пришлось Айне, она хотела сохранить обоих мальчиков и все прижимала их к себе, пока собственные беды не отвлекли ее внимания и она не начала судорожно прыгать на месте в своей длинной юбке, а потом ей все же пришлось сбросить эту юбку и широко расставить ноги, чтобы очередная невозмутимая личность протиснулась у нее между колен. Все боялись вернуться в свои комнаты, все приспособились, речь уже не шла ни об удобствах, ни о сохранении приличий. Айна, как наименее устойчивый персонаж, упала в обморок, и тут же, лежа на полу, начала бугриться, колыхаться, потому что под нее подползли в надежде выбраться с другой стороны наши новые знакомцы, наши поковерканные луны, дыни и черт знает еще что. Общая судьба явственно предстала перед нами, нам приходилось теперь спать на живом, под нами должно было ползать, перемещаться, нырять, ни одна постель, ни одно кресло не гарантировали отдыха, ну и что, человек ко всему приспосабливается, и вскоре жизнь вернулась в свое русло. Появились подпорки для рук, особые позы (руки в бок), рты были постоянно разинуты, чтобы пришельцы не заткнули нам глотку в поисках выхода, которого в обозримом пространстве не было, в чем их и надо было убедить. Имант и Эдгар покинули Айну и разошлись друг с другом, Айна бродила как живое распятие, как воплощенное горе, как ярко выраженное одиночество. Имант со своей беленькой бородкой смотрел издали с большим напряжением, что могло выражать и то и это, но выражало, на наш взгляд, опасение за свою жизнь и за все то, что он еще собирался сделать, хотя в свете последних событий

он не мог думать, что все останется по-прежнему, и его планы в том числе. Эдгар ходил как бы помахивая крыльями, он же изобрел ту походку, которой немедленно воспользовались все: носками внутрь, напружинив икры наружу. Таким образом, создавался широкий фронт для прохождения пришельцев и одновременно не терялось человеческое достоинство, потому что существуют же косолапые люди, и они ходят на кривых ногах как ни в чем не бывало, они не виноваты.

Одна только Айна сидела взаперти у себя в номере, и именно к ней сквозь все щели тянулись наши пришельцы (у всех двери были широко раскрыты, и поток пришельцев наблюдался только односторонний – через щели в окнах к раскрытым дверям. Было установлено, что из широкого в узкое они ходят хуже и неохотней: это было похоже на некий закон, были предположительно найдены и истоки появления существ, что это мутации то ли микробов, то ли еще чего-то, гиганты с призрачной структурой и намеком на хвостик. (Хвостик особенно неприятно извивался при прохождении под лежащим телом, ибо мы ведь спали, не обращая ни на что внимания, только отмечая извивы хвостиков.) Одна лишь Айна сидела у себя запершись, и к ней лезло неисчислимое количество пришельцев с улицы и от нас. Было вдруг замечено, что чем дольше заперто у Айны, тем больше устремляется к ней существ и тем меньше их у нас. Они, видимо, не размножались беспредельно, число их было конечно, так что в итоге все уравновесилось, у каждого в номере жило по два-три постельных существа, но зато у Айны ими, видимо, кишмя кишело. Как она могла так жить, непонятно, их у нее развелось как тараканов, она и выскакивала в столовую вся измордованная и жаловалась, что не спит, что нет сил жить. Она ведь ходила по-прежнему грациозно, на прямых ногах, разве что надела брюки, и словно черви мелькали у нее под мышками и в промежности хвосты пришельцев, снующих взад-вперед, и все от нее отвернулись.

И когда однажды она, вдруг сообразив что к чему, широко распахнула свою дверь, кто-то просто, проходя мимо, вынул из ее дверей ключ и запер ее снаружи, чтобы пришельцы опять не сунулись к нам. Айна билась об дверь, колотилась, потом выбила себе окна, запертые по причине холодов, потом все замерло, и мы заснули, сотрясаясь во сне от лазающих в постели пришельцев.

А Айна осталась жива, хотя никто ее не отпер. Она спрыгнула с четвертого этажа на глазах у всех, когда все гуляли по пляжу врастопырку. Она постояла в своем разбитом окне, а потом прыгнула, а вся ее кривомордая команда дружно всколыхнулась и понесла ее – они же летали, как мы могли забыть. Айна летела над нами, как торпеда, а эти бледнолицые сопровождали ее почетным эскортом, поддерживали ее в полете, и это было красиво, во-первых, а во-вторых, это ведь было решение вопроса: можно было бы спать на весу, они поддержали бы, у них не было другого выхода. Для этого достаточно было упасть с кровати, чтобы тебя подхватили: это открытие сделал белокурый Имант, его как-то застали в раскрытую дверь за таким вот лежанием, и вскоре все мы так спали, на весу. А наша прекрасная Айна улетела, мы ей завидовали, потому что ни у кого из нас не было достаточно сопровождающих лиц, чтобы улететь отсюда вон, она увела всех своих, а транспорт на Земле больше не ходит. Иногда мы видим перелетных пташек, таких же, как Айна, они несутся над нашими головами, а мы разводим в огородах картофель, потому что остались здесь пожизненно. Ну и что, прекрасная судьба. Правда, уже началась борьба за овладение лишними существами, остающимися после мертвых (от живых они не уходят), и все большее число захватывают себе Имант и Эдгар, так что скоро и они полетят, и единственно что – им так скоро и так высоко не улететь, как удалось Айне, лун у них мало, а цена слишком высокая, человеческая жизнь, мы не так легко расстаемся с жизнью...

ФОНАРИК

Однажды молодая девушка возвращалась зимним вечером с электрички к себе в деревню.

Идти было недалеко, но дорога шла через мостик и дальше наверх, по полю.

И вот, поднимаясь на гору, девушка увидела какой-то свет, как будто горел фонарик в руке у прохожего, причем луч упирался прямо ей в глаза.

Она испугалась, было уже поздно и темно, никого вокруг, только этот пучок света, который приближался по тропинке.

Что было делать?

Поворачивать обратно слишком опасно, получается как будто бегство, догонят и убьют, а идти навстречу фонарику тоже страшно, но в этом случае лучше сделать вид, что ничего не происходит.

Девушка быстро переложила свои небольшие деньги из сумочки за пазуху и пошла как ни в чем не бывало навстречу фонарику.

Сердце ее билось от страха, но она не замедляла шаги и не останавливалась, чтобы не показать виду, что боится.

Этот луч фонарика, однако, все светил и светил, но не приближался ни на шаг, и

девушка летела на этот свет, как бабочка на огонек лампы.

Она шла так уже довольно долго и вдруг заметила, что идет прямо по полю.

Тропинка куда-то исчезла, только впереди горел огонь фонарика.

Идти по полю было нетяжело, снег давно слежался, хотя поле было бугристое.

Снег давал какое-никакое, а все же освещение, и девушка стала выбирать путь поровней, хотя куда она шла при этом, было неизвестно.

Тут что-то сбоку сильно рвануло и осветило все окрестности, как молнией, только продержалось подольше.

Девушка даже оглянулась в сторону этого взрыва, но ничего уже не было видно.

Потом она посмотрела по сторонам и поняла, что совершенно не соображает, где находится.

Было темно, тихо светил снег и вдали неподвижно стоял кто-то неразличимый со своим фонариком.

И девушка покорно пошла на свет этого фонаря: по крайней мере, можно спросить дорогу.

Хоть она и выросла в этих местах, но всякое случается с человеком.

Ей было ясно, что она заблудилась.

Она шла и шла, свет фонарика вел ее куда-то, и она уже совершенно не понимала, зачем ей двигаться по снежному полю, и где ее дом и сколько прошло времени.

Иногда она падала и с ужасом вскакивала, помня рассказы бабушки Поли о том, как замерзали на снегу усталые люди, которые хотели отдохнуть.

Бабушка Поля умерла не так давно, она растила свою внучку от рождения и все время разговаривала с ней, все время, даже когда та еще не умела говорить.

Девушка еле шла, потому что очень устала, она училась в торговом техникуме, и в этот день у них была практика в магазине, полный день на ногах.

Обычно она не возвращалась так поздно, старалась

остаться ночевать у подруги в Москве, но сегодня не получилось, к той понаехали родственники.

Девушка подумала, что отец с матерью, наверно, пошли ее встречать и не встретили, потому что она свернула с тропинки в поле и заблудилась, и теперь родители вернулись домой и звонят-названивают ее подружке в Москву, и как они восприняли эту новость, что их дочь давно уехала на электричке?

Девушка немножко поплакала, но потом уже шла как деревянная: она поняла, что спасения ей нет, этот свет фонарика заманивает ее куда-то.

Сердце ее билось, во рту пересохло, в горле саднило.

Иногда она шла с закрытыми глазами, иногда сворачивала в сторону – но знала, что свет фонаря все равно светит впереди.

Наконец она наткнулась на что-то твердое и вскрикнула.

Это была ограда кладбища, невысокий штакетник.

Перед ней был как бы кусок леса в поле, старые деревья, еле различимые во тьме кресты и памятники за оградой, занесенные снегом.

Луч фонарика (или пламя свечи) теперь затерялся в гуще деревьев и светил издалека.

Девушка поняла, где она находится, и поняла, что фонарик теперь светит на могилке бабушки Поли.

И бессознательно, совершенно не думая ни о чем, девушка пошла к калитке, чтобы войти на кладбище.

Однако она с ужасом услышала чье-то громкое дыхание за спиной и легкий шорох.

Она не стала оглядываться, только ускорила шаги и втянула голову в плечи, ожидая удара.

И тут кто-то слегка тронул ее за варежку, а потом взял и потянул вбок.

Девушка открыла глаза и увидела небольшую лохматую собачку, которая, улыбаясь, смотрела на нее.

Сразу стало легче на душе.

Девушка посмотрела через забор – огонек на кладбище погас.

Собака опять потянула девушку вбок.

Девушка стояла на утоптанной, довольно широкой тропинке, на которой валялись еловые ветки – видимо, с последних похорон.

И тут девушка со всех ног помчалась по этой нахоженной тропинке, а собака сразу же отстала.

Это, видимо, была собака, которая подбирала на кладбище остатки от поминок и тем кормилась, такая кладбищенская нищенка, и она никуда не отходила от своего места.

Через полчаса девушка уже подходила к своей деревне.

А ее отец с матерью, как потом оказалось, действительно пошли встречать свою дочку, но на полдороге увидели и услышали взрыв впереди. Это взорвался газопровод, который как раз шел поперек тропинки.

Взрывом разнесло деревья вокруг, все было обуглено, и со свистом горел высокий факел.

Родители девушки бросились к месту взрыва, облазили все вокруг, но не нашли ничего, никаких останков.

Потом они пошли на станцию, позвонили в Москву, узнали от подруги своей дочери, что та выехала два часа назад, дождались последнюю электричку, никого не встретили и тогда быстро отправились домой теперь уже другой дорогой, надеясь на последнее – что разминулись с дочкой.

Вернувшись, они позвонили в милицию, но им сказали, что все на месте аварии и никто сейчас не поедет искать.

Мать на коленях молилась перед иконой, отец лежал лицом к стенке на диване, когда девушка вошла в дом.

Отец сел на диване и схватился за сердце, мать кинулась к ней и обняла ее со словами:

– Где ж ты была? А мы думали, что Бог тебя прибрал, – и тут она заплакала. – Что бабушка Поля позвала тебя к себе. Ты знаешь, на твоей тропинке ведь был взрыв. Скоро после прихода твоей электрички. Мы посчитали, ты должна была попасть в этот взрыв. Мы тебя там искали.

– Да, – ответила девушка. – Я видела взрыв, но я была уже далеко. Я была около нее. Баба Поля позвала меня.

НОВЫЙ ГУЛЛИВЕР

Жизнь моя под угрозой, по-видимому. Я лежу один, прикованный к постели гриппом, и моя жена воспринимает все, что я говорю, как бред. Уже идет речь о больнице. Два раза в день приходит какая-то мастерица и практикует на мне как законченная садистка, то есть всаживает в мякоть огромную иглу и делает вид, что торопится дальше, а я боюсь ей сказать, чтобы она не оставляла ампулы и вату, поскольку мало ли как их используют «те». «Те» используют все, в том числе и недоеденное и недопитое. Эксперимента ради я оставил на стуле, не принял таблетку анальгина, и всю ночь у «них» шел пир горой и раздавались пьяные песни, у сволочей.

Я познакомился с ними в самом начале болезни, когда не мог спать ночью и встал, чтобы переодеть мокрую майку, поскольку меня бил озноб и т.д. Я пошатнулся и увидел у плинтуса небольшого жука, который быстро побежал, как они могут. Я этого жука хотел пришлепнуть и наступил на него, но успел наступить только на лапку, и когда

поднял шлепанец трясущейся рукой, в свете далекой настольной лампы увидел на подошве отчаянно повисшего человечка размером с таракана с раздавленной ниже колена ногой. Человечек, видимо, находился в шоке. Я отлепил его, одеяло с меня сползло, и что было делать, я не представлял, одно только меня утешало, что это галлюцинация. Я полил на человечка водой из стакана, он несколько раз вздрогнул у меня на руке и пополз. Куда его было девать, мою галлюцинацию? Я положил его на блюдце и стал рассматривать. Человечек был одет во что-то грязно-серое, при ближайшем рассмотрении это оказался клочок ваты, порядочно-таки заношенной. Моя садистка, что ли, уронила? Но ведь это галлюцинация, успокоил я сам себя. Моя галлюцинация, волоча расплющенную ногу, потащилась на трех конечностях к краю блюдца, свесила лохматую голову и, живучее создание, перевалила на стул. Стой, не уйдешь, как бы воскликнул я и на пути моего человечка поставил руку. Он поднял голову, примерился и стал, щекоча меня руками, взбираться, как дурак, по пальцам не хуже, чем по бревенчатой стене. Замечательно было то, что я внутренне хохотал над его жалкими попытками, однако вид моего окровавленного мизинца, когда я стряхнул с руки привидение, ошарашил меня... Так вот как может протекать бред, подумал я и вытер пятнышко крови о майку. На этом я влез в свою ледяную постель и стал дрожать от холода, пока не наступило утро и жена не пришла мне дать питья в мой чумной инфекционный барак.

– Смотри, у тебя ночью шла носом кровь, – сказала жена, указав на майку.

Я попил и немного съел какой-то дряни из тарелки, пока жена собиралась на работу. Затем весь день ушел у меня на наблюдения за тем, как мои галлюцинации добывают из стакана и тарелки воду и пищу. Воду они носили толпой в ампуле из-под новокаина, а спускали ее в бинтах. Кашу они просто вылили на пол, наклонивши над пропа-

стью тарелку, а было их видимо-невидимо. Внизу, на полу, кучу каши разбирали в свою посуду, как-то: в копейку, в отбитые горлышки ампул, в клочки картона (их везли по полу). Фигурировала также чайная ложка, упавшая у меня вчера утром, ее нагружали и несли целой колонной.

Мой инвалид бесследно исчез, жена дала сменить мне майку, доказательства галлюцинации пропали, но человечки, суетившиеся у плинтуса, не исчезли. Двоих я обнаружил у себя перед глазами, они шли вверх по ковру, как альпинисты в кустарниках, и целью их похода, я обнаружил, была полка, но там, между ковром и полкой, существовал так называемый отрицательный угол, и они, понюхав и покачавшись в шерстинках ковра, канули вниз. Они умели падать, эти люди! Понимали, что падают на постель, и, упавши на одеяло, долго и трудно шли в связке по торосам крахмального пододеяльника к своему плинтусу.

Я вообразил себе, что ночью они роются у меня в кровати, работают по сбору крошек. И о тараканах такую вещь подумать противно, а тут мыслящий враг!

«Галлюцинация», – громко сказал я себе и позвал жену, чтобы она с кипящим чайником прошлась по плинтусам. Но жена ушла, а деятельность моих красавцев развернулась вовсю. Когда я вышел, держась за стену, они умудрились в короткое время вытащить из подушки в пятнадцати местах перья. (Я застал их в середине работы и вынужден был сам вытащить эти перья, чтобы спокойно лечь на подушку, и побросал их вниз, на пол, после чего опомнился, но перья уже исчезли в щели одно за другим.) Они, видимо, устилали себе пол жилища.

Теперь это было их главное развлечение, они наполовину вытягивали перья, и мне оставалось только со стоном довершать их работу. Как-то я попытался перевернуть подушку, и, вставши в очередной раз, чтобы открыть дверь моей садистке, я затем лег лицом прямо в торчащие остья, которые они успели вытащить и на этой стороне подушки.

Я не решался их уничтожить, помня о пятнышке крови. Кроме того, я в одном человечке, гулявшем по пододеяльнику, обнаружил мать с ребенком (в ваточке) и внутренне задрожал. Она шла, как мадонна, лицом ко мне, и младенец плыл личиком ко мне. Я закрыл глаза, а эта самоотверженная мать подобрала у меня с подбородка что-то прилипшее (по виду – крошку желтка) и, нагруженная этим куском и своим ребенком, канула в волны пододеяльника.

Дальше – больше, они начали сколачивать себе мебель, что ли. У них появился кусочек лезвия бритвы (откуда?). Они им отрезали пластиночку от ножки стула и понесли, как лесорубы, эту доску домой. Тюк-тюк, перетюк – слышалось тихое щелканье, это они там то ли гвозди заколачивали (какие?), то ли обтесывали дерево бритвой...

Через два дня стул подломился под моей сослуживицей Мариной, женщиной полной и громкоголосой, которая принесла мне мою зарплату, добрая душа, и поплатилась за это испугом и ушибом ягодиц, так как решила посидеть около меня и рассказать кое-что о нашем новом начальнике, который заявил-де на общей летучке, что знакомиться будем в работе. С этими словами Марина шлепнулась очень даже неожиданно и оказалась сидящей на полу среди обломков. Когда Марина ушла со стонами, стул лежал на полу. Вечером пришла жена и при мне унесла только спинку и сиденье. Ножки исчезли. Я закрыл глаза от изнеможения, а жена решила, что ножки я выбросил еще раньше (куда?! когда?!).

Стало быть, у них уже начался расцвет строительства, они скреблись и колотились почем зря, и некоторое время спустя они пошли на добычу моей картошки с котлетой (я не стал есть), вооруженные платформой на колесах.

Все шло у них в ход, эти воры тащили уже мелкую посуду типа ликерных рюмок, запасали в чашку воду, волок-

ли яблочные огрызки из помойного ведра. С течением времени они начали разбирать паркет для расширения ходов и магистралей, выколупали из оконных рам по кускам пенопласт, начали рвать по ниткам (на канаты) мою простыню...

Я по-своему борюсь, то есть ем теперь все, а остатки спускаю в унитаз, лежу без простыни (пододеяльник для них трудноват). Но ковер они начали просто косить косой, рассчитывая, видимо, начать у себя плетение циновок.

Их волнует также проблема освещения, и однажды я услышал легкий запах дыма ночью. Я лег на пол и увидел прямо-таки тлеющий край газеты, а кругом увидел этих сволочей, сидящих перед своим костром и смотрящих в огонь все как один. Я сбегал на ватных ногах на кухню и плеснул в них чашкой воды. Они восприняли этот ливень как явление стихии и вынесли свои ватки на просушку – ватки, нитки, шерстинки и голых детей! Сил не было на это смотреть, и я им туда поставил свою настольную лампу, чтобы они обогрелись и получили свой свет. Они, видимо, сочли это за явление кометы и с писком спрятались. Вещи, однако, просохли.

Самое главное, чтобы жена не догадалась о моей борьбе. Иначе мне не миновать больницы, а за это время мои лилипуты окончательно разберут паркет, соткут себе половики, оседлают диких тараканов, освоят мусорное ведро и хлебницу и в конце концов устроят какой-нибудь сабантуй с горящей газетой, тут-то нам и придет конец.

Поэтому я их караулю и стараюсь не испугать – не дай Господь, они спрячутся в недра нашего дома, как тараканы, а ведь они разумные существа! И не миновать нам газового взрыва и пожарища в результате их войны третьего-второго этажа или какого-нибудь потопа из-за проверченной в трубе дыры группой их геологов...

Они-то погибнут, но мне гибнуть неохота. Я стою на страже и уже понимаю, что я для них. Я, всевидящим

оком наблюдающий их маету и пыхтение, страдание и деторождение, их войны и пиры... Насылающий на них воду и голод, сильнопалящие кометы и заморозки (когда я проветриваю). Иногда они меня даже проклинают, как какая-то мать, швырнувшая в меня своего ребенка (то ли без мужа родила, то ли заболел, то ли он у нее шестнадцатый).

Самое, однако, страшное, что я-то тоже здесь новый жилец, и наша цивилизация возникла всего десять тысяч лет назад, и иногда нас тоже заливает водой, или стоит сушь великая, или начинается землетрясение... Моя жена ждет ребенка и все ждет не дождется, молится и падает на колени. А я болею. Я смотрю за своими, я на страже, но кто бдит над нами и почему недавно в магазинах появилось много шерсти (мои скосили полковра)...

Почему?..

НОВЫЙ ФАУСТ

(Отрывок)

Конечно, раскрылся балкон, запахло серой. Фауст поднял голову от рукописи, в которой как раз вызывал черта, и увидел, как сама собой дернулась занавеска. Пригнувшись, вошел с балкона гигант ненормального роста, урод, каких мало, и при виде которых вздрагивает сердце у обыкновенного человека. Лицо, к примеру, у него было по седьмую пуговицу и гладкое, как у полного идиота. Кожа, само собой разумеется, отвратительного темно-желтого цвета, начищенное рыло. Из широких ноздрей висели сосульки, а сомкнутый рот изнутри полыхал алым огнем сквозь спекшиеся корки. Тем не менее рот был красивый по форме, вывороченный, такой рот хотелось целовать. И вообще что-то во всем этом было аппетитное. Руки у идиота висели ниже колен, руки были, разумеется, немытые, с грязно-голубыми ногтями. Вот вам и весь портрет, исключая то, что гость был уже голый и на причинном месте, стыдно сказать, у него висела морковка.

– Чего же ты хочешь? – спросил черт. – Здравствуй.

Фауст ответил:

– Хочу писать, быть писателем.

– Будешь, – ответил черт. – Для этого здоровайся со всеми, постись с шести вечера пятницы до двенадцати утра воскресенья без воды и еды. Ходи босым по земле хотя бы раз или два в день в любую погоду. Ходи голым, как я.

– И еще я хочу, чтобы все мальчики мира были мои, – сказал Фауст.

– То же самое, – сказал черт.

– Как же я буду ходить без трусов и со всеми здороваться? – спросил Фауст.

– Я же хожу и здороваюсь. Меня укладывали в психбольницу.

– Вот-вот, – сказал Фауст.

– Я там им всех исцелил, и всех врачей от галлюцинаций избавил, обо мне даже писал журнал «Х и ж».

– А душу я хочу прозаложить? – спросил Фауст. – Вместо здорованья и всех дел?

Мефистофель согласился тут же, дело было сделано, кровь пролита.

– Значит, хочешь мальчика? – задумчиво спросил Мефистофель.

– Ансамбль мальчиков, – сказал Фауст.

– Вокально-инструментальный? – спросил черт.

Фауст кивнул, хотя позже подумал, что лучше было бы танцевальный или, что еще лучше, военно-морской, песни и пляски.

– А как же Маргарита? – спросил черт. – Она уже предупреждена и любит. Ей семнадцать лет.

– Не надо, – сказал Фауст, косвенно глядя на Мефистофеля. Они были одни в квартире. Мефисто забеспокоился и сказал:

– Открывайте!

В дверь позвонили, и вошли двое ребят в самом возрасте, семнадцати-восемнадцати лет, по виду со двора. Они были с гитарами, один очень некрасивый, но пластичный и добрый, а другой субтильный и нервный, с

очень маленьким ротиком. Фауста они просили быть у них дирижером. Все шло не так гладко, как хотелось, ребят спугнуть было раз плюнуть, Мефистофель перетрансформировался в толстого пенсионера-соседа в синей майке и военных галифе. Он был совершенно тут неуместен. Ребята на него избегали даже смотреть. Фауст подирижировал ребятам, удивляясь, как складно все получается, а потом, время было позднее, метро не ходило, решили ложиться спать. Спальных мест было два. Фауст сказал, что ляжет с худеньким, а черту и коренастому указал на соседнюю комнату. Через пять минут худенький вскочил и ушел спать третьим к другу и пенсионеру, которые уже мирно храпели валетом. Фауст тогда мысленно вызвал Мефистофеля, и тот, почесываясь, явился и шлепнулся в еще горячую, полную борьбы постель.

С Мефисто, однако, ничего не вышло, ему было чуждо все человеческое, он притворился гладким, как пупс. Кроме того, глаза закрыл, уши заложил, рот у него зарос бородой, ни единой щели не оставил, ноги у него временно оказались как у русалки, холодные и сросшиеся. С Мефистофелем раз и навсегда все было ясно; Фауст долго бегал и курил, входил в комнату мальчиков и столбом стоял над спящими, боясь их напугать. «Ничего себе, – думал Фауст, – стоило закладывать душу, чтобы мучиться по-прежнему на пустом месте». Мальчики спали, зато явился Мефистофель, извиваясь змеей. Он долго бил хвостом перед Фаустом и шепотом оправдывался, что одно взаимоисключает другое, и если Фауст хочет стать настоящим писателем, он должен страдать, еще Достоевский писал, а Бердяев это привел как цитату. «И завтра ты будешь писать», – сказал черт, сонно качаясь на хвосте, как символ Варшавы, но руки заложивши подмышки. Короче говоря, Фауст поехал на такси по бульварам в полтретьего ночи искать себе мальчика, но напоролся только на одного молодого человека, который хотел кого-нибудь избить под предлогом «а, идите все на меня, я не испугаюсь». Фауст своими уговорами подлил еще масла в огонь, молодой че-

ловек очень обрадовался и с воплем «бей пидарасов» раскроил Фаусту голову.

Фауст очнулся в вытрезвителе в общей палате как раз в тот момент, когда санитар взволнованно и в нос докладывал дежурному врачу: «Захожу утром, у них у всех трусы посняты. Опять гомосексуалисты орудовали».

Фауст проверил и точно, он лежал без трусов. Ночью и в беспамятстве он был кем-то все-таки изнасилован. Фауст вызвал черта, и тот в виде родного брата, внеся на месте штраф в сто рублей наличными без квитанции, вывел Фауста на морозную улицу.

– Что же это получается? – спросил Фауст. – Это что, обман?

– Это жизнь, – сказал Мефистофель. – Ты живешь жизнью. Иначе, если все желания твоей плоти будут удовлетворены, а самолюбие утешено, у тебя притупится стремление писать. И твое главное, первое условие я не выполню. Однако этой ночью твое второе желание тоже было удовлетворено, кстати.

Фауст мысленно плюнул.

Тем более, что не замедлила явиться и Маргарита, и вот каким образом. Фауст был объявлен как дирижер ансамбля легкой музыки и должен был таскаться на работу в Дом культуры два раза в неделю, изнывая от усталости. Как и везде в самодеятельности, женщин было подавляющее большинство, и среди них много пожилых, которые очень привязались к Фаусту. Была и Маргарита, существо румяное, черноглазое и ушедшее из дому от деспотичной матери. Рита ночевала где придется, избрав себе простую тактику: она провожала кого-нибудь до дому, влезала и в дом, пила там чай и оставалась ночевать. Второй раз люди уже избегали ее провожаний, однако народу было вокруг много. В первый же вечер Маргарита увязалась за Фаустом провожать его домой, и он в отместку и в назидание привел ее на групповое свидание педерастов, организованное с большим трудом собственными силами еще до акта продажи души черту. Там оказалось трое вместо семи,

трое некрасивых, плоско остриженных молодых людей, и не то чтобы самое дно, дно привлекательно, а так, инженеры из-под техникума. Маргарита всем была безумно довольна, один из инженеров (они были, кроме всего, туристы) показывал слайды горного Алтая, где все в голом виде резвились на тех просторах, где их не видел ни один милиционер, разве что было холодно. Маргарита вскрикивала «Ой, как красиво» в самых рискованных местах, ничего принципиально не замечая, поскольку у нее не было выбора где ночевать, да она и повидала всего за месяцы своих скитаний. И напрасно думал Фауст, что она случайно войдет в ту комнату, где он не запершись барахтался со Славой, и выйдет большой конфуз и Рита смоется. Нет. Утром Маргарита с блестящими глазками вышла вслед за Фаустом и поперлась его провожать домой аж на Березовую улицу. Фауст злобно привел ее к себе домой, поставил чайник и признался, что любит только мальчиков, вот если бы она была мальчиком. Маргарита с криком «бедный» повисла у него на шее и, в свою очередь, призналась Фаусту, что ей негде ночевать и поэтому она вчера со знакомым босяком пришла на репетицию ансамбля в надежде остаться там ночевать в зрительном зале. Фауст стал расспрашивать что за босяк, сколько лет, и попросил позвонить ему, чтобы он немедленно ехал сюда. Маргарита все-таки полюбила Фауста и поэтому позвонила со стесненной душой, и босяк откликнулся, поскольку днем он сидел дома, когда его порядочные родители проводили время на работе. Босяк откликнулся ленивый и сонный, но таким дивным голосом, что у Фауста мучительно заволновалось все его естество. Он стал шепотом и знаками подсказывать Маргарите, что говорить, Маргарита несла какую-то чепуху о слайдах и путешествиях, причем босяк неожиданно положил трубку и больше уже не отвечал. «А еще знакомых нет?» – спросил Фауст вне себя от нахлынувших чувств и в предвкушении того, сколько же у общительной Маргариты ничего не подозревающих знакомых мальчиков ее возраста и привычек! Маргарита, намерева-

ясь остаться навеки, стала неловко мыть посуду, и тут явился отчаянно вызванный Мефистофель в виде интеллигентного еврейского мужчины с лысинкой, бородкой и в клетчатой рубашке под джемпером. Мефистофель прогнать Маргариту постеснялся, а сказал только, что им с Фаустом сейчас пора уходить. Маргарита надела свою дубленку с финского плеча и, сверкая прорехами на спине и под мышками, потащилась провожать своего Фауста хоть до Новогиреева. Действительно, такой преданности у мужчин Фауст не встречал, слава богу, все одни были увертки, обиняки, туман и кокетство. Или прямая плата в деньгах и тогда вообще наплевательство.

– Куда мы идем? – спросил Фауст, а черт не отвечал, а Марго щебетала, какой новый мир перед нею открылся, и что ей кажется – она это или не она? Королевой ты стала, – чирикала Маргарита, – день такой.

Мефисто, однако, подвел их к зданию, где требовались пропуска.

– Мы в седьмую, – сказал он, указав на Фауста. Маргарита с громадным любопытством в своей драной дубленке выглядывала сзади, и вот ее-то продувные контролерши сразу раскусили и не пропустили.

Фауст и Мефистофель поспешили в объятия безработных в этот час гардеробщиков, а Маргарита напрасно билась у входа и кричала, что она с вон теми дяденьками, с тем черненьким и с тем небритым. Дверь за ней закрылась, а Фауста и черта встретил у ступеней, ведущих вовнутрь здания, маленький вышибала в ранге замдиректора.

– Что у вас есть на вход? – мучительно кривясь в сторону контролерш у входа, сказал вышибала. – Попрошу предъявить.

– Мы в секцию прозы, молодые.

– К кому конкретно?

– Мы поговорить, пока ни о чем конкретно, но...

– Вас ждут? Кто?

– Но позвольте! – сказал Мефистофель.

– В таком случае попрошу вернуться, – сказал вышибала и обратился к контролершам: – Вы всегда работаете так, что на вас сыплются одни похвалы, так что я буду ставить вопрос о вашем увольнении. – Гардеробщикам он сказал:

– Оденьте их, пожалуйста, но ни-ко-гда больше...

Фауст и Мефистофель очень медленно одевались перед зеркалом, чувствуя на себе ненавидящие взгляды вышибалы и вахтерш от входа. За дверями угрожающе маячила, однако, тень Маргариты, которая придерживалась правила дежурить и ждать, да и других дел у нее не было. Да и полюбила она Фауста, помимо своей воли. И Фауст сказал: «Помогай».

Мефистофель усадил его на стул и стал щупать пульс. Маленький подлетел к ним, он, видимо, ненавидел симулянтов естественной ненавистью симулянта и видел их насквозь.

– Валидол, нашатырь, – бросил Мефистофель вышибале.

Вышибала брезгливо пошел куда-то. Вахтерши демонстративно отвернулись от зрелища человеческой слабости. Гардеробщики посовещались и вынесли нитроглицерин на кусочке сахара. Мефистофель дал Фаусту понюхать кусочек сахара. Гардеробщики заволновались и стали выкрикивать из-за своего барьера: «Сосать! Сосать!»

Тут хлопнула входная дверь, привратницы заворковали, и вошла в сопровождении свиты дама в большой, но легкой на вид шубе. Свита у нее была парочка во цвете лет молодых мужиков, один разбойного сибирского вида, другой, наоборот, интересный, как артист, с ярко-красными губами. Дама стала стаскивать перчатки с большими вырезными дырами, мужички весело оглядывались, гардеробщики подскакивали, вышибала по-хозяйски оглядывал свой птичий двор со ступеней, минуя, правда, больных и убогих.

– Кто? – спросил Фауст.

– Это большая литература, – ответил Мефистофель. – Нюхай. Она может все. Может напечатать, может послать за рубеж, ввести в секретариат. Все, все.

– А Маргаритка где?

– На морозе.

Действительно, Марго в дверях стала кидаться на Большую литературу с просьбой «тетенька, проведи меня под свой пропуск или дай мне его».

– Так. Обратно пути нет, – сказал Фауст.

– Что с вами? – участливо спросила БЛ, склоняясь над Фаустом.

Фауст встал, ничего не отвечая. Мефистофель сердито, под пьянь, сказал:

– Да вот, бляди довели...

Мефистофель в этот момент обратился в лысоватого мужичка простого вида. Бородка осталась при нем, но он оказался в потрепанном бывшем свадебном черном костюмчике, на ногах имея сандалии из кожзаменителя.

– Вот писатель он Богом данный, – запричитал бес, – пишет о жидах всю правду. И не печатают, бляди.

БЛ сама была не без еврейской крови, однако тоже както евреев не любила. Она задумалась. Тема была новой, если вот так, откровенно. Сзади БЛ застыли сибирский разбойник и плейбой.

– Все же, бля, имеют право писать о том, что их волнует. Розанов писал же, бля, – сыпал, как горохом, Мефистофель. – Христа распяли... Христианство ввели на Руси, кто просил их. Петр Первый, мудак мудаков, повернул Россию...

Теперь они оказались у дверей отдельного кабинета, куда начал бегать молодой безобразный официант, по виду кожа да кости. Фауст весь напрягся. Официант убегал от них куда-то по винтовой лестнице в тартарары, в подсобку, во внутренние подземелья, где наверняка было много закоулочков...

ЧУДО

У одной женщины повесился сын.

То есть когда она пришла с ночного дежурства, мальчик лежал на полу, рядом валялась табуретка, а с люстры свисала тонкая синтетическая веревка.

Рот у парня был в крови, на шее ясно виднелась красная полоска.

Он был без сознания, однако сердце еле слышно билось, так что приехавший на «скорой помощи» врач сказал, что это была только попытка самоубийства.

Причем на столе лежала записка: «Мамочка, прости, я тебя люблю».

Только тогда, когда сына увезли на каталке по больничному коридору (а мать вместе с ним в карете «скорой помощи» доехала до приемного покоя и отстала от него не раньше чем у дверей реанимации, держалась за его руку) – только тогда она, вернувшись домой, обнаружила, что у нее в тайнике, в шерстяном носке на дне чемодана, ничего не осталось.

А там было два обручальных кольца, все деньги, немного долларов и золотые сережки с рубинами.

Бедная женщина затем недосчиталась и магнитофона, единственной ценной вещи, которую она вынуждена была купить сыну под его обещание вернуться в школу.

Потом она увидела под кроватью и в кухне много пустых бутылок, в раковине груду грязной посуды, а в уборной следы рвоты и безобразие.

Правду сказать, она еще с порога, придя рано утром после ночного дежурства, подумала, что тут явно шла гульба (сыну предстояло идти в армию, и он говорил, что пригласит гостей, но мать все время возражала).

Однако, когда она утром вошла в квартиру, в их единственную на двоих комнату, и увидела покосившуюся люстру, отодвинутый стол, лежащую табуретку и, что еще страшней, веревку и тело на полу, у нее мгновенно отшибло все гневные мысли.

И только теперь, вернувшись из больницы, она все сразу восстановила в памяти и тут же, подняв табуретку, выдвинула из-под кровати чемодан.

Он был заперт небрежно, только на один замочек, второй отскочил.

Этот торчащий замочек много ей сказал, и она уже безо всякой надежды, оцепенев, открыла чемодан.

Носок лежал на своем месте, в углу под одеждой, но пустой.

В этом носке хранилась вся ее надежда на спасение, она строила разные планы, то купить телевизор, то заплатить, чтобы у парня приняли экстерном экзамены за курс средней школы, он бросил учиться в середине года.

То она мечтала поменять квартиру с доплатой, еще поднатужиться и накопить, однокомнатную на двухкомнатную, хоть в плохом районе, чтобы у мальчика была своя комнатка: пусть ей жилось тяжело с ним, но он был единственным родным человеком, больше никого у нее не осталось, вся семья умерла, весь их род: родители, тетки-дядьки, потом молодым погиб ее муж, какой-то злой рок преследовал их.

И вот теперь и мальчик захотел уйти.

Кстати, он давно уже поговаривал о таких вещах, неуклонно приближалось время призыва в армию, а он с детства был мягким, добрым ребенком, не любил драться, говорил, что не может тронуть человека, и из-за этого его частенько избивали в школе, его постоянно преследовали трое ребят из соседнего класса, смеялись, что он не дает сдачи, такой слабак, и вытрясали у него из карманов все вплоть до носового платка, а он молчал.

Что не мешало ему теперь, в пьяном виде, замахиваться на мать: вообще с ним произошли страшные перемены, когда он подружился с дворовыми парнями старше его.

Они взяли мальчика под защиту, как он признался матери, он пришел домой и сказал, что все, теперь его никто не тронет, и ходил веселый, даже слишком веселый.

Вот тогда, в четырнадцать лет, он стал требовать у матери магнитофон, ребята давали ему переписать кассеты, а он не мог им признаться, что у него ничего нет, только сидел и смотрел на эти кассеты.

Он, видимо, им нахвастал насчет собственного магнитофона, выдавая желаемое за действительное.

Он знал, что у матери есть деньги, она берегла, копила, работала везде, где могла, но при этом она всегда ему твердо говорила, что карманные деньги могут его испортить, он еще, чего доброго, начнет пить и курить.

Он и начал довольно быстро пить и курить, его угощали, видимо; кроме того, он все-таки находил материнские заначки и подворовывал помаленьку, она была рассеянной и никогда не знала, сколько у нее чего.

Однажды он особенно долго кричал насчет магнитофона, плакал и даже заболел, поднялась температура, и он сказал, что лечиться не будет, хочет уйти.

Начался бред, он упорно отказывался от еды, и вот тут материнское сердце дрогнуло, она пошла купила ему магнитофон, самый дешевый, но все равно страшно дорогой.

Сынок быстро очнулся, стал смотреть во все глаза на магнитофон, она плакала от счастья, видя его ошеломление, но он вдруг опять лег, отвернулся и сказал, что это совершенно не то, что нужно.

Они вместе на следующий день потащились в эту дешевую лавочку менять магнитофон, приплатили опять бешеные деньги, причем их явно обманули, видя состояние матери и что она готова на все.

После этого он безо всяких тормозов слушал магнитофон день и ночь как сумасшедший, переписывал кассеты (понадобились деньги и на кассеты), а вскоре встал вопрос о кожаной куртке, джинсах и кроссовках.

Тут мать резко отказалась, эта веревочка могла виться бесконечно.

Она сказала ему: раз ты не учишься, поработай, как я. Я на всякую работу согласна ради тебя. Он стал говорить, что в жизни не будет, как его мать, гнуть спину за копейки.

Причем ведь он боялся делать все то же, что обычно делают в такой ситуации все мальчишки, – продавать газеты, мыть стекла машин у светофора: может быть, думала мать, он просто трусит, что опять прогонят, изобьют и т.д. Она, мать, и сама была из породы боязливых, всего пугалась, ото всего плакала, и он, видимо, вырос такой же без отца.

Но очень быстро после этих скандалов дело покатилось к тому, что он не хотел ходить в своих старых штанах и курточке, впал в тоску, не делал уроки, соответственно незачем было шляться в школу, стоять там позориться перед классом, просто незачем. Не за руганью же.

Он не любил нотаций, просто ненавидел.

Все больше времени он проводил со своими защитниками, дворовой компанией, а они ведь, размышляла мать, сидя у растерзанного чемодана, и пили там, и курили, и ели, а он угощался за их счет.

И теперь скорее всего, подумала она, ему наконец припомнили, что это все он пил-ел на их денежки, и пришло наконец время их тоже угостить.

Вот почему он все говорил, что надо устроить проводы в армию, а она отшучивалась, что рано, еще два месяца.

И, конечно, всякий ребенок знает о тайниках в доме, куда мама прячет денежки.

Мать даже забудет, а ребенок помнит, и был случай, когда эта Надя (мать) не могла найти заначку, припрятанную на покупку ботинок для сыночка Вовы, а Вова указал ей под шкаф, ему тогда было восемь лет, а сейчас уже стукнуло семнадцать.

Короче говоря, мать сидела посреди всего этого разора, этого издевательства (на стене в уборной было написано уличное слово, крупа была высыпана изо всех баночек, как будто там что-то искали) – она сидела и думала, что делать больше нечего.

Врач сказал еще в приемном покое, что он дышит и жив, что в реанимацию его отправляют просто так, для надежности, для порядка, а потом переведут в психиатрическое отделение.

Если его там, в больнице, признают сумасшедшим, то это то, чего он больше всего сам боялся, потому что втайне думал приобрести когда-нибудь машину, а сумасшедшим прав не дают.

В этом случае он не пойдет в армию и останется навсегда жить у нее на руках, как жил, и будет все больше катиться на дно.

Если же его не признают сумасшедшим, что тоже вероятно – ведь он теперь явно будет отрицать самоубийство, бороться изо всех сил, скажет, что хотел попугать мамашу, – тогда его ждет армия и уж там точно самоубийство, цинковый гроб. Он так и предупредил мать: унижений я не вынесу, жди меня из армии быстро, похоронишь вместе с отцом.

Делать было нечего. Надя переждала вечер, ночь и утро и пошла, покачиваясь, в больницу. Там врач психиатрического отделения встретила ее приветливо, сказала, что это была симуляция самоубийства с помощью друж-

ков, парень сам признался. «Но на шее полоса!» – воскликнула Надя.

– Веревка очень слабенькая была, он это сделал специально, – ответила врач. – Он сказал, что если бы хотел повеситься, то в доме была другая веревка, шнур. Потом он нам все рассказал, что вы говорили фельдшеру «скорой», что она говорила, какой внешний вид был у девушки, как одета. Он все притворялся перед вами.

«А пена с кровью», – будто бы возразила Надя, но врач ее не слушала, а сказала, что парень очень переживает и не хочет видеть мать, не хочет идти домой после таких шуток.

«Да он меня обокрал», – хотела воскликнуть Надя, но только горестно заплакала. «Вам самой надо полечиться», – посоветовала ей доктор.

На этом Надя поплелась домой и там стала обзванивать знакомых, советоваться.

Потом спустилась во двор, где сидели старушки, тоже с ними посоветовалась.

Она вела себя как настоящая сумасшедшая, то есть ее кто-то как будто тянул за язык.

Она даже останавливала в переулке случайных знакомых и все им рассказывала как на исповеди.

Люди уже поглядывали на нее с интересом, поддакивали, задавали вопросы.

Но ей помогла одна встреченная на улице бывшая соседская бабушка, которая теперь жила далеко, у сестры, и теперь заболела, как она сказала, смертельной болезнью со сроком жизни две недели, и потому давно не видела Надю (а Надя, был такой момент, носила ей продукты из магазина, и бабушка все ей рассказывала: как передала по дарственной свою квартиру любимому внуку, чтобы доживать век в уверенности, что парень пристроен, – и как этот внук, получив дарственную, сразу решил делать большой ремонт, вскрывать полы, менять паркет, а бабушку перевез временно к ее сестре, чтобы не беспокоить, а потом исчез, а в квартире теперь живут посторонние люди,

которые купили ее у внука по всем правилам, такие дела – эту историю знали все в их доме).

Эта выгнанная обманом старушка раньше навещала соседей и все плакала, а теперь уже, видно, давно успокоилась, поэтому больше не жаловалась, сказала, что живет прилично («Вместе с сестрой?» – спросила Надя, и старушка ответила, что теперь без сестры, и Надя забоялась дальше спрашивать, не умерла ли эта древняя сестра), живет прилично, развела много цветов («На балконе?» – спросила опять Надя, а старушка сказала, что нет, над головой, как-то странно ответила, и Надя опять не стала переспрашивать где), но Наде самой было важно выговориться, и она тут же все выложила по порядку.

Старушка ей сказала так: «Ищи дядю Корнила».

И все.

Дальше она заторопилась и как-то буквально молниеносно исчезла за углом своего бывшего дома.

Надя, пораженная, заглянула за угол, повернула еще раз за угол, но и во дворе уже знакомой старушки не было.

Делать нечего: Надя опять стала всех обзванивать и опрашивать кого могла, и на почте одна женщина в очереди сказала ей, что дядя Корнил живет в слесарне при больнице около метро.

И что он сам на грани смерти, ему нельзя пить.

Но без бутылки слесаря ее туда не пустят.

Мало того, без бутылки и он ничего не скажет.

Надо сделать то-то и то-то, постелить свежее полотенчико, поставить водку и так далее.

Женщина все объяснила и сказала, где больница.

Вид у нее был нехороший, бледный, как будто она сама была из больницы, причем вся в черном и на голове как покрывало, волосы черные, глаза красивые, какие-то добрые.

Не помня себя, Надя бросилась покупать водку, все приготовила, сложила в сумку.

У больницы ей указали наконец эту мастерскую, обычный подвал в больнице, вернее, обычный шалман.

Видимо, все алкаши района собирались там.

У входа Надя увидела двоих-троих, которые болтались под дверью, то ли ожидая кого, то ли просто гуляя.

Надя, испугавшись, что у нее отнимут бутылки, пошла на дверь как танк, буквально разметала сопротивление (дверь открылась только на громкий стук, даже едва приотворилась, но Надя, показавши бутылки из сумки, протиснулась в подвал, и следом за нею стали проталкиваться, видимо, и те уличные, была какая-то возня, крики за спиной).

Бутылку у нее приняли сразу.

Причем тот человек, который взял у нее спиртное, покачал головой и сказал, что дядя Корнил отходит, а пить ему нельзя.

Тем не менее они сразу указали ей в угол, где около шкафа без дверей лежал прямо на полу мужик как из помойки, раскинув руки.

Надя поступила так, как ей говорила та женщина с почты, – расстелила полотенчико, поставила чистую бутылку со стаканчиком, нарезала хлеба, выложила соленых огурчиков на бумагу и рядом денежку на опохмел.

Дядя Корнил лежал уже как мертвый, раскрывши рот, на лбу запеклось множество мелких ссадин, одна была большая как рана посреди.

На ладонях какие-то язвы типа аллергических.

Надя сидела и ждала, потом открыла бутылку, налила в стакан водки.

Дядя Корнил очнулся, открыл глаза, перекрестился (Надя тоже) и прошептал:

– Надя. – (Она вздрогнула). – У тебя есть его фотография?

У Нади фотографии сына не было. Она обомлела от горя.

– А что-нибудь с него есть?

Надя стала шарить в сумке, выложила на пол кошелечек, пакет молока, грязноватый носовой платок.

Больше не было ничего.

Этим носовым платком она вытирала слезы, когда шла из больницы от сына в первый раз.

Надя поднесла лежащему полный стакан.

Тогда дядя Корнил приподнялся на локте, выпил, заел кусочком огурца и снова лег со словами:

– Дай носовой платок.

А потом он сказал, держа ее носовой платок в руке (а на кисти у него была грязная, гнойная рана):

– Еще один стакан – и мне конец.

Надя испугалась и кивнула.

Она стояла перед ним на коленях, готовясь выслушать все. Там, на носовом платке, были следы ее страданий, ее засохшие слезы, может быть, это был тоже след сына – так она надеялась.

– Так чего ты хочешь, – пробормотал дядя Корнил. – Скажи мне, грешница.

Надя тут же ответила, заплакав:

– В чем это я грешница, на мне нет греха.

За ее спиной, у стола, раздался громкий, хриплый хохот: видимо, кто-то из алкоголиков рассказал что-то смешное.

– Твой дед по отцу убил сто семь человек, – прохрипел дядя Корнил. – А ты сейчас убьешь меня.

Надя снова кивнула, вытирая свои горячие слезы.

Дядя Корнил замолчал.

Он лежал и молчал, а время шло.

Видимо, ему надо было выпить, чтобы он начал опять говорить.

Про деда по отцовской линии Надя не знала почти ничего, он вроде бы пропал без вести – да мало ли было войн, на которых люди нехотя, без злобы, убивали друг друга!

Дается приказ, и либо ты убьешь, либо тебя убьют за невыполнение.

– Так то дед, прадед, он солдат был. А то мальчик. Он в чем виноват, – забормотала Надя с обидой. – Пусть я страдаю, но ему за что такая судьба! Мало ли кто кого когда убил.

Дядя Корнил молчал и лежал как мертвый.

По его лбу побежала живая капля крови.

– Ой, – сказала Надя, с ужасом глядя на эту струйку.

Надо бы ее вытереть, но нечем, не юбкой же, испачкаешься, пойдешь по городу в замаранной юбке. А платок в руке у дяди Корнила.

Без платка он ничего не скажет.

В этом платке след страданий ее и сына.

Тут опять раздался гогот.

Надя обернулась и увидела смеющиеся рожи за столом. На нее никто не обращал внимания.

– Мне не на что надеяться, – вдруг вырвалось у Нади. – Ты сам знаешь, дядя Корнил.

Время шло.

Струйка крови запеклась на лбу у лежащего мужика.

Он был страшный, грязный, худой, какой-то вонючий: скорее всего, не вставал уже много дней.

В шкафу без дверок лежали пустые бутылки.

Видимо, этот Корнил уже многим людям сегодня нагадал, что делать.

И ждал, пока ему нальют еще.

Та женщина же говорила, что без бутылки он говорить не будет.

Надя налила еще стакан.

Держа его в руках, она сказала:

– Ты спросил, чего я хочу. Я хочу счастья для своего сына. Больше ничего.

Тут она помолчала, представляя себе, что сейчас этот дурной дядя Корнил нагадает счастья ее сыну, а для Вовы счастье заключалось в пьянках, гулянках, веселой жизни, мотоциклах.

– Но чтобы он учился, вернулся в школу и учился.

Здесь она опять остановилась, подумав о том, что ему нужно учиться теперь еще два года в школе, и все это вре-

мя ей придется опять гнуть спину на трех работах, кормить его, а сил уже нет.

– Пусть он мне помогает, – сказала Надя, – тоже и работает, зарабатывает, учится трудиться.

Но потом она подумала, что ведь его скоро заберут в армию, а оттуда он вернется в цинковом гробу, как обещал.

– Пусть учится в институте потом, а в армию ему не надо, – твердо решила Надя.

Однако перспектива еще семь лет мучиться и не спать перед каждым экзаменом ее озаботила всерьез: она знала, каково это, она сходила с ума, если ее Вова приходил не вовремя домой, плакала, кричала после любого вызова в школу, после двоек, забытых учебников, драк и замечаний в дневнике.

– Так, – сказала она наконец дяде Корнилу, – пусть он хорошо учится и работает, меня слушается, вовремя приходит и... никаких пьянок и гулянок, товарищей этих... особенно подруг... доведут до тюрьмы и все! Утром раненько встал, ушел, пришел, все сделал, мне помог...

Тут бедная Надя вдруг подумала, что лучше всего, если бы сыночек был жив, здоров, учился, зарабатывал, но его бы никогда не было дома.

Когда он дома, это гром, музыка, все раскидано, телефонные разговоры до ночи, ест стоя как конь, кричит, обвиняет мать в жадности, требует денег со слезами...

Она вспомнила, сколько ей пришлось вынести от родного единственного сына, и заговорила с горечью:

– Вот ты говоришь грешница, а где мне грешить? Когда? Я для себя не живу, только для него... Все только ему... Думаю, что ему купить. Как одеть. Что подешевле. Экономила-экономила, теперь вообще деньги он все украл... Да, чтобы он больше никогда не крал, дядя Корнил... У нас никто никогда в семье не крал... И чтобы не пил. Здоровье у него плохое, аллергия, хронический бронхит. Пусть поступит в институт. Окончит – тогда

пусть женится на хорошей-то девочке. И уходит к ней. Бог с ними. То он один, а то двое на мне начнут ездить... И еще и с ребенком... А у меня сил уже нет. Мне психиатр советовал полечиться самой. А я им помогу. Мне-то, мне-то когда свою жизнь изживать... А я только о нем, буквально только о нем плачу день и ночь... Какая же я тебе грешница...

Она присела на колени со стаканом в руке, слезы у нее текли по щекам так обильно, что она не замечала ничего вокруг.

– Сотвори чудо, дядя Корнил, – сказала она. – Я тебе не грешница, на мне нет греха. Помоги. Сделай что-нибудь, не знаю что. Я уже запуталась.

Дядя Корнил лежал неподвижно и почти не дышал. Надя стала бережно подносить полный стакан к его полураскрытому рту, примеряясь, как бы ловчей влить водку, не потеряв ни капли.

Надо приподнять ему голову, тогда все получится.

Все вышло, как хотелось – одной рукой она поддерживала затылок дяди Корнила, а другой осторожно приближала краешек стакана к тонким высохшим губам.

При этом она горячо плакала об исполнении своих просьб, непонятно каких.

– Сейчас выпьем... – бормотала она заботливо. – И все будет хорошо.

В этот момент его глаза открылись, как у мертвого, – Надя хорошо помнила этот немигающий взгляд, обращенный куда-то в угол потолка, где как будто бы находилось что-то очень важное.

Надя поняла, что ее надежды не сбываются, что сейчас-сейчас дядя Корнил умрет, ничего не сделав.

Последняя ее надежда была в водке.

Если успеть влить в него эту водку, он, возможно, и оживет на какое-то время – а там пусть умирает, он же сам сказал, что еще один стакан и конец.

Но этот стакан-то, он еще не влит!

Как же так, дядя Корнил ведь обещал!

Другим он все сделал, а ей ничего: вон сколько пустых бутылок в шкафу от предыдущих.

В это время мужики заговорили в несколько голосов:

– О, вон Андревна колесит, вон она... Андревне откройте, Андревне. Дядя Корнил, твоя мать вон прется. О, как чувствует, что бутылка есть...

В окне мелькнул женский профиль.

Надя растерянно замерла со стаканом в руке.

Надо было побыстрей заканчивать с этим делом, пока мать дяди Корнила не застала ее.

«Вот всегда так, – подумала Надя, – другим все удается, только не мне».

На ее руке лежала тяжелая голова умирающего, который упорно смотрел под потолок.

– Дядя Корнил, – позвала Надя, – дядечка Корнил, выпей вот!

Рот его был широко открыт, челюсть бессильно отвисла.

В дверь уже стучали, кто-то пошел открывать.

«Только бы не пролить, – лихорадочно думала Надя, – а то все пойдет к черту».

Почему-то она думала, что если не уронит ни капли, все ее пожелания сбудутся. Кончится эта пожизненная каторга.

Она еще выше подняла голову дяди Корнила.

– Ну вот так, и сейчас выпьем, – бормотала Надя, приноравливая край полного стакана. – Ам!

Так она поила в детстве своего сыночка молоком.

Это было в деревне, где они жили, когда Вовочка был еще маленький, и муж приезжал на выходные...

Вовочка всегда так бестолково разевал свой ротик с двумя зубами, молоко проливалось.

Тут хлопнула дверь и послышался громкий, пьяный женский голос:

– Че есть выпить, хроники?

«Это его мать, – подумала с ужасом Надя. – Я не успела».

Стакан задрожал у нее в руке.

Сейчас эта мать подойдет и наведет порядок.

– Андревна, собирай на гроб с музыкой, – весело загалдели мужики, – твого Корнила ща уговаривают на последнюю.

– А на хрена ему гроб, мы его продадим в медицинский институт! – бойко отвечала женщина. – Пропьем его!

Ей ответили одобрительным смехом.

– Ну, Надька, – сказала женщина не подходя, – заваливай его, мальчишку. Никак не зажмурится. Сегодня ему последний стакан.

«Откуда она знает мое имя?» – испуганно подумала Надя.

– Во дьявол, что тянешь, – продолжала женщина. – Прикончи его, он тебя только и ждал. Ему уже надоело тут, все любят, все подносят. Отказаться ему нельзя, будет обида. Он никого не может обидеть, он таковский.

Мужички довольно засмеялись. Надя боялась обернуться. Судя по звукам, женщина села за стол, забулькала жидкость.

– Он только ее ждал, последняя капля в чаше, сказал.

Надя ничего уже не соображала, обе руки у нее тряслись.

– Он тебе все исполнит, не бойся, – кричала мать Корнила. – Он всем все исполнял, творил чудеса, слепых исцелял, безногих подымал. Умершего одного еврея воскресил, Лазаря Моисеевича. А дети этого Лазаря уже из-за наследства в суд подали! Он воскрес, они претензию предъявили Корнилу: «кто вас просил». Просила его вторая жена, она жила вместе с ним, когда он овдовел, детей его растила. Когда он умер, дети на нее сразу в суд подали, чтобы она выметалась из их квартиры или всем им заплатила, их двое. Эта жена нашла Корнила, поставила ему две бутылки. Лазарь воскрес, ничего не понял. Потом: слепец побирался с палочкой на вокзале, Корнил увидел его муки и сказал: «открой глаза и иди», так он

снял очки и пошел, но начал ругаться, что теперь никто ему не подаст. Дальше: Корнил поднял безногого, его мать приходила, не может его ворочать, жалко, мужик весь лежа сгнил: Корнил его поднял, так тот как начал снова пить, на двух ногах за матерью стал гоняться как раньше, с ножом по всей квартире. Она к нам прибежала опять с водкой, вали его обратно.

Раздался жуткий смех мужиков.

Мать выпила, откашлялась и продолжала:

– Что мечтаешь, то сбудется, Надя, поверь мне! Поднеси и ты ему, сделай свое дело. Он тебя выбрал. Помнишь бабу на почте? Это была я. Он посылал за тобой. Помнишь ту старушку? Он сказал, Надя пойдет на все, не побоится, ей надо с Вовой окончательно решать. Да ты не волнуйся. Тебе тяжело с сыном, а моему сыну тоже тяжело. Напрасно приходил он в этот раз, напрасно, вот и ждет, кто его проводит. Сам он уйти не может, не полагается, кто-нибудь должен помочь.

Надя, не слушая, посмотрела на дядю Корнила, который лежал головой на ее руке, потом кивнула, аккуратно поставила стакан и сказала:

– Да ну, спасибо, мы сами справимся с нашей бедой, сын-то у вас чересчур больной, вы что, поить такого. Вы что, женщина. Прямо не знаю. Ему надо в больницу, вы что. Я же вижу, он умирает, у меня у самой муж умер на руках, я разбираюсь.

И она даже легонько ткнула пальцем в стакан, он покачнулся и упал, водка разлилась, все окуталось дымом.

А Надя обнаружила себя на улице, что она идет домой с совершенно пустой головой, даже слегка покачиваясь.

Но почему-то она шла легкая и счастливая, не плача, не думая о будущем, не переживая ни о чем.

Как будто самое страшное в ее жизни осталось позади.

НИНА КОМАРОВА

Один раз мама послала на улицу гулять своих детей, мальчика и девочку, и велела мальчику следить за маленькой девочкой. А он заигрался, и девочка пошла к маме. Пошла, но по дороге завернула в лес и заблудилась, села под деревом и стала плакать. Наступила ночь, маленькой девочке было очень холодно и страшно, ее всю искусали комары.

А братик пришел домой один. Мама спрашивает: а почему ты один? Братик отвечает, что он подумал, что сестренка ушла домой, и поэтому не беспокоился. Мама с папой взяли фонарь и начали искать по деревне, потом пошли в лес и все время кричали, звали, но девочку не нашли. Обратились в милицию, а там был всего один дежурный, он сказал, что в темноте все равно ничего не видно, а утром они пошлют на поиски мотоцикл. Вся семья провела ночь в лесу, только мать сбегала открыла дверь в дом, чтобы дочка смогла попасть, если придет.

А девочка рано утром проснулась и продолжала плакать в лесу. Тут ее нашли грибники, муж с женой. Они ста-

ли ее спрашивать, как ее зовут, но девочка не могла говорить, только всхлипывала. Они отнесли ее в машину и срочно поехали в город, потому что подумали, что девочку привезли из города такие же грибники. А город этот находился очень далеко от той деревни, где жила девочка. По приезде выяснилось, что девочка немая. Из милиции ее передали в детский дом.

А ее родная мама заболела, слегла в больницу и долго там пролежала. Когда ее выписали, наступила осень, и бедная женщина стала пропадать в лесах, искать свою дочку, особенно когда выпал снег и все стало видно. Но время шло, и через несколько лет семья постепенно стала успокаиваться, а мальчик стал очень серьезный и задумчивый, он все время помнил, что из-за него пропала сестричка, хотя ему никто не сказал злого слова. Мать с отцом не упрекали его, не вспоминали при нем о девочке, и только когда он уходил в школу, мать доставала ботиночки дочери и ее платьица и сидела, прижав их к груди, и могла поплакать. Отец тоже стал молчаливым и много работал, он перешел на работу в лес, стал лесником и почти все время искал следы дочери в лесах. У него был план исходить все вокруг на десять километров – дальше уйти трехлетняя девочка не могла.

А эта девочка тем временем выучилась говорить в детском доме, пошла вместе со всеми в школу и все время задумывалась над тем, как она попала в детский дом. У них была очень хорошая, добрая воспитательница, которая после долгих трудов нашла ей адрес тех двоих людей, которые подобрали ее в лесу.

Девочка, когда выросла, была уже в восьмом классе, отпросилась однажды к этим людям и застала их дома. Они очень обрадовались ей, сказали, что давно хотели навестить своего найденыша, но не могли найти следов. На самом деле они просто побоялись привязывать к себе немую девочку и брать ее на себя. Девочка расспросила их о том, как они ее нашли, и попросила об одолжении – отвезти ее опять на машине на то же место, где они ее на-

шли. Тут же они собрались и поехали в соседнюю область за сто пятьдесят километров. Они привезли ее примерно на то место, где одиннадцать лет назад оставили машину, чтобы пойти в лес. Девочка вышла из машины и спросила, в какую сторону они потом шли. Старики показали ей. Она поблагодарила своих спасителей, попрощалась с ними и пошла в лес. Шла она очень долго, сильно обожглась крапивой, залезла в болото, все как тогда, но теперь она не плакала и не кричала, а искала дорогу. Вдруг она вышла в поле, причем вдали виднелась деревня. Девочка побежала, пришла к колодцу и стала ждать. Наконец показалась женщина с ведрами, и девочка попросила у нее воды. Женщина внимательно на нее поглядела и пригласила зайти в дом, напиться из кружки. Дома женщина напоила девочку, накормила ее и стала расспрашивать, откуда она пришла. Девочка сказала:

– Не было ли в вашей деревне случая, чтобы пропала девочка двух-трех лет?

– Я живу здесь недавно, а вот мы с тобой пойдем к соседней бабушке, она все тут знает.

Они пошли, и старушка сразу как будто узнала девочку, закивала и сказала, что на том конце деревни живут люди, Вера и Саша, у которых лет десять назад пропал в лесу ребенок.

Старушка и женщина проводили девочку до той избы, девочка вошла в дом и увидела седую женщину, которая чистила картошку.

– Здравствуйте, – сказала девочка. – Скажите, у вас не пропала девочка?

– Да, – сказала женщина и встала, держась за сердце.

– Может быть, это я, – сказала девочка и заплакала.

– Как тебя зовут?

– Я не знаю, как меня зовут, – ответила девочка, – в детском доме меня назвали Нина Комарова, потому что меня туда привезли всю искусанную комарами. Меня нашли в лесу женщина и мужчина, у них была машина.

– Сколько тебе лет? – спросила женщина.

– Не знаю. Я кончила восемь классов, мне примерно четырнадцать лет. Сейчас я поступила в училище, буду жить в общежитии.

Тут вошли старушка с той женщиной, которая кормила Нину Комарову. Старушка сказала:

– Я ее узнала, она похожа на Лиду, твою мать.

И та женщина, в дом которой они пришли, упала на пол без сознания.

Старушка сразу вылила на нее кружку воды, а Нина Комарова подняла женщину с пола и уложила ее на кровать. Пока женщина лежала, сбежались соседи. Затем раздалось тарахтение мотоцикла, и в дом с трудом вошел мужчина, которого поддерживал под руку парень. Мужчина увидел Нину Комарову, подошел к ней и прижал к груди.

– Аня, Анюточка, – твердил он.

Мать очнулась, дом был битком набит соседями, прибежал с работы старший сын, Валерик, и он сразу узнал сестру и сразу успокоился, стал шутить, взял ее на руки, как маленькую, и сказал:

– Я думал, что она вернется, а вы не верили.

Отец сказал:

– Я знал, что она найдется, потому что вокруг я обыскал на пятнадцать километров каждый куст.

Мать все твердила, что теперь надо брать Аню из училища, оформлять документы, пусть она учится дальше, она еще маленькая. Надо быстро учебники покупать, платье для школы...

И она стала перечислять, что еще надо купить.

Все рассматривали старые фотографии и удивлялись, какая Аня выросла большая и красивая. А сама Нина Комарова сидела и удивлялась, что все это происходит с ней, и думала, не сон ли это.

ПЕСНИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

СЛУЧАЙ В СОКОЛЬНИКАХ

В начале войны в Москве жила одна женщина. Муж ее был летчик, и она его не очень любила, но жили они неплохо. Когда началась война, мужа оставили служить под Москвой, и эта Лида ездила к нему на аэродром. Однажды она приехала, и ей сказали, что вчера самолет мужа сбили недалеко от аэродрома и завтра будут похороны.

Лида была на похоронах, видела три закрытых гроба, а потом вернулась к себе в московскую комнату, и тут ее ждала повестка на рытье противотанковых рвов. Вернулась домой она уже в начале осени и стала замечать иногда, что за ней ходит один молодой человек очень странной наружности — худой, бледный, изможденный. Она встречала его на улице, в магазине, где отоваривалась по карточкам, по пути на службу. Однажды вечером в квартире раздался звонок, и Лида открыла. За дверью стоял тот человек, он сказал: «Лида, неужели ты меня не узнаешь? Я же твой муж». Оказалось, что его вовсе не похоронили, похоронили землю, а его воздушной волной бросило на деревья, и он решил

больше не возвращаться на фронт. Как он жил эти два с лишним месяца, Лида не стала расспрашивать, он ей сказал, что все с себя оставил в лесу и добыл гражданскую одежду в брошенном доме.

Так они стали жить. Лида очень боялась, чтобы не узнали соседи, но всё сходило с рук, почти все в те месяцы эвакуировались из Москвы. Однажды Лидин муж сказал, что приближается зима, надо съездить закопать то обмундирование, которое он оставил в кустах, а то кто-нибудь найдет.

Лида взяла у дворничихи короткий заступ, и они поехали. Ехать надо было на трамвае в район Сокольников, потом долго идти лесом, по какому-то ручью. Их никто не остановил, и наконец к вечеру они добрались до широкой поляны, на краю которой оказалась большая воронка. Уже темнело. Муж сказал Лиде, что у него нет сил, а нужно закопать эту воронку, потому что он вспомнил, что бросил обмундирование в воронку. Лида заглянула туда и действительно увидела внизу что-то вроде летчицкого комбинезона. Она начала бросать сверху землю, и муж ее очень торопил, потому что становилось совсем темно. Она закапывала воронку три часа, а потом увидела, что мужа нет. Лида испугалась, стала искать, бегать, чуть не упала в воронку и тут увидела, что на дне воронки шевелится комбинезон. Лида бросилась бежать. В лесу было совсем темно, однако Лида все-таки вышла на рассвете к трамваю, поехала домой и легла спать.

И во сне ей явился муж и сказал: «Спасибо тебе, что ты меня похоронила».

РУКА

Одному полковнику во время войны жена прислала письмо, что очень тоскует и просит его приехать, потому что боится, что умрет, не повидав его. Полковник стал хлопотать об отпуске, как раз перед этим он получил орден, и его отпустили на три дня. Он прилетел на самолете, но за час до его прилета жена умерла. Он поплакал, похоронил жену и поехал на поезде назад, как вдруг обнаружил, что потерял партийный билет. Он обшарил все вещи, вернулся на тот вокзал, откуда уехал, все с большими трудностями, но ничего не нашел и наконец возвратился домой. Там он заснул, и ночью ему явилась жена, которая сказала, что партбилет лежит у нее в гробу с левой стороны, он выпал, когда полковник целовал жену. Жена также сказала полковнику, чтобы он не поднимал с ее лица покрова.

Полковник так и сделал, как говорила ему жена: откопал гроб, открыл его, нашел у плеча жены свой партбилет, но не удержался и поднял с лица жены платок. Жена лежала как живая, только на левой щеке у нее был червячок. Полковник смахнул червячка ру-

кой, закрыл лицо жены покрывалом, и гроб снова закопали.

Теперь уже времени у него было совсем мало, и он поехал на аэродром. Нужного самолета не оказалось, но вдруг его отозвал в сторону какой-то летчик в обгоревшем комбинезоне и сказал, что летит как раз в те края, куда нужно полковнику, и подбросит его. Полковник удивился, откуда летчик знает, куда ему нужно, и вдруг увидел, что это тот самый летчик, который вез его домой.

– Что с вами? – спросил полковник.

– Да я маленько разбился, – ответил летчик. – Как раз на обратной дороге. Но ничего. Я вас подброшу, я знаю, куда вам надо, мне это по пути.

Они летели ночью, полковник сидел на железной лавке, идущей вдоль самолета, и удивлялся, как это самолет вообще летит. Внутри самолет был сильно покорежен, везде висели клочья, под ногами катался какой-то обгорелый чурбан, сильно пахло горелым мясом. Они прилетели очень быстро, полковник еще переспросил, туда ли они прилетели, а летчик сказал, что точно туда. «Что это у вас самолет в каком виде?» – сделал замечание полковник, а летчик ответил, что всегда убирал штурман, а он только что сгорел. И он стал вытаскивать из самолета обгорелый чурбан со словами «вот мой штурман».

Самолет стоял на поляне, а вокруг бродили раненые. Со всех сторон был лес, вдали горел костер, среди разбитых машин и пушек лежали и сидели люди, кто стоял, а кто ходил среди других.

– Ты куда меня привез, сволочь? – закричал полковник. – Разве это мой аэродром?

– Это теперь ваша часть, – ответил летчик. – Откуда я вас взял, туда и доставил.

Полковник понял, что его полк находится в окружении, разбит наголову, и проклял все на свете, в том числе и своего летчика, который все возился с чурбаном, которого он называл штурманом и упрашивал встать и пойти.

– Ну что же, начнем эвакуацию, – сказал полковник, – сначала штабные бумаги, полковое знамя и особо тяжелораненых.

– Самолет больше никуда не полетит, – заметил летчик.

Полковник выхватил пистолет и сказал, что расстреляет на месте летчика за невыполнение приказа. Но летчик насвистывал и все ставил чурбан то одной, то другой стороной на землю со словами «ну давай, пойдем».

Полковник выстрелил, но, как видно, не попал, потому что летчик все продолжал бормотать свое «пошли, пошли», а тем временем раздался гул машин, и на поляну выехала колонна немецких грузовиков с солдатами.

Полковник спрятался в траву за какой-то холмик, машины шли и шли, но никаких ни выстрелов, ни команд, ни остановки моторов не последовало. Через десять минут машины прошли, полковник поднял голову – летчик все так же возился с обгорелым чурбаном, вдали у костра сидели, лежали и прохаживались люди. Полковник встал и пошел к костру. Он никого не узнавал вокруг, это был совсем не его полк, здесь находилась и пехота, и артиллеристы, и Бог знает еще кто, все в порванном обмундировании, с открытыми ранениями рук, ног, живота, только лица у всех были чистые. Люди негромко переговаривались. У самого костра сидела спиной к полковнику женщина в темном гражданском костюме и в платке на голове.

– Кто здесь старший по званию, доложите обстановку, – сказал полковник.

Никто не пошевелился, никто не обратил внимания на то, что полковник начал стрелять, зато когда летчик прикатил к костру горелый чурбан, все помогли взвалить этого «штурмана», как его называл летчик, на костер и тем самым сбили пламя. Стало совсем темно.

Полковник весь дрожал от холода и стал ругаться, что теперь совсем не согреешься, от такого чурбана огонь не разгорится.

И тут женщина, не поворачиваясь, сказала:

– Зачем же ты посмотрел на меня, зачем поднял покрывало, теперь у тебя отсохнет рука.

Это был голос жены.

Полковник потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что находится в госпитале. Ему рассказали, что нашли его на кладбище, у могилы жены, и что рука, на которой он лежал, сильно повреждена и теперь, возможно, отсохнет.

МАТЕРИНСКИЙ ПРИВЕТ

Один молодой человек Олег остался без отца и матери, когда умерла мать. У него осталась только сестра, а отец хотя и был жив, но, как потом выяснилось, был Олегу не отцом. Отцом же был какой-то человек, с которым мать встречалась, уже будучи замужем. Об этом Олегу стало известно, когда он начал перебирать бумаги умершей матери, надеясь узнать о ней побольше. Тут и был им найден документ, а именно письмо, в котором неизвестный человек писал, что у него семья и он не вправе бросать двоих детей ради одного будущего неизвестно чьего ребенка. В письме была дата. Стало быть, мать хотела незадолго до родов бросить своего мужа и выйти за другого человека, и значит, действительно все обстояло так, как намекнула однажды старшая сестра Олега в беседе с ним, намекнула мстительно и зло. Молодой человек, обнаружив это письмо, стал автоматически перебирать бумаги и нашел черный пакет с фотографиями, на которых его мать была изображена на разных стадиях раздевания, в том числе и голой. Все это

было снято как театр, мать даже в голом виде держала над собой длинный шарф, и все это было большим ударом для молодого человека. Он слышал от родственников, что мать в молодости славилась своей красотой, но на фотографиях это была уже женщина лет тридцати пяти, стройная, но не особенно красивая, просто хорошо сохранившаяся.

После этого удара молодой человек – а ему было шестнадцать лет – бросил школу, бросил все и два года вплоть до армии ничего не делал, никого не слушал, ел что было в доме в холодильнике, уходил, когда отец и сестра возвращались домой, приходил, когда они спали. Он дошел до полного истощения, и отец своей властью добился, что его должна была осматривать врачебно-трудовая экспертная комиссия, чтобы дать ему пенсию по шизофрении, но в последний момент, перед самой комиссией, отец скончался ночью у себя в постели, и все расстроилось. Сестра быстро разменяла квартиру, оставив Олега одного в его комнате, и он вскоре пошел в армию.

Там у него случилось событие: его вместе с другими солдатами поставили на горной тропе, на перевале, через который должен был идти из колонии сбежавший заключенный. Этот заключенный гулял на свободе уже около месяца, успел убить на своем пути пятерых, среди которых была и девушка, и приближался к единственному горному перевалу, через который шел путь на Большую землю, то есть в европейскую часть. По всем сведениям, зэк должен был показаться не скоро, но засаду засадили на тропе заранее, за три дня, мало ли каким транспортом мог воспользоваться беглец. Засада состояла из Олега, сержанта и еще троих солдат, они сидели за большим камнем, положив на него автоматы. Они поочередно сменялись, и как раз в дежурство Олега на тропе показался мужик, фотографию которого им заранее показали. И Олег не выдержал и расстрелял его, а потом оказалось, что это был другой человек, вольнопоселенец, уже отсидевший срок и пробиравшийся, тоже, правда, нелегаль-

но, домой в Россию. Настоящий же преступник был схвачен на соседнем перевале. С Олегом поступили хорошо, его признали временно невменяемым, положили в больницу, а потом вообще уволили из армии как не годного к прохождению военной службы, и он еще дешево отделался, потому что жена вольнопоселенца, говорят, все разыскивала того ненормального солдата, который убил ее мужа, только-только нарушившего на несколько шагов границу своего поселения – по перевалу проходила административная граница области.

Олег возвратился домой. Он был уже почти совершенно лысый, зубы у него выпадали один за другим, есть было нечего, делать было нечего, кроме как идти работать безо всякого образования. Однако старшая сестра вдруг появилась в его жизни, взяла все дела в свои руки, устроила Олега в техникум, убрала в комнате, привозила продукты и деньги, хотя была ему не полностью родная сестра и никогда раньше его не любила. Однажды вечером, когда она собралась уходить, она как бы между прочим сказала:

– Ты мне не верь, что я тебе тогда наговорила насчет матери, это ее наш отец подозревал, он был тяжелым человеком и мог свести с ума кого угодно.

И она ушла.

После ухода сестры Олег открыл чемодан, стал рыться в бумагах, в которых лежало письмо, но нашел только конверт, в котором оказалась фотография материнских похорон. В том самом черном пакете, где Олег ожидал увидеть фотографии раздевающейся матери, лежала только черная бумажка, очень старая и ветхая, и когда Олег стал ее вытаскивать, она тут же рассыпалась в прах.

Олег стал просматривать бумаги и везде читал письма матери к отцу, в которых говорилось о любви, о верности, об Олеге и как он похож на отца. Олег проплакал весь вечер, слезы лились у него из глаз непроизвольно, а на следующее утро он стал ждать сестру, чтобы рассказать ей, как он сошел с ума в шестнадцать лет и видел то, чего не было, и из-за этого даже убил человека, совершенно не

похожего на ту фотографию, по которой его надо было опознать.

Но он так и не дождался сестру, она, видимо, забыла о нем, да и он вскоре забыл о ней, занятый своей жизнью. Он окончил техникум, потом институт, женился, обзавелся детьми.

Причем он был черноглазым и жена его была черноглазая брюнетка, а оба сына получились белокурые и с голубыми глазками – точь-в-точь умершая мать, их бабушка.

Однажды жена вдруг предложила съездить на могилу к его матери. Они нашли могилу с трудом, на старом кладбище надгробия стояли в страшной тесноте, и на материнской могиле вдруг оказалось второе надгробие, поменьше.

– Наверное, отец, – сказал Олег, который отца не хоронил.

– Нет, прочти, это твоя родная сестра, – ответила жена.

Олег ужаснулся, что так мог забыть о своей сестре, он нагнулся к плите и прочел надпись. Это действительно была сестра.

– Только дата смерти что-то перепутана, – сказал он, – сестра приезжала ко мне гораздо позже этой даты смерти, когда я пришел из армии. Я ведь тебе рассказывал, она меня поставила на ноги, она буквально вернула мне жизнь. Я был молодой и по пустякам сходил с ума.

– Так не бывает, они не путают дат, – ответила жена. – Это ты перепутал. Ты в каком году пришел из армии?

И они заспорили, стоя у края могилы, заброшенной и заросшей, и сорная трава, сильно поднявшаяся за лето, касалась их колен, пока они не начали ее полоть.

НОВЫЙ РАЙОН

Дело было в Москве, в новом районе. У одного инженера, сотрудника министерства, были очень плохие отношения с женой. У них имелась двухкомнатная квартира со всей обстановкой, ковры, сервизы, цветной телевизор, и все это при разводе жена требовала себе. Муж был не из Москвы, а откуда-то из-под Тулы, пришел к жене в дом буквально, что называется, с голым задом, со студенческой скамьи. Они вместе учились, сошлись, у них должен был родиться ребенок, и его заставили жениться, вплоть до исключения из института. У него же была девушка курсом старше, они собирались пожениться и уехать подальше, но дело сложилось так, что этой девушке в случае его отказа жениться на беременной однокурснице не давали на руки диплома, поскольку отец беременной побывал во всех инстанциях. Стало быть, его заставили жениться, причем не просто так, а как следует, не просто пришли расписались посидели у родителей и разошлись, а как следует. То есть он был вынужден ради диплома своей любимой девушки (и она

этому не противилась, хотя лила горькие слезы и хотела выскочить в окно, когда он прощался перед уходом из общежития в загс и за ним приехал отец беременной однокурсницы на машине, на собственной «Волге»), – он, стало быть, был вынужден пойти жить в тот ненавистный дом и как бы состоять под надзором все время, пока учился в институте, то есть два года. А за это время его любимая девушка уехала, ее распределили куда-то на Кавказ, где она вышла замуж за дагестанца, крупного работника, и родила девочку, а у девочки оказались какие-то приступы чуть ли не эпилепсии, она регулярно синела и задыхалась, так что врачи не рекомендовали матери бросать кормить грудью, и она кормила ребенка чуть ли не до шестилетнего возраста – покормит девочку кашей, а та показывает: а теперь вот это. Все обстоятельства Василий узнал, когда однажды, уже после окончания института, встретил в пивбаре товарища, он работал как раз в химпромышленности и ездил на родственное предприятие в Дагестан, а заодно и повидался там с бывшей своей однокурсницей, все выяснил, что у ее дочки, оказывается, припадки были от скрытого аппендицита, вырезали, наконец, аппендицит и общие мучения кончились. Василий к тому времени уже забыл свою прежнюю любовь, а про детей и вообще слышать не хотел, потому что после его женитьбы жена выкинула шестимесячный плод, лежала в больнице, и ребеночек, после месяца жизни в инкубаторе, подумаешь, что в нем было, двести пятьдесят граммов, пачка творога, – он умер, его даже не отдали похоронить, у него и имени не было, его оставили в институте. Целый месяц были эти мытарства, у жены открылось молоко, она четыре раза в день ездила в институт сдаиваться, а ее молоком не обязательно кормили именно их пачку творога, были и другие, блатные дети, которые выжили, один был даже выживший пяти с половиной месяцев. Жена не могла проконтроливать всего, ее вообще не пускали к инкубатору, даже не дали взглянуть на малыша, даже когда он умер, она стонала после этого дни и ночи. Тесть тоже прилагал

все усилия, чтобы посмотреть, они делали подарки медсестрам, но трупика им не выдали. Не знал тогда тесть, кого надо было подкупать, истопницу-пропитушку, она была бы рада за пол-литра и самой не делать грязное дело, за которое ей даже не доплачивали, – почему она в пьяном виде и скандалила, орала в канцелярии института. В общем, Василий жил в этой семье чужой и одинокий, жена страшно раздражала его слезами, но и себя ему тоже было жалко, ребеночек был бы ему очень кстати, хоть одна была бы родная душа в этом мире. Но он был такого характера, что до поры до времени затаился. Жена его просто из кожи вон лезла, чтобы заиметь опять ребенка, но Василий очень берегся, берег свою сперму как зеницу ока, делал все, чтобы жена не могла забеременеть.

Родители жены тут же после свадьбы стали строить кооператив для дочери и построили его на ее имя. В случае чего Василий не мог бы ни копейки забрать у нее, это был официально заверенный у нотариуса долг жены ее родителям, и как общее нажитое имущество квартира считаться не могла. Везде подстелили соломки родители жены, одного только не учли, что они не вечно будут скручивать пружину, однажды она развернется с тем большей силой.

Наконец жена Василия все-таки забеременела, очень уж она хотела ребеночка, загладить память о пачке творога, а в таких случаях как с неба каплет, хоть оберегайся, хоть нет, подпоит, снотворного подсыплет, с чужим мужиком трахнется, а своего добьется. Да и не всегда муж за себя отвечает. Короче, родилась у них дочка (а тот, первый, был сын), назвали ее Аленушка, Аленушка-солнышко, росла на глазах у отца, чернявенькая, вся в него, потому что мать, Тамара, была как белая моль. Василий любил дочку, даже в ночь убийства, на Новый год, когда он уже почти убил жену, а тут как раз дочка заплакала – он подошел к дочке, убаюкал ее, а потом вернулся к жене в ванную и домолотил ее окончательно, раздробил все кости лица и отрезал пальцы, чтобы не опознали. У него уже был, кстати, приготовлен большой двухметровый пласти-

ковый мешок, в каких хранят шубы, но как он справился с кровью, никому не ведомо. То ли он вымыл Тамару под холодным душем, но как-то он управился, крови не было нигде, он завернул ее сначала в клеенку, так он рассказывал потом, уложил в мешок, мешок сбросил с балкона в снег (была вьюжная ночь) и так, чтобы пронесло мимо окон, а дом их выходил на стройку, где из-за праздника в ту ночь никто не работал. Василий положил в пальто пальцы Тамары, как-то так он умудрился их отделить без стука, видимо, просто отрезал. Еще он взял с собой саночки дочери, аккуратно спустился, уложил труп на саночки и отвез на стройку, где и положил куда-то под плиту, а пальцы положил в трубу, а сам стал ждать весны, откроется дело или нет.

Он заявил в милицию о пропаже жены, ему, конечно, не поверили, тесть с тещей подробно рассказали, как он вел себя вообще, а на работе рассказали, что он жил с одной страшно подлой бабой, которая держала его на крючке и требовала от него денег, но замуж за него, разведенного, идти не хотела, поскольку он к своим тридцати двум годам снова бы оказался с голым задом, уйдя от жены. Даже машина, которую ему устроил тесть, была по договоренности записана опять-таки на долги жены перед родителями, они опутали его со всех сторон, ему в этом мире ничего не принадлежало.

Но теперь-то, после смерти жены, он по крайней мере четыре месяца, до апреля, мог жить спокойно, до таяния снегов, да могло и так оказаться, что труп давно уже был забетонирован на стройке. Он как-то вскоре после убийства наведался на стройплощадку, но своей захоронки найти не мог, все было завалено грудами материалов, все следы занесены снегом.

Родители жены забрали к себе дочку, а с ним самим регулярно беседовала женщина-следователь. Он все время повторял, что жили плохо, поссорились с женой на Новый год, она оделась и ушла к родителям, а дочку будить он ей не дал.

Наконец оттаял снег, но ничего не произошло, так как труп жены действительно не обнаружился. Но как-то однажды, в начале мая, Василий собственной персоной пришел с повинной к следовательнице и показал, что убил жену сам. Следовательница потребовала, чтобы он доказал свою виновность, тогда он повел ее и всю команду к строительной площадке, где уже возвышался почти построенный дом. Трупа не обнаружили, доказательств не оказалось, в ту людную новогоднюю ночь вообще никто не видел ни трупа, ни санок, ничего, и Василия отпустили. Правда, стали поговаривать, что все же совесть не дала ему спокойно спать, потому что он не выдержал и признался, да и ту подлую бабу из своего министерства совсем забросил, то есть, короче говоря, переменился.

Но он-то, Василий, позвонил тестю с тещей и сказал, что из крана торчит палец с маникюром. Тесть возразил ему, что если он так говорит, что он положил пальцы отдельно в трубу и это оказалась водопроводная труба, то за тот месяц, пока течет вода в новом доме, палец должен был просто разложиться, распухнуть, а тем более он не мог пройти через водозаборный насос, и вообще что общего имеет соседняя водопроводная система с уже давно построенным домом? Так он говорил ему и успокаивал, а Василий совсем ополоумел. Конечно, приехав, родители жены ничего не нашли. Василий сказал, что боялся заходить в ванную, что, наверное, палец ушел в слив.

И в доказательство он предъявил им чешуйку красного лака, найденную им на полу, но эта чешуйка опять-таки никого не устроила, мало ли, была тут какая-то баба с маникюром, так что Василий все еще живет, как отщепенец, и все видит в разных местах разбросанные волосы, и все их собирает для вещественных доказательств.

ЖЕНА

Один человек похоронил жену и остался один с дочкой и старухой матерью. Жена его долго болела, он сам сидел с ней в больнице, сам таскал горшки, кормил и умывал ее. Когда она умерла, он долго не находил себе места, но потом стал забегать на соседнюю улицу в гости к одной женщине, которая как раз собиралась покупать себе машину. Однажды вечером он пошел к ней по какому-то делу – взять или отдать книжку – и увидел прямо посреди улицы сидящую кошку. Мела метель, кошку заносило снегом. Этот человек пробежал мимо, пришел к той женщине, посидел у нее, выпил чаю и отправился домой. На обратном пути он увидел уже вместо кошки холмик снега. Тогда он разгреб снег и взял кошку на руки. Он хотел сунуть ее под пальто, но кошка настолько была в снегу, что все бы у него промокло. И неизвестно еще, больная это была кошка или здоровая, мало ли что можно было подхватить.

Старуха мать его не любила животных, но возражать не стала, они вместе выкупали кошку в помойном ведре и завернули в чистый половик. Кошка была настолько благодарна своему новому хозяину,

что ни разу не мяукнула, ни разу не оцарапала его, хотя кошки не выносят купания. Даже когда он только принес кошку домой, она по дороге, еще на улице, уже прижималась к нему и мурлыкала.

Но наутро выяснилось, что кошка больная. Она ночью встала и нагадила под шкафом и под детской кроваткой, налила и навоняла. Мать-старуха потыкала кошку во все лужи и хорошенько шлепнула ее по спине, все-таки кошка была взрослая и должна была понять, что нельзя гадить. Ей специально был поставлен в уборной подносик с газетой, но кошка продолжала гадить везде по семь-восемь раз в день. Кошка все время лежала на старом девочкином пальтишке в прихожей, почти не шевелясь, только вставала гадить. Старуха мать не спала, не ела, все ловила кошку, когда та собиралась идти гадить, и носила ее в уборную на подносик, приучала. Но кошка как будто только родилась, она ничего не понимала, а в уборной пряталась под трубу, на подносик даже не ступала. В конце концов кошка перестала выходить из-под трубы в уборной и стала там жить, а гадила на пол у двери, но никогда на подносик.

Девочка очень полюбила кошку и тоже все время торчала в уборной, гладила кошку, целовала, кормила ее. А старуха мать и ее взрослый сын прямо не знали, что делать с кошкой. На дикую она была не похожа, слишком была слабая и ласковая, дикие коты очень свирепые, а домашняя кошка давно бы поняла, куда надо гадить.

Так они жили, мучились, пока однажды старуха, потерявшая сон и покой, не решила отнести кошку в лечебницу, узнать, что с ней. Старуха посадила кошку в глубокую сумку и понесла. Кошка страшно испугалась и старалась выпрыгнуть, а у старухи глаза были на мокром месте, потому что она думала, что кошку там, в лечебнице, отберут как заразнобольную и усыпят. Но врач посмотрел кошку и сказал, что она не старая, скорее молодая, два с половиной года, и что у кошки больной желудок, гастрит, ей надо давать таблетки и все только вареное и молочное, и все пройдет.

Так они и сделали. Кошка не хотела глотать таблетки, горлышко у нее было очень узкое, она царапалась и очень стала бояться старуху и хозяина, буквально пригибалась к

полу, когда они проходили мимо. А девочку она не боялась, бывало, найдет на полу ее брошенную тапочку, потрется и давай мурлыкать. Девочка говорила, что это ее кошечка и чтобы кошку отдали ей, она все будет делать, убирать и подтирать, но ей не разрешили, какой спрос с ребенка.

Тем временем старуха совсем перестала спать но ночам – все караулила, когда кошка пойдет гадить, настолько уже устала подтирать и мыть. И однажды ночью старуха решила выпустить кошку на ночь в подъезд на лестницу – кошек ведь выпускают на ночь.

Кошка очень не хотела идти на лестницу, но хозяйка ее выставила. С тех пор кошка каждую ночь ночевала на лестнице, видимо, там нашла себе в мусорном ведре какое-то нужное вещество, мало ли, может, просто картофельные очистки, и поправилась – а таблетки ей так и не помогли.

Старуха очень обрадовалась, что нашла такой выход из положения, и утром всегда искала кошку на лестнице, звала ее в дом, или хозяин ходил за кошкой – она всегда почему-то сидела на третьем этаже, там, видимо, нашлись добрые люди, там уже стояла кошачья мисочка и бумажка с едой. Теперь кошка не лила зловонные лужи, а ходила очень аккуратно, кучкой, и когда старуха находила на лестнице кучку, то всегда убирала за кошкой.

Так это и установилось. Кошка на ночь сама просилась выйти, и все было бы хорошо. Но однажды хозяин возвращался как-то поздно вечером и прошел мимо Мурки, которая уже сидела на своем новом месте возле добрых людей с третьего этажа, у мисочки. Мурка увидела хозяина и побежала домой за ним в первый и последний раз в жизни. Хозяин услышал, как она мяучит на бегу. Но он ускорил шаги, буквально побежал вверх по лестнице, и Мурка отстала.

Рано утром хозяин пошел искать Мурку, обегал всю лестницу, весь двор, соседние дворы, но Мурки он не нашел больше никогда. То ли ее бросили в мусоропровод, как это делают злые люди, то ли просто выгнали из подъезда и Мурка замерзла где-нибудь во дворе, но следов ее он не нашел. Целый месяц после пропажи Мурки девочка плакала, плакала и старуха мать, да и сам хозяин все не мог найти себе места, потому что знал теперь уже точно, что это приходила его жена.

В МАЛЕНЬКОМ ДОМЕ

Дело было на новый, 1947 год. В маленьком двухэтажном доме за Елоховской церковью жила девушка двадцати пяти лет по имени Вера. Она ничем особенным не отличалась, разве что все время рассказывала соседям по квартире, которые все сменились за время войны, что ее жених Витя погиб. Но со слов других жильцов дома ее новые соседи знали, что это был не жених, а просто тоже сосед по квартире. Витя был ей не жених, он вселился в свою комнату незадолго до войны, потом сразу ушел на фронт и погиб очень быстро, в 1941 году под Москвой. И только после того как Витя погиб, за Верой стали замечать, что она плачет по Вите, говорит о нем как о своем женихе и пытается взять из его комнаты, где теперь поселилась истопница Стеша, то одну, то другую вещь на подержание, то репродуктор, то патефон. Но Стеша не давала, возражала, что вещи не ее и что, может, хозяин вернется. Теперь Витин патефон заводили по воскресеньям Стешины мужики, приезжавшие на колхозный рынок из деревни, а репродуктор не выключался никогда и молчал только от

ночного гимна до утренних сигналов точного времени, то есть от двенадцати часов до утра. Но и ночью, жаловалась Вера, репродуктор работает, или у Стеши завелся мужик, который ночью бормочет и не дает спать. «Скоро чертей гонять будешь», – отвечала ей на это Стеша, которая была страшной матерщинницей.

Как раз на Новый год Стеша собиралась на дежурство и все ходила мимо распахнутой двери Веры, а Вера в это время, на самый Новый год, без музыки, без ничего, под Гимн Советского Союза, доносившийся из Стешиного репродуктора, танцевала со стулом, нежно прижимая его к себе.

– О, чертей увидишь, – заметила на это Стеша и ушла.

Утром, когда в первом часу дня Стеша возвращалась с дежурства, она увидела у своего дома огромную толпу и конную милицию. С трудом Стеша пробилась по лестнице к себе на второй этаж, вошла в свою квартиру и увидела, что дверь в Верину комнату распахнута. Вера со стулом стоит посреди комнаты, а вокруг хлопочет милиция и мужик с пилой. Оказывается, еще ночью соседи заметили, что Вера со стулом превратилась в окаменелый столб, она продержала стул на вытянутых руках всю ночь при свете лампочки, и стул, как ни пытались, не могли у нее взять, и сдвинуть с места ее не смогли. Стеша упала на колени, стала плакать и креститься, ее прогнали, и мужик начал врубаться топором в пол. Но тут же стук затих, и мужик выскочил из комнаты с топором, с которого капала кровь. «Из пола идет кровь», – сказал мужик Стеше, и тут же вся толпа в коридоре, на лестнице и во дворе зашумела и завыла, многие плакали и кричали: «Не трожь ее!»

Короче говоря, милиция вышла из комнаты, захлопнула дверь и закрыла ее на ключ. Стали ждать неизвестно чего, на первый случай «скорую помощь». Толпа увеличивалась. Конная милиция оцепила дом. Когда приехала «скорая помощь» и молодая врачиха с двумя санитарами, несшими свернутые носилки, подошли к дверям Вериной комнаты, милиция не смогла открыть дверь. Стоило вставить ключ в замочную скважину, как из скважины начина-

ла литься горячая кровь. Врачиха с чемоданчиком в руке постояла перед закрытой дверью, но ни на что так и не решилась и уехала. Была вызвана пожарная команда, которая через окно проникла в комнату, но дверь, запертую снаружи, открыть не удалось, и Веру взять тоже не удалось. К ночи толпа увеличилась, все окна светились, пожарники стояли под лестницей, а Стеша сидела в своей комнате. Пробило двенадцать часов, спели гимн, репродуктор замолчал. Стеша стала разбирать постель и вдруг услышала явственные стоны. Она выбежала в коридор, но там стоял постовой под дверью и ничего не было слышно. Она вернулась в комнату – стоны и бормотание послышались опять. Голос шел из репродуктора. «Стой, не бей ногами в стену», – шептал репродуктор и стонал.

Стеша схватила полушубок, вскочила в валенки и выбежала на улицу. Она увидела, что мальчишки забавляются, пиная ногами дом – им слышались какие-то отзвуки при этом. «Стой, заразы!» – заорала Стеша и побежала к ребятам, но те, испуганные и довольные, помчались от нее вокруг дома, по дороге стуча ладонями по стенам. Кончилось дело тем, что Стеша вернулась к себе, попросила постового вызвать старшину и долго с ним о чем-то говорила. Наутро к дому подъехала «скорая помощь», из парадного вынесли завернутую в простыню Веру и погрузили в машину, а Стеша вскоре тоже вышла, неся завернутую в тряпицу как бы большую тарелку. Она поехала на кладбище и попросила сторожа закопать свою ношу где-нибудь. «Ты что?» – сказал сторож, а Стеша ответила, что это мертвый голос солдата, и дала сторожу триста рублей. Сторож взял деньги. Стешу отправил, а репродуктор вынул из тряпки и хоронить не стал, мало ли свихнувшихся баб, просто бросил в кучу хлама, и снег прикрыл репродуктор.

Вера осталась жива, Стеша отдала ей патефон, а про репродуктор сказала, что он сломался. Он и сломался действительно в тот самый момент, когда пожарники поднесли его к неподвижно стоящей Вере и стул выпал из ее рук.

МЕСТЬ

Одна женщина ненавидела свою соседку, одинокую мать с ребенком. По мере того как ребенок вырастал и начинал все больше ползать, та женщина стала словно бы невзначай оставлять на полу то бидончик с кипятком, то банку с раствором каустической соды, а то роняла коробку с иголками прямо в коридоре. Бедная мать ни о чем не догадывалась, потому что девочка еще очень плохо ходила, а ползать по коридору мать ее не выпускала, так как была зима. Но должно было настать то время, когда ребенок мог выйти из комнаты на простор коридора. Мать делала соседке замечания, что это на самом ходу стоит банка или: «Раечка, вы снова упустили иголки», — на что соседка спохватывалась и жаловалась на свою страшную память. Когда-то они были подружками, еще бы, две одинокие женщины в двухкомнатной квартире, у них было много общего и даже гости бывали общие, в дни рождения они ходили друг к другу с подарками. Кроме того, они все друг другу рассказывали, но тогда, когда Зина стала ходить с уже большим живо-

том, Рая ее возненавидела до потери сознания. Она просто заболела от ненависти, начала являться домой поздно, не могла спать по ночам, ей все время чудился мужской голос за стеной у Зины, ей казалось, что она слышит слова и стуки, в то время как Зина жила совершенно одна. Зина же, наоборот, еще больше привязалась к Рае и даже ей однажды сказала, что это большое счастье, что у нее такая соседка, как старшая сестра, которая никогда не бросит в тяжелую минуту. Рая действительно помогала Зине шить детское приданое и отвезла ее, когда пришло время, в родильный дом, только приехать за ней и новорожденным ребенком не смогла, так что Зина лишний день просидела в роддоме без приданого и наконец унесла оттуда ребенка в казенном драном одеяльце с обещанием вернуть. Рая отговорилась болезнью и так и отговаривалась все время болезнью и ни в магазин ни разу не сходила для Зины, ни купать ей не помогала, а только сидела с какими-то примочками на плечах. И на ребенка она даже и не смотрела, хотя Зина все время проносила его на руках то в ванную, то в кухню, то гулять, да и дверь в ее комнату была всегда открыта – заходи и смотри.

Зина заблаговременно перешла на надомную работу, освоила вязальную машину, поскольку родни у нее не было, а про хорошую соседку это было только красное словцо, на самом деле она не могла ни на кого положиться, сама взялась, самой и нужно было нести груз. Когда дочка была маленькая, Зина отвозила работу и ездила за получкой одна, оставляя ребенка спящим, а когда девочка стала спать мало и выросла, начались хлопоты. Зине приходилось брать ее с собой. А Рая упрямо возилась со своими плечевыми суставами, даже сидела из-за них на больничном, но просить ее посидеть с ребенком Зина не решалась. А Рая начала подготовку к убийству ребенка, и все чаще Зина, ведя топающую девочку за обе руки по коридору, видела в кухне на полу стакан как бы с водой, или видела на табуретке горячий чайник с висящей набок ручкой, но подозрений у Зины никаких не было. По

крайней мере она все так же весело щебетала со своей девочкой, говоря ей: «Скажи мама». Но, уходя в магазин или на работу, Зина стала запирать ребенка, и это не прошло даром. Рая страшно разозлилась. Зина как-то ушла, девочка за дверью проснулась, видимо, выпала из кроватки и приползла плакать под дверь. Рая знала, что девочка ходит плохо, что она выпала из кроватки и, наверное, сильно расшиблась, поскольку страшно кричит, и что она лежит при этом под самой дверью. Рая не могла больше слышать эти крики, надела резиновые перчатки, взяла из ванной хранившуюся там пачку каустической соды, развела ее в ведре и стала мыть полы в коридоре, причем плеснула раствор под дверь, где лежала девочка. Крик перешел в вопль. Рая вытерла полы в коридоре, все вымыла – ведро, щетку и перчатки, – оделась и ушла в поликлинику.

После врача она сходила в кино, походила по магазинам и вернулась домой вечером. В комнате Зины было темно и тихо. Рая посмотрела телевизор и легла спать, но не могла уснуть. Зины не было всю ночь и весь последующий день. Рая взяла топор, вскрыла дверь и увидела, что в комнате пыльно, что на полу у кроватки застывшее пятно крови и широкий след к дверям. От потека каустической соды не осталось никакого следа. Рая вымыла соседке пол, прибралась у нее и стала жить в лихорадочном ожидании. Наконец через неделю пришла Зина, сказала, что девочку схоронила, что устроилась на работу по суткам, и больше ничего она говорить не стала. Ввалившиеся глаза и желтая, обвисшая кожа говорили сами за себя. Рая не стала утешать Зину, жизнь в квартире теперь замерла, Рая одиноко смотрела телевизор, а Зина то работала сутками, то отсыпалась. Она словно сошла с ума, везде развесила фотографии дочери. Боли у Раи усилились, она не могла поднимать руки и ходить, не помогали даже уколы в суставы. Врачи определили отложение солей. Дело дошло до того, что Рая не в состоянии была сварить себе обед и даже поставить чайник на огонь. Когда Зина

бывала дома, она кормила Раю с рук, но Зина все реже приходила домой, отговариваясь тем, что ей тяжело. От боли в плечах Рая перестала спать. Узнав, что Зина работает санитаркой где-то чуть ли не в больнице, Рая попросила у нее достать сильное болеутоляющее типа морфия. Зина сказала, что не может: «Я на такие дела не хожу».

– Тогда надо принять побольше этих. Отсчитай мне тридцать штук.

– Нет, не буду, – сказала Зина, – от моих рук ты не умрешь.

– Но мои руки не поднимаются, – возразила Рая.

– Так дешево ты не отделаешься, – сказала Зина.

Тогда больная нечеловеческим усилием дотянулась до флакончика ртом, зубами вынула пробку и высыпала все таблетки в рот. Зина сидела у постели. Рая умирала очень долго. Когда наступило утро, Зина сказала:

– А теперь слушай. Я тебя обманула. Леночка моя жива, хорошо бегает. Она живет в Доме ребенка, а я там санитаркой. А под дверь ты плеснула не каустиком, а обыкновенной питьевой содой, я подменила каустик. А кровь на полу – это Леночка ушибла нос, когда выпала из кроватки. Так что ты не виновата, ты ни в чем не виновата, никто бы этого не доказал. Но и я не виновата. Мы в расчете.

И тут она увидела, что на мертвом лице медленно проступает улыбка счастья.

ЧЕРНЫЙ ПУДЕЛЬ

Один человек жил со своей женой в маленькой квартире, и у них был черный пудель, за которым они оба ухаживали по всем правилам, стригли его, купали, и кто первым приходил с работы, тот сразу шел выгуливать собаку.

Однако этот муж стал замечать, что жена все норовит пораньше прийти с работы и на подольше пойти гулять с собакой. Прогулки эти принимали затяжной характер, и муж начал беспокоиться, не произошло ли чего с женой, не гуляет ли она с кем-нибудь еще, а не только с собакой.

Однажды он решил положить этому конец и сам пришел с работы пораньше, взял собаку и отправился ее выгуливать. Они шли по маршруту, хорошо знакомому собаке, вдоль дома, во двор, к скверу, по скверу и затем к телефонам-автоматам, которые стояли в ряд на другом конце сквера.

Черный пудель подошел к одному из телефонов-автоматов и замер у двери, оглядываясь на хозяина и как бы приглашая его позвонить.

«Значит, она с кем-то разговаривает по автомату, – решил хозяин, – мало ей телефона в доме, еще бы, ведь я вечерами сижу рядом, и при мне не поговоришь. А с кем бы ей хотелось так говорить в мое отсутствие? Не с подругами же».

И на следующий вечер он пораньше пришел с работы, стал приводить все на кухне в порядок и наконец наточил ножи, о чем жена его просила давно. Затем, прихватив один из остро заточенных ножиков, он в преддверии прихода жены отправился вон и пошел на скверик, где принялся разгуливать по дальней аллейке, причем поглядывал на телефоны-автоматы.

И вдруг он увидел, что у двери автомата, привязанный к дверной ручке, уже сидит черный пудель, а в автомате стоит и разговаривает по телефону как ни в чем не бывало его собственная жена, причем спиной к скверу.

«Почему здесь? – раздумывал муж, приближаясь к автомату, – ведь меня нет дома, почему же она не говорит там по телефону? Потому что ждет меня с минуты на минуту, привыкла, что я все время сижу при ней дома. А с тем ей надо поговорить подольше, и чтобы никто не мешал».

Так он размышлял, приближаясь к автомату, а затем зашел в соседнюю кабинку и, для вида набравши номер, стал слушать, что говорила его жена. Она говорила как раз о своей любви, о том, что тоскует, о том, что ждет не дождется и тому подобное.

Все это как громом прозвучало в ушах у бедного человека, в один момент была разрушена вся его жизнь, и разрушена той, которая не вызывала никаких подозрений никогда и ни у кого, и единственно в чем отклонилась от нормы – это в своих продолжительных, безудержных прогулках с собакой, что и было показателем какой-то трещины в их жизни и тем следом, который навел мужа на открытие.

Муж послушал-послушал, кровь в нем кипела, а потом

он вошел в автомат, где жена стояла спиной к нему, выхватил нож, рывком отогнул голову жены назад, причем ладонью зажал ей рот, и полоснул ножом по ее открытому горлу.

Затем он выпустил женщину из рук, вытер нож о ее спину, отрезал тем же ножом поводок от ручки двери и повел пуделя домой.

И каково же было его удивление, когда, войдя в квартиру, он увидел там свою жену и черного пуделя! Обе собаки принялись страшно лаять, и супруги заперли чужого пуделя в ванной.

Муж спросил, почему жена не погуляла с собакой, на что жена ответила, что погуляла, недавно только вернулись. Муж рассказал ей, что увидел на улице черного пуделя с оборванным поводком, принял его за собственного и поймал.

Муж вымыл на кухне нож, потом пошел выносить мусорное ведро и выкинул нож в мусоропровод.

На следующий день жена пошла гулять с обоими пуделями и опять долго отсутствовала, а когда пришла, то сказала:

– Я что-то плохо себя чувствую, по-моему, у меня начинает болеть горло. Посмотри, не красное ли.

И она, повернувшись к нему, широко открыла рот, и тут, на глазах у мужа, изо рта у нее выпал отрезанный язык.

– Ой, что же теперь будет, – сказала жена и засмеялась.

Когда через неделю соседи с милицией вскрыли квартиру, потому что там беспрерывно выла собака, они обнаружили сидящего на полу совершенно седого человека. Жены его не было дома.

В запертой ванной, кстати, обнаружили уже мертвого пуделя.

Бедного сумасшедшего препроводили в психиатрическую лечебницу.

Он ведет себя там очень хорошо, смирно, у него только одна странность – он кричит, когда кто-то широко открывает при нем рот.

Жена его не навещает никогда, она вроде бы куда-то исчезла.

СКАЗКИ

МАТУШКА КАПУСТА

У одной женщины была девочка, очень маленькая, звали ее Капля, Капочка. Девочка была очень маленькая и никак не росла. Мать ходила с ней по врачам, но покажет им девочку, а они не берутся лечить: нет – и все! Даже ничего не спрашивали.

Тогда мама решила для начала Капельку не показывать, уселась у одного врача в кабинете и спрашивает:

– Как быть, если ребенок плохо растет?

А врач отвечает, как полагается врачу:

– А что с ребенком? Какова история болезни? Как этот ребенок родился? Как ел?

И так далее.

– Ребенок этот не родился, – отвечала несчастная мать, – я нашла его в капусте, в ранней капусте. Я сняла верхний лист, а там лежит девочка капусточка, капочка, капля. Я ее взяла и воспитываю, а она совсем не растет, уже два года.

– Покажите ребенка, – говорит врач.

Мама Капочки достала из нагрудного кармана коробочку, из коробочки половинку фасолинки (выдолбленную),

а в этой половинке уже сидела, терла глаза кулачками малюсенькая девочка.

Мама также достала из сумки лупу, и в эту лупу доктор стал разглядывать Капочку.

– Чудесная девочка... – бормотал доктор. – Хорошо упитана, молодец, мамаша... Встань, девочка. Так. Молодец.

Капочка вылезла из половинки фасолины и прошлась взад-вперед.

– Ну что же, – сказал доктор. – Я вам скажу: девочка чудесная, но ей не здесь надо жить. Не знаю где. Здесь ей никто не компания. Не то место.

Мать отвечала:

– Да она и сама рассказывает, что видит сны, как будто бы она жила на далекой звезде. Она говорит, там все были с крылышками, летали по лугам, она тоже, она пила росу и ела пыльцу, и у них был кто-то, какой-то старшой, который готовил их, что некоторым придется уйти, и они все со страхом ждали, когда начнут таять крылышки, – тогда старшой вел их на высокую гору пешком, там открывался вход в пещеру и ступени вниз, и все провожали того, у кого растаяли крылья, и он уходил вниз и становился все меньше и меньше, пока не превращался чуть ли не в каплю...

Девочка на столе кивнула.

– И моя красавица тоже однажды должна была уйти вниз, она плакала, спустилась по лестнице, и тут ее сон кончился, она проснулась у меня на кухонном столе в капустном листке...

– Так, – сказал доктор. – А у вас, что было в жизни у вас? Какова ваша история болезни?

– У меня, – сказала женщина, – что у меня! Я люблю ее больше своей жизни, страшно думать, что она снова уйдет туда... А история такая, что меня покинул муж, а должен был быть ребенок, но я не родила его... Мне было тяжело... Я пошла к врачу, меня направили в больницу, и там моего ребеночка убили у меня в животе. Теперь я молюсь о нем... Может быть, он там, в стране снов?

– Хорошо, – сказал врач, – я все понял. Вот вам записка, отнесете ее к одному человеку... Он монах, живет в лесу, он очень странный человек, и не всегда его можно найти. Вдруг он поможет, кто знает.

Женщина опять уложила свою Капельку в колыбельку из фасоли, потом в коробочку, потом в кармашек, забрала лупу и ушла – прямо сразу к отшельнику в лес.

Она нашла его сидящим на камне у шоссе. Она показала ему записочку и потом на нагрудный карман – без слов.

– Надо отдать ее обратно, где взяли, – сказал монах. – И не смотреть больше.

– Обратно куда? В магазин?

– Дура! Где ее взяли-то?

– В капустном поле. Я и не знаю, где оно.

– Дура! – сказал монах. – Умела грешить, умей и спасаться.

– Где оно?

– Все, – сказал монах. – И не смотреть.

Женщина заплакала, поклонилась, перекрестилась, поцеловала у монаха край его грязной, вонючей и рваной телогрейки и пошла. Когда она через минуту обернулась, она не увидела ни монаха, ни камня, на котором он сидел, – только клочок тумана.

Женщина испугалась и побежала. Наступал вечер, а она все бежала через поля, и вдруг она увидела капустное поле – совсем еще маленькие капустные бутончики сидели рядами на земле...

Моросил дождь, надвигалась тьма, и женщина стояла, держась за нагрудный кармашек, и думала, что не сможет оставить свою девочку здесь одну, в холоде и тумане. Девочка ведь испугается и будет плакать!

Женщина тогда вырыла руками огромный ком земли вместе с капустным ростком, завернула его в свою нижнюю рубашку и потащила эту тяжесть в город, к себе домой.

Еле дойдя до дому, шатаясь от усталости, она уместила принесенный ком земли в самую большую кастрюлю и по-

ставила эту кастрюлю с капустной рассадой на окно. Чтобы не видеть росток, она задернула занавеску; но потом подумала, что поливать-то рассаду необходимо! А чтобы поливать, придется видеть капусту!

И женщина перенесла капусту на балкон, в нормальные полевые условия: дождь – так дождь, ветер – так ветер, птицы – так птицы... Если бы ребеночек жил и рос внутри ее тела, как все дети, он был бы защищен от холода и всего остального – но нет, маленькой Капочке невозможно было спрятаться в ее теле, ей оставался для защиты только капустный листок.

Раздвинув молоденькие, крепкие лепестки капустного цветка, мать положила туда свою девочку – Капелька даже не проснулась, она вообще очень любила спать и была на редкость послушным, веселым и неприхотливым ребенком. Капустные листки были твердые, голые и холодные, они тут же сомкнулись над Капочкой...

Мать тихо отступила с балкона, закрыла туда дверь и стала одиноко жить, как и раньше: уходила на работу, приходила с работы, варила себе еду – и ни разу не посмотрела в окно, что там с капустой.

Проходило лето, женщина плакала и молилась. Чтобы хотя бы слышать, как там на балконе, она спала под самой дверью на полу. Если не было дождя, она боялась, что капуста завянет, если шел дождь, она боялась, что капуста сопреет, но мать все время даже запрещала себе думать, что и как там Капочка ест и как она плачет, сидя в зеленой западне, без единого маминого слова, без тепла...

Иногда, особенно по ночам, когда шел проливной дождь и гремела молния, женщина просто рвалась пойти на балкон и срезать капустный кочан, схватить свою Капочку, напоить ее капелькой горячего молока и уложить в теплую постель... Но вместо этого мамаша, как сумасшедшая, бежала под дождь и стояла там, чтобы показать Капочке, что ничего страшного в дожде и молнии нет. И она все думала, что недаром ей повстречался грязный отшельник и недаром велел вернуть Капельку туда, откуда ее взяли...

Так прошло лето, наступила осень. В магазинах уже появилась хорошая, крепкая капуста, а женщина все не решалась выйти на балкон. Она боялась ничего там не найти. Или найти увядший капустный росток и в нем только красный шелковый лоскутик, платье несчастной Капочки, которую она убила своими руками, как когда-то убила нерожденного ребенка...

Однажды утром выпал первый снег. Он выпал очень рано для осеннего времени. Бедная женщина посмотрела на свое окно, испугалась и стала открывать балконную дверь.

И когда дверь тяжело начала скрипеть, женщина услышала с балкона испуганное мяуканье, скрипучее и назойливое.

– Кошка! Кошка на балконе! – заметалась бедная женщина, подумав, что кошки забрались от кого-то от соседей. Ведь всем известна страсть кошек ко всему маленькому и бегающему.

Наконец балконная дверь подалась, и женщина выскочила на снег прямо в тапочках.

В кастрюле сидела роскошная, огромная капуста, кудрявая, как роза, а сверху, на многочисленных лепестках, лежал некрасивый худой младенец, красный, с шелушащейся кожицей. Младенец, зажмурив глаза-щелки, мяукал, захлебывался, дрожал стиснутыми кулачками, дрыгал ярко-красными пятками величиной со смородину... Мало того, на лысой голове ребенка лежал, прилипнув, шелковый красный лоскуток.

«А где Капочка? – подумала женщина и внесла кочан с ребенком в комнату. – Где моя девочка?»

Она отложила плачущего ребенка на подоконник и стала рыться в капусте, перебрала ее по листочку, но Капельки нигде не было. «И кто мне подложил сюда этого младенца? – думала она. – Посмеяться захотели... Откуда ребенок здесь? Куда я его дену? Огромный какой-то... Подкинули мне... Капочку взяли, а эту подкинули...»

Ребенку явно было холодно, кожица его посинела, он плакал все писклявей.

Женщина подумала, что эта девочка-великанша ни в чем не виновата, и взяла ее на руки, осторожно, не прижимая к себе, отнесла в ванную под теплую воду, обмыла, вытерла и завернула в сухое полотенце.

Новую девочку она отнесла на свою кровать и укрыла там одеялом потеплее, а сама взяла из старинной коробочки половину фасоли и стала целовать, плакать над ней, вспоминая свою маленькую исчезнувшую Капочку.

Уже было ясно, что Капочки нет, что вместо нее появилось это огромное, некрасивое, несуразное существо с большой головой и тощенькими руками, настоящий младенец, совершенно чужой...

Женщина плакала-плакала и вдруг остановилась: ей почудилось, что тот маленький ребенок не дышит. Неужели эта девочка тоже погибла? Господи, неужели она простудилась на подоконнике, пока шли поиски в капусте?

Но младенец крепко спал, зажмурившись, никому не нужный, действительно некрасивый, жалкий, беспомощный. Женщина подумала, что и покормить-то его некому, и взяла ребенка на руки.

И вдруг что-то как будто стукнуло ее изнутри в грудь.

И, как делают все матери на свете, она расстегнула кофту и приложила ребенка к груди.

Покормив свою девочку, мать уложила ее спать, а сама налила воды в кувшин и полила капусту, и оставила ее расти на окне.

Со временем кочан разросся, дал длинные побеги и мелкие бледные цветы, и маленькая девочка, когда в свою пору встала на слабые ножки и пошла, – первым делом отправилась, качаясь, к окну и засмеялась, указывая пальцем на длинные ветки матери-капусты.

ЗОЛОТАЯ ТРЯПКА

Один путешественник исследовал жизнь горных людей в далекой стране.

Он надеялся хорошо изучить их язык, а пока что пользовался, как все иностранцы, жестами и кошельком, и его понимали достаточно хорошо.

Таким вот образом он нанял себе проводника с ослом.

Через пару дней они уже шли по узкой каменной тропе, причем слева были скалы, а справа ущелье, как всегда в горах.

И вдруг началось землетрясение.

Сверху стали падать камни, тропа подпрыгнула, другой берег ущелья перекосился и снова встал на место.

Проводник положил осла и лег рядом с ним.

То же самое сделал и путешественник и закрыл голову руками, земля под ним ерзала и увиливала, наклонялась вперед и перекашивалась в разные стороны, вдобавок ко всему наступила ночь.

Утром, когда рассвело, наступила тишина, и путешественник увидел, что проводника с ослом нет и тропа оборвалась.

То есть путешественник лежал на каменном выступе, внизу был обрыв, наверху скала.

Все.

Правда, повыше, метрах в трех, зацепившись за что-то, болталась на ветру тряпка.

Ученый – делать было нечего – полез наверх к этой тряпке, он подумал, что, может быть, его проводник шел этим путем и оставил такой знак, вчера тряпки не было.

Вверх всегда идти легче, чем вниз, это закон гор, а вот спуститься обратно не всем удается – ученый об этом подумал, прощаясь со своим уютным уступом, как с родиной.

Но на этой малой родине делать уже было нечего, только медленно подыхать в ожидании спасателей или вертолетов.

Но в данной дикой стране вертолет имелся только у короля, а король жил совершенно в другом углу гор и берег этот вертолет на случай свержения с трона, никому не давал.

Об этом путешественника предупреждали бывалые люди.

Итак, ученый стал карабкаться вверх, думая найти проводника, и как-то, цепляясь ногтями и ботинками, долез до тряпки.

Тут же он увидел узкую щель в скале, сунул тряпку за пазуху (зачем-то) и затолкал себя в щель.

Опять-таки залезть легче, чем вернуться обратно, но назад ходу уже не было (вспомним короля и его вертолет), и ученый, втискиваясь все дальше и застревая на каждом выступе, продирался в тесной щели в глубь скалы.

Он лез и лез и вдруг увидел, что это уже не щель, а улица в горном селении, и что с обеих сторон его окружают каменные дома и ограды.

Ученый стал заходить в дома и никого там не обнаружил.

И не было буквально никаких следов человека, ни посуды, ни черепков, ни одеял и подушек: голые стены.

Ученый решил, тем не менее, отдохнуть и лег в каком-то доме, накрывшись найденной тряпкой.

Он тут, кстати, ее и рассмотрел – это было нечто вроде древней скатерти или знамени, выцветшая материя, затканная почерневшим золотом.

Любой музей мира дал бы за такую тряпку большие деньги, но ученый об этом не думал.

Он накрылся этой скатертью, и мир и покой сошли на его бедную голову, и перестали болеть разодранные в кровь руки и колени.

Тут же его разбудил невнятный шум, он вскочил и выбежал на улицу.

Была уже ночь, и на улице толпились маленькие худые люди, сильно встревоженные.

Они что-то говорили, указывая руками вдаль, и ученый, сложив свою тряпку и спрятав ее за пазуху, пошел в том направлении.

Вслед за ним тронулись и эти люди.

Всю ночь они шли – сначала по улице, потом по тропам над безднами, в щелях между скал, по висячим мостам, через перевалы, причем небо было совершенно черное, без проблеска звезд – видимо, висели тучи.

Но как-то все-таки ученый пробирался во главе своей неожиданно возникшей экспедиции, сам недоумевая, почему так легко идти в этой непроглядной тьме.

Наконец они добрались до высочайшего пика, который горел в лучах не видимого еще солнца как розовый кристалл, сверкая гранями.

Эта скала, однако, оказалась на поверку домом, многоэтажным, видимо, хотя окна виднелись только на самой вершине и нестерпимо светились, как будто именно там, внутри, пряталось солнце.

Внизу же был обычный серый, со ржавыми потеками, камень.

Правда, ученый увидел в одном месте что-то вроде маленького неровного окошка, как будто запыленного и от старости даже радужного.

Ученый, не раздумывая, вытащил из-за пазухи свою тряпку и попытался протереть это окошко.

Тут же он увидел, что в скале открывается дверь, огромная, как для самолетов, и он вошел в эту дверь во главе своего нищего отряда.

Внутри оказалось тоже огромное помещение, похожее на вокзал, и везде лежали или сидели люди, какие-то усталые и помятые, как беженцы.

Недалеко от двери стоял как раз проводник профессора, и они обрадовались, но почему-то сделали вид, что не знают друг друга.

Ученый все еще держал в руке свою тряпку и вдруг заметил, что она начала сверкать всем своим золотом.

К ней потянулись люди, и проводник тоже подошел поближе.

Тряпка теперь горела как жидкое стекло, переливаясь при малейшем движении.

Люди теснились вокруг ученого, свет озарял их лица.

И профессор протянул им это древнее знамя, желая сказать, что он не возьмет его себе, не волнуйтесь.

Он невольно коснулся этой сверкающей материей нескольких людей, и они вдруг исчезли.

Они исчезли, как исчезает в компьютере буква при нажатии клавиши, подумал ученый.

Он даже испугался, но все люди вокруг как будто ждали, что он и их коснется.

И он их касался своей тряпкой.

Последним к нему подошел проводник и тоже подставил голову, и тоже исчез после прикосновения.

Таким образом, профессор остался один.

Он, однако, не испугался, а положил свое сверкающее полотнище на прежнее место, за пазуху, и мгновенно потерял из виду эту огромную пещеру.

Тут же – как исчезнувшая с экрана буква – он оказался в совершенно другом месте, на горной тропе рядом со своим проводником – только осла не было.

Проводник на совершенно понятном ученому языке сказал, что упал в пропасть и потерял сознание, а потом очнулся и быстро нашел тропу наверх.

А ослик, видимо, так и погиб.

С ним пропало все снаряжение и продукты, но как-то путешественник довольно легко проделал с проводником обратный путь и тут же вылетел на самолете домой.

Там он прочел все газеты, скопившиеся за последний месяц, и оказалось, что в той стране, где он только что был, произошло, действительно, огромной силы землетрясение, и целый город, второй по значению в стране, завалило каменной лавиной.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло – в ту же ночь в горах произошел новый обвал, и каменная лавина по новой обрушилась в ущелье, и люди, заживо погребенные в своих домах, смогли выбраться и спаслись.

Но теперь другое беспокоило газетчиков – все эти спасенные люди, все как один, оказались совершенно немыми, кроме одного проводника-профессионала, который был родом из другого города и который и смог что-то рассказать газетчикам.

Правда, этот проводник тоже все время плакал и утверждал, что потерял память о предках.

То есть не помнит ни деда, ни прадеда.

То есть для него это землетрясение тоже не прошло бесследно.

А у профессора как раз дела пошли как нельзя лучше – он приготовил для телевидения целый цикл передач об этой горной стране, – тем более что в связи с таинственными двумя землетрясениями и чудесным спасением целого города (и онемением его жителей) данная страна оказалась на самом гребне моды.

Профессор ведь был тоже участником землетрясения!

И он имел поразительное доказательство – древнее знамя (или скатерть), как научный трофей.

За эту скатерть Британский музей предложил ему пожизненную стипендию и место хранителя горного зала.

Таких экспонатов не было ни у одного музея, и профессор даже раздумывал, а не показать ли эту скатерть (или знамя) где-нибудь в другом месте и не дадут ли за нее на знаменитом аукционе Сотбис побольше.

И он действительно показал свою скатерть (называя ее магическим знаменем гор) некоторым специалистам, и ученые пожимали плечами и говорили, что ничего подобного они в своей жизни не видали.

А профессор говорил, что эта тряпка в лучах утреннего солнца в горах способна светиться как жидкое стекло!

Об этом проведали на телевидении и тут же решили заснять данное явление свечения, для чего была организована новая экспедиция, найдены большие деньги, причем профессору сразу предложили огромный гонорар, но чтобы он не путался под ногами и сидел бы дома, они сами, без него, найдут и место, и время в горах (видимо, им не хотелось все-таки тратить лишние средства на профессора).

Но ученый уперся – уж больно ему хотелось снова побывать в любимых горах, вдохнуть полной грудью этот чистейший воздух вершин, а денег-то не было, он все еще не решил, как поступить со своей древней скатертью.

Почему-то он не хотел отдавать тряпку в чужие руки, даже за большие деньги.

Здесь уже, наверно, проявился его характер коллекционера, а настоящий собиратель умрет с голоду, но любимую вещь не продаст.

Таким образом он и оказался в составе телевизионной команды, прилетел снова в пограничную деревню, и довольно скоро он нашел своего проводника.

Проводник этот лежал в своем домике на полу, он отказывался работать наотрез и даже показал профессору с дикой злобой кулак.

В дело немедленно вмешались телевизионщики, поговорили с мамой-папой проводника, подарили им японский телевизор, работающий без антенн и электричества (от солнца), старики тут же растолкали сына, дали ему лепешку и тыкву с водой и выпроводили вон, а сами уселись перед телевизором.

Проводник канючил, что у него теперь нет осла, что у него потеряна память о предках, но вместо осла экспедиция наняла королевский вертолет, и команда полетела в горы.

А что касается предков проводника, то ведь у каждого есть свои предки, и о них тоже мало кто вспоминает, подумаешь.

Через час пути проводник и его бывший клиент, ученый, указали на горную тропу, и сначала спустился оператор, который тут же начал снимать окрестности, а потом спустился проводник и за ним профессор.

Профессор, очутившись в знакомом месте, не обращая внимания на оператора, огляделся со слезами на глазах.

Светило уже раннее солнце, горы вокруг сияли.

Проводник хмуро стоял над пропастью, глядя себе под ноги.

На тропу уже слезли остальные, и вертолет улетел.

Собственно говоря, в данном узком месте было не протолкнуться.

Профессору стало тошно, и он сказал, что сейчас найдет место, где в прошлый раз обнаружил древнее знамя.

На самом деле ему захотелось просто остаться одному.

И он полез прямо вверх.

Камера своим глазом следовала за ним.

Поднявшись до знакомого выступа, он понял, что оператор его не видит, обрадовался всей душой и огляделся вокруг.

Вот виднеется пограничный поселок, где сидят сейчас перед телевизором родители проводника и смотрят мексиканский сериал.

Он также увидел далеко-далеко розоватую скалу, горный замок, сверкающий как кристалл, башню мертвых, в преддверии которой ему удалось побывать, как он теперь понял.

В этот момент, стоя в неудобной позе над пропастью, вцепившись ногтями в скалу, он стал размышлять, почему спасенные им горные жители перестали говорить все как один?

Башня мертвых светилась вдали как маленький стеклянный, остро заточенный карандаш.

Она светилась так, что прошибала слеза, – и, на мгновение отвернувшись, профессор увидел внизу глаз камеры и несчастного оператора, который лез следом за ним, цепляясь одной рукой за скалу.

Откуда только силы взялись у профессора – он полез еще выше и скрылся из поля зрения оператора.

К вечеру прилетел вертолет, и были большие неприятности, поскольку оператор ничего не снял, вертолет забрал его со скалы бледного от злости.

Профессора тоже совлекли с уступа повыше, он не отвечал ни на какие вопросы, древнее знамя исчезло (профессор показал, что ни за пазухой, ни в карманах у него ничего нет и на туловище тоже не намотано).

Зато проводник сиял как медный тазик, смотрел на ученого с любовью и сказал ему что-то очень радостное – но на сей раз ученый ничего не разобрал, он потерял способность понимать этот язык в тот самый момент, когда повесил на острый уступ скалы старую, ветхую тряпицу, вынутую из-за пазухи, и древнее знамя засияло на прощанье и исчезло.

И башня мертвых в ту же минуту в последний раз сверкнула вдали и растаяла в тумане.

Кончилось все плачевно для ученого, телевидение оказалось в большом денежном проигрыше, так как без древнего знамени передача вообще не имела смысла – горы есть горы, они везде одинаковые, и снятый оператором профессор, который нелепо лез по почти отвесной скале и забрался за какой-то выступ и исчез на несколько часов – это никакая не сенсация.

Мало ли дураков лезет на стену!

Короче, передачу отменили, вся команда вернулась домой, а профессора с собой не взяли, в наказание оставили его в горах, в пограничной деревушке без денег.

Профессор приехал на родину только через год, он заработал деньги на билет, устроившись библиотекарем к королю.

Но ведь кто-то его устроил, провел через все горы и направил прямо во дворец.

Может быть, это был тот самый проводник.

Мало ли, в такой дикой стране и проводники могут оказаться королевскими родственниками, там все родня друг другу.

Так что все кончилось довольно неплохо.

Хотя профессор потерял работу преподавателя.

Но на самом деле все ученые мира, работающие в музеях и университетах, страшно завидовали профессору.

Как-то ему удалось прожить целый год в этих диких горах, куда никого не пускают, где никому не удавалось зацепиться больше чем на месяц – и мало того, он был допущен в королевскую библиотеку, о которой мечтает буквально каждый!

Правда, он и из этого не извлек никакой выгоды, ни одной книги не выпросил и не привез, мало того, не написал ни единой статьи об этой библиотеке.

Он только сообщил одному знакомому (это сразу попало в газеты), что история о том, как целый город в горах онемел, оказалась выдумкой.

– Там все уже давно прекрасно разговаривают, лучше нас с вами, – сказал профессор.

Надо сказать, что работу он себе все же нашел, смотрителем зала в музее, и в этот зал приходят экскурсии, но смотрят не на горшки и ржавые топоры, а на профессора, который спокойно стоит у стены.

А в те дни, когда он отсутствует, его сменщица таинственно говорит посетителям, что профессор сегодня работает в другом месте, в королевской библиотеке в горах.

– И если бы не его старенькая мама, которая нуждается в уходе, он бы вообще давно улетел. А я его сюда устроила. Его мама – моя подруга, она меня попросила. Деньги-то нужно зарабатывать. Хорошо еще, что он на самолеты не должен тратиться, так просто летает. Его там любят.

И посетители явно хотят спрашивать дальше, как это можно летать без ничего, «так просто», но из-за хорошего воспитания делают вид, что им все понятно.

ОТЕЦ

Жил на свете один отец, который никак не мог найти своих детей. Он всюду ходил, спрашивал, не пробегали ли тут его дети, но когда ему задавали простой вопрос: «Как выглядят они, как зовут ваших детей, мальчики или девочки» и так далее, он ничего не мог ответить. Он знал, что они где-то есть, и просто продолжал свои поиски. Однажды поздно вечером он пожалел какую-то старушку и донес ей тяжелую сумку до дверей квартиры. Старушка не пригласила его зайти, она не сказала ему даже «спасибо», но вдруг посоветовала ему поехать на электричке до станции «Сороковой километр».

– Зачем? – спросил он.

– Как зачем? – ответила старушка и тщательно закрыла свою дверь на замок, на ключ и на цепочку.

Все-таки в первый же выходной – а была суровая зима – он направился на сороковой километр. Поезд почему-то шел весь день с большими остановками и наконец, когда стало темнеть, дополз до платформы «Сороковой километр». Незадачливый путешественник оказался на краю леса и зачем-то полез по сугробам в самую чащу.

Вскоре он попал на утоптанную тропинку, которая в сумерках привела его к маленькой избушке. Он постучался, никто ему не ответил. Он вошел в сени, постучал в дверь. Опять никого. Тогда он осторожно вошел в теплую избу, снял сапоги, куртку и шапку и стал оглядываться. В домике было чисто, тепло, горела керосиновая лампа. Как будто кто-то только что вышел из дома, оставив на столе чашку, чайник, хлеб, масло и сахар. Печь была теплая. Наш путешественник замерз и проголодался, поэтому, громко извинившись, он налил себе чашку кипятку и выпил. Подумав, он съел кусок хлеба и оставил на столе деньги.

Тем временем за окнами стемнело уже окончательно, и путешествующий отец стал думать, как быть дальше. Он не знал расписания поездов и вообще рисковал завязнуть в сугробах, тем более что повалил снег, заметающий все следы.

Тогда он прилег на лавочку и задремал.

Разбудил его стук в дверь. Приподнявшись на лавочке, он сказал:

– Да-да, пожалуйста!

В избу вошел маленький, закутанный в какое-то рваное тряпье ребенок. Войдя, он в нерешительности замер у стола.

– Это еще что за явление? – спросил с лавочки не совсем проснувшийся будущий папаша. – Ты откуда? Как ты здесь очутился? Ты здесь живешь?

Ребенок пожал плечами и сказал «нет».

– Тебя кто привел?

Ребенок покачал замотанной в рваную шаль головой.

– Ты один?

– Я один, – ответил ребенок.

– А мама? Папа?

Ребенок засопел и пожал плечами.

– Тебе сколько лет-то?

– Я не знаю.

– Ну, хорошо, тебя как зовут?

Ребенок опять пожал плечами. Носик у него вдруг оттаял и потек. Он вытер нос рукавом.

– Погоди, – сказал тут будущий отец. – Для такого случая у людей имеются носовые платки.

Он вытер ребенку нос и стал осторожно раздевать его. Размотал шаль, снял меховую, какую-то старушечью, шапку, снял пальтишко, теплое, но очень рваное.

– Я мальчик, – сказал вдруг ребенок.

– Ну, это уже кое-что, – сказал этот человек, помыл ребенку под рукомойником руки, очень маленькие, с очень маленькими ноготочками. Ребенок был вообще похож на старичка, временами на китайца, иногда даже на космонавта своими припухшими глазами и носом.

Человек напоил ребенка сладким чаем и стал кормить его хлебом. Оказалось, что ребенок сам пить не умеет, пришлось поить его с ложечки. Человек даже вспотел от усталости.

– Ну, вот, теперь давай я положу тебя спать, – сказал он, окончательно замотавшись. – На печке тепло, но ты оттуда свалишься. Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Я тебя положу на сундуке и заставлю стульями. Что бы такое постелить тебе...

Человек стал искать по избе теплое одеяло, не нашел, решил постелить свою теплую куртку, снял с себя свитер, чтобы укрыть дитя. Но тут он посмотрел на сундук. Вдруг там что-то есть, какое-нибудь тряпье?

Человек раскрыл сундук, вытащил оттуда голубое шелковое стеганое одеяльце, подушку с кружевами, матрасик и стопку маленьких простынок. Под ними оказалась связка тонких рубашечек, тоже с кружевами, затем теплые байковые рубашечки и комок вязаных штанишек, перетянутый голубой лентой.

– Ого, да тут целое приданое! – воскликнул человек. – Это, правда, принадлежит какому-то другому ребенку... Но все дети ведь одинаково мерзнут и одинаково хотят есть... Надо друг с другом делиться! – громко сказал будущий отец. – Нельзя допускать, чтобы у одного ребенка не было ничего, он бы ходил в тряпках, а у другого ребенка было бы слишком много. Верно? – спросил он.

Но ребенок уже заснул на лавочке.

Тогда человек неловкими руками приготовил роскошную постельку, очень осторожно переодел ребенка во все чистое и уложил его. Сам же бросил куртку на пол возле

сундука, заставленного стульями, и лег, укрывшись свитером. При этом будущий отец так утомился, что уснул сразу же, как никогда в жизни не засыпал.

Проснулся он от стука в дверь.

В помещение входила какая-то женщина, вся занесенная снегом, но босая. Вскочив спросонок, человек загородил собой сундучок и сказал:

– Извините, мы тут у вас немного похозяйничали. Но я заплачу вам.

– Извините, я заблудилась в этом лесу, – не слушая, сказала женщина, – и решила зайти к вам погреться. Я боялась, что замерзну, там настоящая метель. Можно?

Человек понял, что эта женщина вовсе не хозяйка дома.

– Сейчас я вам согрею чайник, – сказал он. – Садитесь.

Пришлось топить печь дровами, пришлось искать в сенях бочку с водой. Попутно нашелся чугунок с еще теплой картошкой и другой чугунок с пшенной кашей на молоке.

– Ладно, это мы съедим, а кашу оставить придется ребенку, – сказал человек.

– Какому ребенку? – спросила женщина.

– Да вот, – и человек показал на сундучок, где сладко спал маленький ребенок, закинув ручки за голову.

Женщина опустилась перед сундучком на колени и вдруг заплакала.

– Господи, вот он, мой ребеночек, – сказала она. – Неужели это он?

И она поцеловала край голубого одеяльца.

– Ваш? – удивился человек. – А как его зовут?

– Не знаю, я еще не назвала его. Я так устала за эту ночь, целая ночь страданий. Мне никто не мог помочь. Ни один человек на свете.

– А кто это, мальчик или девочка? – недоверчиво спросил человек.

– Это все равно: кто есть, того мы и любим.

И она снова поцеловала край одеяла.

Человек внимательно посмотрел на женщину и увидел, что у нее на лице действительно следы страданий, рот запекся, глаза ввалились, волосы висят. Ноги у нее оказались

очень худые. Но прошло некоторое время, и женщина как будто согрелась и странно похорошела. Глаза у нее засияли, впалые щеки разрумянились. Она задумчиво смотрела на некрасивого, лысенького мальчика, спавшего на сундуке. Руки ее, крепко держащие края сундука, дрожали.

Изменился и ребенок. Он уменьшился и теперь был похож на старичка с одутловатым носом и с глазками, как щелочки.

Все это показалось человеку странным – то, как изменились на его глазах женщина и ребенок, буквально за одно мгновение. Человек даже испугался.

– Ну, если это ваш, я не буду вам мешать, – отвернувшись, сказал несостоявшийся отец. – Я пойду, скоро моя электричка.

Он торопливо оделся и вышел вон.

Уже светало, тропинка была, как ни странно, чистая и хорошо утоптанная, как будто не было ночной метели. Наш путешественник быстро пошел прочь от домика, и через несколько часов пути он вышел точно к такому же домику, как и предыдущий, и, уже не удивляясь, без всякого стука вошел в дом.

Сени были такие же, комната точно такая, и так же стоял на столе горячий чайник и лежал хлеб. Путник устал и замерз, поэтому он быстро, не задерживаясь, выпил чаю, съел кусок хлеба и прилег на лавочку в ожидании. Но никто не пришел. Тогда человек вскочил и бросился к сундуку. В сундуке лежали опять детские вещи, но теперь это уже были теплые вещички – курточка, шапочка, очень маленькие валенки, теплые стеганые штанишки, даже какой-то роскошный комбинезон и на дне меховой мешок с капюшоном.

Этот человек сразу подумал, что маленькому мальчику совсем нечего надеть на улицу, у него есть рубашечки и всякая дребедень, но больше ничего! Вслух извинившись, он отобрал самое нужное – меховой мешок, комбинезон, валенки и шапочку. Затем он прихватил еще и санки, стоящие в углу, потому что в другом углу он увидел еще одни. Еще раз попросив прощения, он взял из груды валенок за сундуком одни взрослые валенки, по виду как будто подхо-

дящие для женщины – она же была босая! С этим грузом он помчался как можно быстрее по морозу назад, к первой избушке.

В ней уже никого не было. Стоял горячий чайник, лежал хлеб. Сундучок был пуст.

«Видимо, она надела на мальчишку все эти тряпки, – подумал несостоявшийся отец. – Какие глупости, ведь у меня есть все необходимое!»

Он тут же кинулся бежать по тропинке дальше, волоча за собой санки, и очень быстро догнал женщину, потому что она еле шла. Ее даже покачивало. Босые ноги были красными от снега. Она несла на руках закутанного в тряпье ребенка.

– Минутку! – закричал наш отец. – Погодите! Ведь разве можно так идти! Надо же одеть парня! Вот тут все необходимое.

Он взял у нее ребенка, она покорно, закрыв глаза, отдала ему свою ношу, и они вместе вернулись в свою избушку.

Теперь только отец вспомнил странную старуху, которой он помог донести тяжелые сумки, и спросил у женщины:

– Скажите, а вам адрес тоже старушка дала?

– Нет, она мне сказала только название станции – «Сороковой километр», – ответила женщина, почти засыпая.

Но в это время ребенок заплакал, они вдвоем, торопясь, стали его переодевать, и он вдруг оказался таким маленьким, что никакие валенки, конечно, ему не пригодились, а пришлось его пеленать, заворачивать в одеяло, и вот тут пригодился меховой мешок с капюшоном. Все остальное они завязали в узел, женщина обула свои новые валенки, и они отправились обратно втроем. Новоявленный отец нес ребенка, а женщина тащила вещички, и по дороге они забыли, где встретились, забыли и название станции. Они помнили только, что была какая-то очень трудная ночь, долгая дорога, тяжелые времена одиночества, но теперь у них родился ребенок, и они нашли то, что искали.

АННА И МАРИЯ

Жил-был человек, который охотно помогал всем – всем, кроме своей жены. Жена его была удивительно добрая и кроткая, и он знал, что она прекрасно справляется со всеми делами одна, и был спокоен.

И однажды он помог одной колдунье, догнал ее шляпу, которую снесло ветром.

И колдунья с улыбкой сказала: «За то, что ты мне помог, я сделаю тебя волшебником. Но с одним условием. Ты сможешь помогать всем. И только тем, кого ты любишь, ты не сможешь помочь ничем».

И она его утешила: «Так бывает. Врач же не лечит своих детей. Учитель не учит своего собственного ребенка. У них это плохо получается».

И она ушла, оставив человека в растерянности.

И скоро настало время, когда у этого новоявленного волшебника стала умирать его любимая жена, нежная, добрая, красивая Анна.

Так случается, что у человека внутри кончается завод, как у часов – все тише тиканье, все реже.

Волшебник дни и ночи проводил около своей жены, дело происходило в больнице – пришлось отвезти Анну туда, чтобы сделать ей операцию.

Волшебник стоял на коленях у кровати, а жена его почти перестала дышать.

Тогда он бросился в коридор к медсестре, но медсестра ему сказала: «Не надо ей мешать, ей сейчас и так тяжело», – и ушла.

Волшебник просто хотел попросить еще один укол для продления жизни жены, но не получилось, как и предсказала колдунья.

А по коридору санитар вез каталку – высокие носилки на колесах, и у женщины, которую он вез, голова была вся забинтована.

Тем не менее женщина еще дышала, хотя тоже довольно редко.

Волшебник понял, что жизнь ее заканчивается, и предложил санитару сигарету.

Санитар охотно закурил и рассказал на ходу историю болезни пациентки, что та попала в автомобильную катастрофу и практически уже живет без головы, и он не надеется ее довезти на второй этаж в операционную, и это жалко, потому что внизу сидит семья этой женщины, в том числе двое маленьких детей.

Волшебник мигом сообразил, что надо сделать, тут его мастерства хватало, и он обменял тело жены на туловище этой умирающей и изо всей силы пожелал выздоровления для бедной посторонней больной: здесь он помочь как раз мог!

Но, видимо, помощь пришла слишком поздно, и санитар погрузил в лифт полный гибрид умирающего тела с умирающей головой – больная почти уже не дышала.

А тем временем на кровати Анны оказался живой человек, только сильно одурманенный лекарствами, – здоровая голова Анны и здоровое тело той, другой женщины.

Волшебник опустился на колени у изголовья своей жены и увидел, что она стала дышать немного чаще – но при этом Анна начала стонать и жаловаться, что все болит – руки и ноги.

Затем Анна открыла глаза, полные слез, и спросила мужа, долго ли ей еще мучиться.

Муж сообразил, что легкомысленный санитар не все мог знать о состоянии бедной погибающей женщины, что, возможно, и руки, и ноги у нее были переломаны – но как это лечить сейчас, в данной больнице?

Что скажут врачи, если увидят, что больная лежала-лежала в своей кровати, умирала-умирала – и вдруг оказалось, что у нее сломаны руки-ноги?

Врачи столпятся и будут думать, что налицо какое-то преступление, что больную выбросили, может быть, с четвертого этажа, или она сама выкинулась, что-нибудь в таком духе. Или ее муж побил палкой, мало ли?

И впору бы было вызывать следователя к такой больной вместо лечения – так думал бедный волшебник.

И тут же он сбегал к врачам и попросил, чтобы больную выписали домой: что ей здесь мучиться, пусть лежит свои последние дни дома.

– Не дни, а минуты, – поправила его присутствующая тут же медсестра, – только минуты. Ей осталось жить максимум сорок минут.

И она опять сказала: «Не мешайте ей, ваша жена занята серьезным делом».

– Да, да, – ответил волшебник, – но я ее забираю.

Он взял свою громко стонущую жену под неодобрительными взглядами врачей и отнес ее вниз, в машину, а затем быстро домчал Анну до другой больницы, сказав, что его жена упала с садовой лестницы и ничего не помнит, говорит всякую чушь про то, чтобы ее добили, дали таблетку «от жизни», дали умереть, и что она неизлечимо больна и так далее, вплоть до сообщения диагноза.

Врачи тут же установили, что у больной множество ушибов, но остальное все в порядке, это вопрос двух не-

дель, и Анна, проклиная все на свете, терпела и жаловалась только мужу, хотя по-прежнему громко и со слезами.

Она больше не требовала себя пристрелить как неизлечимо больную, поскольку после первой же просьбы к ее постели был вызван очень ласковый и внимательный врач, который долго расспрашивал ее о детстве, о снах и не сходили ли с ума ее папа с мамой и от чего умерла прабабушка и не в психбольнице ли.

Больная тут же прекратила свои требования насчет того, чтобы с ней покончили раз и навсегда, перестала просить пулю в лоб, а волшебник задумался: очень уж это было не похоже на его родную Анну, на его сильную и добрую жену, которая всегда больше заботилась о нем и жалела его больше, чем себя.

Остальные сюрпризы начались очень скоро – Анна, приехав домой, стала исчезать надолго, возвращалась с прогулок мрачная и все пыталась что-то вспомнить.

На все вопросы она отвечала, что ей снятся какие-то странные сны и вообще тут многое непонятно – куда девался шрам после аппендицита и откуда такие пальцы, почему родинка на плече и все такое прочее.

Анна при этом прятала глаза, не смотрела прямо в лицо, чего прежняя Анна никогда бы не стала делать, она всегда смотрела прямо в самые зрачки мужа своим печальным и ласковым взглядом. В самое его сердце.

Волшебник затосковал и пошел в больницу узнать, когда умерла та жертва катастрофы, и он очень удивился, узнав, что эта жертва нисколько не умерла, а после удачной операции чувствует себя намного лучше, можно сказать, что врачи совершили просто чудо.

Да и семья больной дежурит буквально круглые сутки около Марии – так звали женщину.

Семья – мама, папа и двое маленьких детей – чуть ли не поселилась в больнице, детей приводят поцеловать маму перед детским садиком и после него, и Мария уже может с ними говорить.

Правда, она очень изменилась, но это бывает после операции, а вот семья не изменилась.

Так рассказал волшебнику словоохотливый санитар и пустился с пустой каталкой вдоль по коридору.

Волшебник заглянул в палату и увидел молодую женщину с забинтованной целиком головой (свободен был только рот) под неусыпным наблюдением мужчины в очках, который смотрел на нее не отрываясь, как некоторые родители смотрят на своих маленьких спящих детей.

Волшебник мгновенно оказался в белом халате, в шапочке и с трубочками в ушах, как и полагается доктору.

– Так, больная, – сказал волшебник, – как сон, как страхи, как предчувствия?

Он сел с другой стороны кровати, и Мария вдруг беспокойно зашевелилась и протянула к нему руку.

Волшебник увидел эту знакомую ему до мельчайших подробностей руку, родную руку, и чуть не заплакал, поняв, что больше никогда он не сможет поцеловать эти пальцы.

– Да, – сказала Мария сквозь бинты, – меня мучают сны, что где-то недалеко мой дом, мой любимый муж, мои книги и сад, и мне снится, что я больше никогда туда не попаду. И каждую ночь я плачу.

– Бинты промокают от слез, да, – отозвался ее муж, солидный, крепкий мужчина в очках. – От этого болят раны.

– Да, она, видимо, должна измениться после катастрофы, так бывает, и бывает даже, что люди начинают выдавать себя за других. Это явление ложной памяти, я вам говорю, – сказал волшебник.

– Ничего, лишь бы она вернулась к нам, нам она нужна любая.

Волшебник не отрываясь смотрел на бинты, и ему казалось, что там, под слоем марли, как бабочка в коконе, лежит лицо его любимой Анны, лицо той Анны, которая его любит.

А Анна домашняя, которую он спас, перехитрив судьбу, – она не настоящая.

Тогда волшебник, притворившийся доктором, под беспокойным, страдальческим взглядом мужа начал снимать бинт за бинтом, и внезапно приоткрылось ему совершенно чужое лицо, мелькнуло со всеми своими ярко-красными шрамами и грубыми швами.

Волшебник не стал разбинтовывать до конца эту совершенно незнакомую ему женщину и сказал:

– Еще не все зажило, операцию придется повторить через неделю.

Он уже знал, что это не Анна и что он сможет ей помочь.

– Так бывает, доктор, что даже руки изменились? – прошептал несчастный муж.

– Да, все бывает, полное изменение. Через неделю ее возьмут на операцию и все вернется, не беспокойтесь, – сказал волшебник и удалился.

Внизу, в вестибюле, он прошел мимо испуганной притихшей семьи Марии – двух пожилых людей и двух малышей. Он остановился, сказал им несколько ободряющих слов и тут же почувствовал, что его жена Анна где-то здесь.

Она была тут, она пряталась в больничном саду.

Волшебник отступил, стал неразличимым и только наблюдал, как Анна медленно, неуверенно, как слепая, которую ведут на веревке, движется по направлению к детям, входит в больничный вестибюль, приближается к их скамейке...

Дети встрепенулись, старики зашевелились, подвинулись, и Анна села рядом.

Через несколько минут дети уже стояли, прижавшись к ее коленям, и играли ее бусами, без передышки щебеча.

Старики тоже оживились, придвинулись к Анне, причем старушка то и дело касалась ее рукой.

Стало ясно, что Анна тут сидит не первый раз.

Волшебник вернулся домой и стал читать свои книги – те, которые у него завелись после встречи с колдуньей, – но только в одной книге, в самом конце, он нашел ярко светящуюся строчку: ОБМАНЩИК СУДЬБЫ.

Волшебник перебрал всю свою жизнь за последнее время и признал, что действительно схитрил, обвел вокруг пальца свою судьбу, сделал то, чего ему было не дано: ему ведь нельзя было помогать тем, кого он любил, а он помог Анне!

И теперь маялись две несчастные женщины, не понимающие, кто они, и сам он мучился и был глубоко несчастен.

И Анна – это ясно – больше не любила его.

Волшебник долго думал, как ему быть, и наконец он пошел разыскивать свою колдунью.

Он просидел два часа в очереди в ее приемной среди детей-калек, плачущих старух, суровых мужчин и мрачно настроенной молодежи.

Счастливые сюда не заглядывали!

Очередь двигалась медленно, но никто не возвращался – видимо, существовал другой выход.

Наконец волшебник вошел к колдунье.

Она засмеялась, увидев его, и сказала:

– Не обманешь судьбу-то!

Он ответил:

– Что же теперь делать?

Колдунья, однако, пригласила следующего, а волшебнику указала на дверь в противоположной стене.

Он вышел, но вышел куда-то не туда. Он вышел в какое-то поле, пустынное, только горы виднелись на горизонте.

Как ни вертел головой волшебник, он ничего не увидел, даже дома колдуньи.

Наконец ему пришлось пойти к горам (сверху лучше видны окрестности), и он шел и шел, ночью и днем, не чувствуя ничего, ничем не питаясь, и был даже рад, что не сидит дома вдвоем с несчастной Анной, сердце которой, видимо, так и осталось любить своих детей и свою семью...

Он шел, потеряв счет дням и ночам, он не хотел колдовать, он смотрел то на облака, то на звезды, иногда рвал и надкусывал какие-то травинки.

И все больше и больше его тревожила мысль о том, что он исковеркал жизнь многим людям, пытаясь обмануть судьбу.

Он сохранил две жизни, а зачем нам жизнь без наших любимых?..

Однако всему приходит конец, и волшебник взобрался на высокую гору, увидел там дверь – совершенно такую же, как в доме колдуньи, вошел в эту дверь и через минуту выбрался на улицу своего города и пошел к себе домой.

Он никого там не обнаружил, нашел только многодневную пыль и засохшие цветы. Кроме того, со стены исчез портрет Анны, а из ящика стола все ее фотографии.

У волшебника сильно билось сердце, как от страха.

Он помчался в больницу, нашел санитара, угостил его хорошей сигаретой и узнал много нового: оказывается, семья той молодой женщины, которая попала в автокатастрофу, заявила жалобу, что им подсунули совершенно не того человека, и они прекратили сидеть у постели больной, как только с нее сняли бинты.

Мало того, ее муж тут же нашел себе другую и увез ее.

В жалобе было указано, что больная целиком и полностью не похожа на их больную – ни лицом, ни фигурой.

Эти люди ушли очень быстро и даже не узнали, что пациентка почти слепая: именно поэтому она не узнала своих детей и мужа, и ее тоже никто не пожелал узнавать.

– А где она? – спросил волшебник.

– Да кто ее поймет, – ответил санитар, – ее выписали два месяца назад... Говорят, она сама не знала, куда идти, все твердила про какие-то сны, что нужно искать сад и библиотеку... Повредилась в разуме, что ли... На другой день она вернулась и стояла около кухни, и я вынес ей каши с хлебом... Но нам же нельзя кормить посторонних. Больше она не приходила.

Волшебник мчался домой, к своим книгам, и твердил: я не знаю ее, я ее не люблю, не люблю!

Он прибежал к себе в библиотеку, раскрыл нужную книгу и начал читать, и прочел про скамейку в соседнем парке, про женщину в мятой, грязной одежде, которая медленно копалась палочкой в урне, про то, как она близко поднесла к глазам корочку хлеба, разглядела ее и так же медленно, машинально положила в карман...

– Я ее не люблю, – громко сказал волшебник, – я могу ее вылечить!

Он схватил хрустальный шар и послал в самую его середину луч света. В центре шара задымилось, показалось дерево, под ним скамейка, на скамейке, спиной к волшебнику, скорбная, застывшая фигура с палочкой в руке...

Но все погасло.

Он опять послал луч света в свой шар.

– Не может быть, все должно получиться! – закричал волшебник. – Я ее не знаю! Я ее просто жалею, ничего больше!

Внутри шара опять задымилось – и погасло.

Тогда волшебник схватил со стула шаль Анны, ее желтую шаль, которую она сама, своими руками когда-то связала и которую не взяла с собой в другую жизнь, потому что перестала быть Анной.

Волшебник помчался в парк и нашел ту скамейку.

Он накинул желтую шаль на плечи совершенно чужой женщины, и она, обернувшись, подхватила шаль знакомым движением своей худой, бледной руки и так подняла брови и с такой жалостью и добротой посмотрела на волшебника, что он заплакал.

Но она его не разглядела, а протянула к нему руку и погладила по щеке.

– Не знаю, как тебя звать, но это не важно, – сказал волшебник.

– Мария, – ответила ему Анна своим тихим голосом.

– Пойдем домой, – сказал волшебник. – Здесь сыро, ты простынешь.

И они пошли домой.

КОТЕНОК ГОСПОДА БОГА

Одна бабушка в деревне заболела, заскучала и собралась на тот свет.

Сын ее все не приезжал, на письмо не ответил, вот бабушка и приготовилась помирать, отпустила скотину в стадо, поставила бидончик чистой воды у кровати, положила кусок хлеба под подушку, поместила поганое ведро поближе и легла читать молитвы, и ангел-хранитель встал у нее в головах.

А в эту деревню приехал мальчик с мамой.

У них все было неплохо, их собственная бабушка функционировала, держала сад-огород, коз и кур, но эта бабушка не особенно приветствовала, когда внук рвал в огороде ягоды и огурцы: все это зрело и поспевало для запасов на зиму, на варенье и соленье тому же внуку, а если надо, бабушка сама даст.

Гулял этот выгнанный внук по деревне и заметил котенка, маленького, головастого и пузатого, серого и пушистого.

Котенок приблудился к ребенку, стал тереться о его сандалики, навевая на мальчика сладкие мечты: как можно будет кормить котеночка, спать с ним, играть.

И мальчиков ангел-хранитель радовался, стоя за его правым плечом, потому что всем известно, что котенка снарядил на белый свет сам Господь, как он всех нас снаряжает, своих детей.

И если белый свет принимает очередное посланное Богом существо, то этот белый свет продолжает жить.

И каждое живое творение – это испытание для уже заселившихся: примут они новенького или нет.

Так вот, мальчик схватил котенка на руки и стал его гладить и осторожно прижимать к себе.

А за левым локтем его стоял бес, которого тоже очень заинтересовал котенок и масса возможностей, связанных с этим именно котенком.

Ангел-хранитель забеспокоился и стал рисовать волшебные картины: вот котик спит на подушке мальчика, вот играет бумажкой, вот идет гулять, как собачка, у ноги...

А бес толкнул мальчика под левый локоть и предложил: хорошо бы привязать котенку на хвост консервную банку! Хорошо бы бросить его в пруд и смотреть, умирая со смеху, как он будет стараться выплыть! Эти выпученные глаза!

И много других разных предложений внес бес в горячую голову выгнанного мальчика, пока тот шел с котенком на руках домой.

А дома бабка тут же его выругала, зачем он несет блохастого в кухню, тут в избе свой кот сидит, а мальчик возразил, что он увезет его с собой в город, но тут мать вступила в разговор, и все было кончено, котенка велено было унести откуда взял и бросить там за забор.

Мальчик шел с котенком и бросал его за все заборы, а котенок весело выпрыгивал навстречу ему через несколько шагов и опять скакал и играл с ним.

Так мальчик дошел до заборчика той бабушки, которая собралась умирать с запасом воды, и опять котенок был брошен, но тут он сразу же исчез.

И опять бес толкнул мальчика под локоть и указал ему

на чужой хороший сад, где висела спелая малина и черная смородина, где золотился крыжовник.

Бес напомнил мальчику, что бабка здешняя болеет, о том знала вся деревня, бабка уже плохая, и бес сказал мальчику, что никто не помешает ему наесться малины и огурцов.

Ангел же хранитель стал уговаривать мальчишку не делать этого, но малина так алела в лучах заходящего солнца!

Ангел-хранитель плакал, что воровство не доведет до добра, что воров по всей земле презирают и сажают в клетки как свиней и что человеку-то стыдно брать чужое – но все было напрасно!

Тогда ангел-хранитель стал напоследок нагонять на мальчишку страх, что бабка увидит из окна.

Но бес уже открывал калитку сада со словами «увидит, да не выйдет» и смеялся над ангелом.

А бабка, лежа в кровати, вдруг заметила котенка, который влез к ней в форточку, прыгнул на кровать и включил свой моторчик, умащиваясь в бабушкиных замерзших ногах.

Бабка была ему рада, ее собственная кошка отравилась, видимо, крысиным ядом у соседей на помойке.

Котенок помурчал, потерся головой о ноги бабушки, получил от нее кусочек черного хлеба, съел и тут же заснул.

А мы уже говорили о том, что котенок был не простой, а был он котенком Господа Бога, и волшебство произошло в тот же момент, тут же постучались в окно, и в избу вошел старухин сын с женой и ребенком, увешанный рюкзаками и сумками: получив материно письмо, которое пришло с большим опозданием, он не стал отвечать, не надеясь больше на почту, а потребовал отпуск, прихватил семью и двинул в путешествие по маршруту автобус – вокзал – поезд – автобус – автобус – час пешком через две речки, лесом да полем, и наконец прибыл.

Жена его, засучив рукава, стала разбирать сумки с припасами, готовить ужин, сам он, взявши молоток, двинулся ремонтировать калитку, сын их поцеловал бабушку в носик, взял на руки котенка и пошел в сад по малину, где и встретился с посторонним пацаном, и вот тут ангел-хранитель вора схватился за голову, а бес отступил, болтая языком и нагло улыбаясь, так же вел себя и несчастный воришка.

Мальчик-хозяин заботливо посадил котенка на опрокинутое ведро, а сам дал похитителю по шее, и тот помчался быстрее ветра к калитке, которую как раз начал ремонтировать бабкин сын, заслонив все пространство спиной.

Бес ушмыгнул сквозь плетень, ангел закрылся рукавом и заплакал, а вот котенок горячо вступился за ребенка, да и ангел помог сочинить, что-де вот полез мальчик не в малину, а за своим котенком, который-де сбежал. Или это бес сочинил, стоя за плетнем и болтая языком, мальчик не понял.

Короче, мальчика отпустили, а котенка ему взрослый не дал, велел приходить с родителями.

Что касается бабушки, то ее еще оставила судьба пожить: уже вечером она встала встретить скотину, а наутро сварила варенье, беспокоясь, что всё съедят и нечего будет сыночку дать в город, а в полдень постригла овцу да барана, чтобы успеть связать всей семье варежки и носочки.

Вот наша жизнь нужна — вот мы и живем.

А мальчик, оставшись без котенка и без малины, ходил мрачный, но тем же вечером получил от своей бабки миску клубники с молочком неизвестно за что, и мама почитала ему на ночь сказку, и ангел-хранитель был безмерно рад и устроился у спящего в головах, как у всех шестилетних детей.

ЗА СТЕНОЙ

Один человек лежал в больнице, он уже выздоравливал, но чувствовал себя еще плоховато, особенно по ночам.

И тем более ему мешало, что за стеной все ночи подряд кто-то разговаривал, женщина и мужчина.

Чаще всего говорила женщина, у нее был нежный, ласковый голос, а мужчина говорил редко, иногда кашлял.

Эти разговоры очень мешали нашему больному спать, иногда он вообще под утро выходил из палаты, сидел в коридоре, читая газеты.

Ни днем, ни ночью не прекращался за стеной этот странный разговор, и наш выздоравливающий начал уже думать, что сходит с ума, тем более что, по его наблюдениям, никто никогда не выходил из палаты.

Во всяком случае, дверь туда постоянно была закрыта.

Больной стеснялся пожаловаться на шум, только говорил, что плохо со сном, и лечащий врач отвечал: ничего, скоро вы поправитесь, дома все пройдет.

А надо сказать, что дома этого больного никто не ждал, родители его давно умерли, с женой он разошелся, и

единственным живым существом в его доме был кот, которого теперь приютили соседи.

Больной выздоравливал медленно, жил с заложенными ушами, но и сквозь затычки он слышал все тот же разговор, тихий женский голос и иногда мужской кашель и два-три слова в ответ.

Кстати, сам больной уговаривал себя, что если бы он хотел спать, то заснул бы в любых условиях, и все дело просто в том, что пошаливают нервы.

Однажды вечером наш болящий вдруг ожил: разговор за стеной прекратился.

Но тишина длилась недолго.

Затем простучали знакомые каблуки медсестры, эти каблуки затоптались на месте, потом что-то глухо обрушилось, потом забегали, засуетились люди, забормотали, стали двигать стулья, что ли – короче, какой тут сон!

Больной вышел в коридор, не в силах больше лежать.

Он тут же увидел, что дверь в соседнюю палату, против обыкновения, распахнута настежь, и там находится несколько врачей: один склонился над постелью, где виднелся на подушке бледный профиль спящего мужчины, другие присели около лежащей на полу женщины, а по коридору бежит медсестра со шприцом.

Наш больной (его звали Александр) начал беспокойно ходить взад и вперед мимо открытых дверей соседней палаты, что-то его притягивало к этим двум людям, которые как будто одинаково спокойно спали, с той только разницей, что мужчина лежал на кровати, а женщина на полу.

Задерживаться у дверей было неудобно, и больной стоял у дальнего окна, наблюдая за кутерьмой.

Вот в палату завезли пустую каталку, вот она медленно выехала обратно в коридор, уже с грузом, на ней лежала та самая женщина, и мелькнуло опять это спящее женское лицо, спокойное и прекрасное.

Надо сказать, что Александр знал толк в женской красоте и не единожды наблюдал свою бывшую жену у зеркала (перед походом в гости, например).

И каждый раз, видя очередную волшебницу (бриллиантовые глаза, полуразвернутый бутон розы под носом), он

представлял себе это лицо перед зеркалом в виде белого, маслянистого блина с дыркой на том месте, где потом будет роза, и с двумя черными отверстиями там, куда затем вставят бриллианты.

Но тут, в больничном коридоре, Александра как будто кто-то ударил в самое сердце, когда мелькнуло это чужое женское лицо, лежащее на плоской подушке.

Печальное, бледное, простое и безнадежно спокойное, оно быстро исчезло за спиной санитара, а потом задвинулись двери лифта, и все кончилось.

Потом Александр сообразил, что тело женщины, которую провезли мимо, укрытое простыней, выглядело безобразно большим и бугристым, как бы раздутым, и носки ее ног безжизненно торчали врозь – и он подумал, что в природе нет совершенных человеческих созданий, и от всей души пожалел эту толстую даму с таким красивым личиком.

Затем операция с каталкой повторилась, но на сей раз провезли чье-то тело, укрытое с головой.

Тут Александр понял, что это умерший из соседней палаты.

Наш больной, по природе человек молчаливый, ни о чем не стал спрашивать медсестру, которая пришла к нему утром ставить градусник.

Александр лежал и думал, что теперь за стеной полная тишина, но спать все равно невозможно, за прошедшие недели он как-то уже привык к этому долгому, спокойному разговору двух любящих людей за стеной, видимо, мужа и жены, – было приятно, оказывается, слышать мягкий, ласковый женский голос, похожий на голос мамы, когда она гладила его в детстве, заплаканного, по голове.

Пускай бы они говорили так вдвоем все время, думал несчастный Александр, а теперь за стеной такая могильная тишина, что ломит в ушах.

Утром, после ухода медсестры, он услышал в соседней палате два резких, крикливых голоса, что-то брякало, стучало, ездило.

– Вот, доигралась, – с усилием произнесла какая-то женщина.

– Я ничего не знаю, – крикнула другая, – была в отгуле, ездила к брату в деревню! Они мне соломки на зуб не дали! Брат называется! Картошки насыпали, и все!

– Ну вот, – рявкнула первая, что-то приподнимая и ставя на место. – Ее обманул этот, травник. Ну который приезжал с Тибета.

– Ничего не знаю, – возразила вторая.

– Этот травник, он ей вроде много наобещал, если она отдаст ему все что у них есть, – крикнула первая откуда-то снизу, видимо, она полезла под кровать.

Слышимость была прекрасная.

– Все?

– Ну.

– Как это все?

– Она вроде продала даже квартиру и все вещи, – вылезая из-под кровати, очень разборчиво сказала первая.

– Дура! – крикнула вторая.

– Почему я знаю, потому что медсестры у нее что-то купили, холодильник и пальто и много чего, по дешевке. Она даже цену не назначала: сколько, мол, дадите, столько и возьму.

– А ты что купила?

– А я в тот день вышла в ночь, они уже все разобрали.

– А я где была? – крикнула вторая.

– А ты была в отгуле, вот больше гуляй! – глухо сказала первая. Было такое впечатление, что она замотала рот тряпками, но, видимо, она опять полезла под кровать. – И он, этот врач, колдун этот, обещал, видно, улучшение. То есть сказал «Все кончится хорошо». Вот тебе и кончилось.

– Известное дело, – резко выкрикнула вторая. – Наши сразу врачи ляпнули, что ему жить две недели, вот она, видно, и стала искать колдуна. Все ему отдала, а мужик все одно помер.

Даже через стенку было слышно, что она расстроилась из-за чего-то.

– Теперь что же, – завопила она, – ее все вещи у медсестер, а во что она ребенка завернет?

– А, – с трудом отвечала первая, все еще, видимо, из-под кровати, – да она сама-то при смерти, без сознания. Ро-

дит-не родит, выживет-не выживет. Ее на третий этаж положили, в реанимацию.

– Че ты там нашла? – крикнула вторая.

– Кто-то мелочь рассыпал, – пробубнила первая, вылезая из-под кровати.

– Сколько, – поинтересовалась вторая.

Первая не ответила и ссыпала все в карман.

Вторая продолжала с горечью в голосе:

– К ним в палату и заходить было тяжело. Я все думала, чего это она так радуется, сама в положении, муж у ей помирает, а она как на именинах сидит.

Первая назидательно сказала:

– Она все отдала и думала, что это поможет. Ничего себе не оставила. Может, она думала, что если муж помрет, ей ничего больше не надо.

– Ну дура, – воскликнула вторая, – а этот... травник что? Ну, колдун.

– Он забрал все деньги и сказал, что едет в Тибет молиться.

Удивительно, как все ясно было слышно!

Александр подумал, что, видимо, его бывшие соседи говорили очень тихо, если тогда он не мог разобрать ни единого слова.

Потом уборщицы начали обсуждать бесстыдное поведение некой раздатчицы в столовой (малые порции, не хочет кормить санитаров и носит парик в таком возрасте), пошумели еще и исчезли.

А Александр все никак не мог поправиться, барахлило сердце.

Пришлось задержаться в больнице.

Через неделю к нему пришли две санитарки с пачечкой денег и листом бумаги: они собирали средства одной женщине, которой надо было купить приданое для новорожденного сына.

Санитарки были очень любезны и даже стеснялись.

Они намекнули, что это «та», бывшая его соседка из палаты рядом.

Александр отдал все, что у него было, расписался на листочке и немного повеселел: во-первых, он дал очень

большую сумму, во-вторых, если это та самая женщина родила, стало быть, все кончилось хорошо.

Он не стал ни о чем спрашивать по своему обыкновению, однако его состояние резко улучшилось.

Александр был, на свое счастье, не бедным человеком, только болезнь остановила его на пути к большому богатству; он любил деньги и не тратил их на пустяки, и сейчас его дела шли блестяще. Даже из больницы он умудрялся руководить своими сотрудниками.

А болеть он начал внезапно, однажды ночью.

Он шел пешком, немного навеселе, поужинав с друзьями в ресторане, и недалеко от дома вдруг увидел грязного, какого-то заплаканного мальчишку лет десяти, который вынырнул из-за машины и спросил, как дойти до метро.

– Метро там, но оно уже закрылось.

На улице было холодновато, мальчишка немного дрожал.

Александр знал эту породу людей – они притворяются голодными, замерзающими, маленькими и беззащитными, а потом, стоит их привести домой, отмыть, накормить и уложить спать, они или утром исчезают, своровав что плохо лежит, или же остаются жить, что еще хуже, и к ним в один прекрасный день присоединяются какие-то подозрительные родственники, и приходится выпроваживать таких гостей, но ведь бродяги не знают стыда, ничего не стесняются и, сколько их ни выгоняй, возвращаются на протоптанную один раз дорожку, колотят в дверь, кричат, плачут и просятся погреться, и бывает очень неприятно – никому не хочется выглядеть жадным и жестоким.

Короче, у Александра был уже такой случай в жизни, и он насмешливо предложил мальчишке отвести его в милицию, если он заблудился и не может найти свой дом.

Пацан резко отказался, даже отскочил немного:

– Ага, а они меня тогда домой отправят.

Короче говоря, с этим парнем все было ясно, и Александр посоветовал ему зайти куда-нибудь в теплый подъезд, чтобы не замерзнуть – бесплатный совет сытого и довольного взрослого человека маленькому и убогому пройдохе.

На этом они расстались, мальчишка, дрожа, побрел куда-то по ночному городу, а Александр пришел домой, принял душ, заглянул в холодильник, поел холодного мяса и фруктов, выпил хорошего вина и пошел спать в добром расположении духа, после чего ночью проснулся от резкой боли в сердце и вынужден был вызвать «скорую».

Врачу в больнице он пытался что-то сказать о том, что встретил Иисуса Христа и опять его предал, но доктор вызвал еще одного доктора, и больной, пребывая как в тумане, услышал, что у него ярко выраженный бред.

Он пытался возразить, но ему сделали укол, и начались долгие дни в больнице.

Теперь, отдав свои наличные деньги, он заметно повеселел.

Все последние недели он неотрывно думал о том человеке, которого увезли под простыней и который так мужественно умирал, не позволяя себе жаловаться.

Александр вспоминал его спокойный, глуховатый голос.

Таким голосом говорят: все в порядке, все нормально, ни о чем не думай, не волнуйся.

А может быть, они и не говорили никогда о болезни, а говорили о каких-то других вещах, о будущем.

И она тоже не беспокоилась, она так радостно и счастливо рассказывала мужу, возможно, о том, как хорошо им будет вместе, когда они все вернутся домой, и какую кроватку надо купить ребенку: говорила, отлично зная, что денег не осталось совершенно, она все отдала.

Видимо, она верила в целительную силу трав, и ничего, кроме жизни мужа, ее не волновало, что будет, то будет.

Может быть, она рассчитывала, что если ее муж умрет, она каким-то волшебным образом тоже не останется жить.

Но, вероятно, наступило такое время, когда ей все-таки надо было существовать одной – неизвестно как, без дома и денег, с ребенком на руках.

И тут Александр смог вмешаться в ход событий со своими деньгами.

Он рассчитал так, чтобы бедной женщине хватило на весь первый год – она могла бы снять квартиру и продержаться, пока не найдет работу.

Какое-то счастливое спокойствие наступило для Александра в его последние дни в больнице, как будто он точно знал, что все будет хорошо.

Он начал спать по ночам, днем даже выходил погулять.

Началась прекрасная, теплая весна, по небу шли белые маленькие тучки, дул теплый ветер, зацвели одуванчики на больничном газоне.

Когда Александра выписывали, за ним пришла машина, и он, дыша полной грудью, в сопровождении друга пошел вон из больницы.

Тут же, у ворот, он нагнал небольшую процессию: санитарка из их отделения вела под руку какую-то худую женщину с ребенком.

Они волоклись так медленно, что Александр удивленно обернулся.

Он увидел, что санитарка, узнав его, густо покраснела, резко опустила голову и, пробормотав что-то вроде «я побежала, дальше нам нельзя», быстренько пошла обратно.

Женщина с ребенком остановилась, подняла голову и открыла глаза.

Кроме ребенка, у нее ничего не было в руках, даже сумочки.

Александр тоже приостановился.

Он увидел все то же прекрасное, спокойное молодое лицо, слегка затуманенные зрачки и младенца в больничном байковом одеяле.

У Александра защемило сердце как тогда, когда он только начинал болеть, как тогда, когда он смотрел вслед дрожащему мальчишке на ночной улице.

Но он не обратил внимания на боль, он в этот момент больше был занят тем, что соображал, как ловко санитарки ограбили беднягу.

И он понял, что с этого момента отдаст все, всю свою жизнь за эту бледную, худенькую женщину и за ее маленького ребенка, который лежал, замерев, в застиранном казенном одеяле с лиловой больничной печатью на боку.

Кажется, Александр сказал так:

– За вами прислали машину от министерства здравоохранения. По какому адресу вас везти? Вот шофер, познакомьтесь.

Его друг даже поперхнулся.

Она ответила задумчиво:

– За мной должна была приехать подруга, но она внезапно заболела. Или у нее ребенок заболел, неизвестно.

Но тут же, на беду Александра, на женщину с ребенком налетела целая компания людей с цветами, все кричали о какой-то застрявшей машине, об уже купленной кроватке для ребенка и ванночке, и под крик «ой, какой хорошенький, вылитый отец» и «поехали-поехали» они все исчезли, и вскоре на больничном дворе остался стоять столбом один Александр с ничего не соображающим другом.

– Понимаешь, – сказал Александр, – ей было предсказано, что она должна отдать все, и она отдала все. Такой редкий случай. Мы ведь никогда не отдаем все! Мы оставляем себе кое-что, ты согласен? Она не оставила себе ничего. Но это должно кончиться хорошо, понял?

Друг на всякий пожарный случай кивнул – выздоравливающим не возражают.

Что Александр потом предпринимал, как искал и нашел, как старался не испугать, не оттолкнуть свою любимую, как находил обходные дороги, как познакомился со всеми подругами своей будущей жены, прежде чем смог завоевать ее доверие, – все это наука, которая становится известной лишь некоторым любящим.

И только через несколько лет он смог ввести в свой дом жену и ребенка, и его старый кот сразу, с порога, пошел к новой хозяйке и стал тереться о ее ноги, а четырехлетний мальчик, в свою очередь, засмеялся и бесцеремонно схватил его поперек живота, но престарелый кот не пикнул и терпеливо висел, и даже зажмурился и замурчал, как будто ему было приятно свешиваться, поделившись надвое, в таком почтенном возрасте, но коты – они народ мудрый и понимают, с кем имеют дело.

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО МОНАХА

Как-то старый монах пробирался с коробкой собранных мелких денег домой, в горный монастырь.

В монастыре, удаленном от всех дорог, дела шли плохо. Воду приходилось брать в речке глубоко в ущелье, пища состояла из огрызков хлеба и сухих лепешек, собранных в виде подаяния в окрестных скупых и безбожных деревушках, и поэтому монахи запасали в лесах дикие плоды и орехи, ягоды и травы, а также искали мед и грибы.

В этой местности для монахов напрасным трудом было бы возделывать огород, обязательно находился кто-либо, кто приходил ночью с лопатой и тележкой на уже созревший урожай – такие были нравы.

Крестьяне поэтому свирепо относились к чужакам и прохожим попрошайкам (к соседям тоже), охраняли свои грядки под ружьем, сторожили семьями, да и потом старались прикопать овощи в подвалах.

Бедняцкий монастырь, стоявший без охраны в глухом лесу, то и дело навещали, окрестным парням нужны были деньги на выпивку, и в конце концов монахи стали обхо-

диться совсем небольшим – жестяные консервные банки для кипятка, кучка соломы на чем спать, рогожи чем прикрываться, а мед и ягоды и прочую лесную добычу они прятали там же, в лесу, в дуплах, на манер белок.

Топили они хворостом, поскольку даже топор и пилу у них отобрали.

Собственно, у монахов и устав был такой – трудиться только на ниве Божией, только для Него, и обходиться тем же, чем обходятся мелкие нехищные существа.

Ни рыбу, ни мясо они поэтому не ели и прославляли каждый день такой жизни.

Но им нужны были мелкие деньги на свечи, на масло для самодельных жестяных лампад, на ремонт крыши, скажем, или иногда надо было помочь совсем уже несчастным беднякам купить, к примеру, лекарство.

Чтобы иконы не крали, монахи расписали свой храм по мокрой штукатурке, расписали столь дивно, что были попытки вырубить эти росписи, но напрасен оказался такой зверский труд – для него нужны были музейные навыки, любовь к труду, осторожность: а когда же бандит бывает трудолюбив?

Зимой начиналась стужа, хворосту не хватало, а ломать живые ветки обитатели монастыря не хотели. Но голод и холод для монаха не беда, а благо, и маленький монастырь в зимние месяцы к тому же отдыхал от воров.

Кто же потащится сквозь снега в гору, в обледеневший храм – хотя каждое утро монахи звонили, не в колокол, его у них сволокли и продали как цветной металлолом, а в железную балку.

Она была старинная, на ней и висел раньше колокол, и местные трудяги-ворюги как ни махали киркой, так и не добыли балку.

Монахи же били по балке секретным железным ломом, который с предосторожностями прятали, он у них был единственным орудием для защиты, скажем, от диких зверей, для обкалывания льда в замерзающем ручье, для прорубания тропы в скалах.

Да и не больно охотились за этим ломом местные, его волочь по горам мало было охотников, а продажа принесла бы гроши.

Так что каждое утро из монастыря по окрестным деревням разносился заунывный звон лома о балку, но никто в той местности был не дурак тащиться на молитву.

Кто же зовет врача здоровому, кто чинит неломаное, к чему хлопотать перед Богом, если все в ажуре?

Отпевать – да, крестить, в праздничек возжечь свечу – это святое, а просто так бить лбом и махать рукой никто тут не собирался, за небольшим исключением в виде десятка глухих старух и парочки богомольных теток, которым, видно, нечего было делать. Еще таскались к монахам те, кто предавался горю, но горе вещь преходящая, глядишь – и оклемался человек.

В храме зато молились сами монахи, молились за все население, отмаливали чужие грехи.

Монастырь жил спокойно, дружно и в молчании, а настоятель монастыря, старик Трифон, больше всего печалился о том, что дни его приходят к концу, и некому будет вести монахов дальше – остальные жители монастыря не желали быть главными, почитали себя недостойными, даже и осуждали всякую мысль о власти над другими.

Старый Трифон говорил с Богом все время, непрерывно, его никто не отвлекал от этого занятия, разве что в праздники.

Праздники местный народ обожал, все сбредались, даже тащили вино и закуски, и располагались табором по лесу, и монахи долго потом приводили местность в порядок.

Кроме того, свадьбы и похороны, а также крестины полагалось отмечать тоже у монахов.

Хотя таскаться в такую даль народ не обожал – уже давно и упорно поговаривали о том, чтобы заделать в центральном селе филиал, там ставить покойников, там крестить и венчать – а больше храм ни на что и не нужен.

Сварганить часовню, и дело с концом.

По несчастью, для этого нужно было бы потратиться, а тратиться, да еще коллективно, местный житель не любил, вокруг такого сбора денег всегда начиналось повальное воровство.

Так что иногда даже звали Трифона, и он шел, отпевал, хоронил, а затем обходил дома и собирал милостыню на монастырь.

Людишки подавали святому старцу неохотно, подозревая его в том, в чем подозревали сами себя: то есть в стремлении обогатиться за чужой счет.

Нельзя сказать, что народ на равнине бедствовал, дела шли неплохо, давно не было войн, пожаров, наводнений, засухи, всеобщего мора, скот плодился, огороды давали обильный урожай, и винные цистерны не пустовали.

Можно сказать, что благоденствие снизошло на этот край.

Хотя в том, что касается обычаев и порядков, тут не все было благополучно: к примеру, в данной местности не любили больных, просто не терпели их, считая дармоедами.

Особенно если больной был чужой, не свой – допустим, сосед или дальний родственник.

Своих как-то еще терпели, хотя и не слишком. Как кто заболевал, тут же его и начинали обвинять, сам виноват. Лекарства дороговатеньки, врачу надо платить, так что лечили народными методами, отворяли кровь, а потом в баню, крепко попарить, а то и просто уводили в лес и оставляли там. Считалось, что если кто умрет в лесу, то прямиком попадет в рай.

Таких оставленных навещали монахи, кого было можно – переносили к себе, но что они могли дать умирающим – кипяток с сухой ягодой, ложку меда...

Люди внизу, в селениях, этого не одобряли, крепкий и простой человечишка как будто не предвидел, что когда-нибудь и ему придется лечь в лесу на мох и ждать там смерти.

Старый монах бродил без устали по дорогам, заходил в села, в городки, стоял на солнцепеке или на морозе, маленький и иссохший, и шептал молитву, и в его коробку скудно капала мелочь.

Кстати, нищих в тех краях просто не выносили и вместо подаяния донимали издевательскими вопросами и поучениями.

Но на все вопросы (действительно ли он монах, и крепко ли приклеена его борода, и не цыган ли он переодетый, и не понесет ли он чужой, заработанный кровью и потом пятак тут же в кабачок на пропитие) Трифон отвечал как-то издалека, молитвой, обиняками, шутками.

Его даже специально ходили слушать местные весельчаки, они довольно хохотали, услышав слова молитвы, как будто это был просто удачный способ увернуться и оправдаться.

Монах и спал там же, где просил, в ямке, как собачонка, не уходя с одного места по нескольку суток – и уже к вечеру первого дня сердобольные бабы (в семье не без урода) приносили ему в передниках, чтобы никто не видел, куски хлеба, огородные плоды, а то и чашку горячей каши.

Некоторые на ночь глядя укрывали его, спящего, мешковиной, особенно если шел дождь.

Некоторые оставались около него посидеть, пожаловаться на жизнь, помолиться.

Однажды такой поход вниз, в городок, завершился плачевно – Трифон почти не собрал денег, да еще и както ночью двое прохожих отобрали у него коробку с мелочью – притиснули к земле, зашарили грубыми руками за пазухой, а когда он сказал «Господь с вами», они просто стукнули его по голове, вытащили копилку и унесли.

Трифону жаль было коробку, ее много лет назад сделал перед смертью прежний настоятель монастыря, святой старец Антоний.

Лежа побитый на земле, он слышал, как воры за углом подрались, кому открывать ларчик, уронили его, мелочь

рассыпались, они стали светить зажигалкой, увидели свой ничтожный улов, обозлились и вернулись, чтобы вытрясти из старика его богатства. Они стащили с него рясу, стали ее ощупывать, ничего опять не обнаружили и тут начали бить старика ногами, всерьез.

Они оставили его в живых, но к утру, когда Трифон очнулся, он увидел, что ряса его порвана в клочья, а шкатулка растоптана.

Старик поднялся, собрал в горсть те мелкие монеты, которыми побрезговали бандюги, завязал их в клочок рясы, куском побольше подпоясался и в таком виде, окровавленный и грязный, потащился к реке омыть свои раны.

Там его узнали ранние прачки, они ужаснулись, отвели его к одной доброй старухе, и та стала его лечить, сшила ему новую ряску из мешковины и велела уходить из городка – защиты тут ему было не найти.

Двое ночных разбойников были известны всему городу, они давно гуляли как хотели по улицам, грабя и убивая, и их никто не трогал, так как папаша одного из них работал судьей.

Судья выпер родного сыночка из дому за домашнее воровство, и тогда блудный пащенок решил опозорить отца и сесть в тюрьму – после чего судью бы тоже выгнали с его почетной должности.

Однако папаня не желал расставаться с хлебным местом, и потому было дано указание не обращать никакого внимания на баловство судьенка. Решили не поддаваться на провокации и не арестовывать такого фокусника.

Где нет судьи, там ходит смерть – и смерть поселилась в городке. Избитые умирали без суда и следствия, на улице или в знаменитом Райском лесу. Все боялись искать правды, никто не жаловался на разбой и грабежи, потому что самих жалобщиков как раз арестовывали и увозили из городка куда-то.

Монах много разного узнал, лежа на соломенном тюфяке в доме доброй старухи, ему даже рассказали, что ря-

дом живет безутешная женщина, мужа которой убили, когда он поздним вечером нес ребенка к врачу в другой город. Сама мать лежала дома тоже в горячке. И, видимо, его встретила на дороге та страшная парочка, их звали Белый и Рыжий.

До утра кричал больной малыш у трупа отца, а затем их нашла мать, которая, не дождавшись мужа с ребенком, кое-как встала и пошла по той же дороге, а именно в соседний город в больницу.

Теперь эта женщина, похоронив убитого мужа, осталась без кормильца, да и ребенок так и не поправился, и она теперь сидела нарочно у городского суда и просила милостыню на глазах у всех, а люди боялись подавать ей деньги.

Монах, как только начал подниматься, тут же пошел к зданию суда и отдал свой нищий узелок с монетами той женщине, и сказал при этом:

– Завтра утром трогайтесь в путь вдвоем по направлению к горному монастырю по той дороге, которая идет над рекой. У большого камня мы встретимся, я там буду лежать на спине, около молодой елки. Сначала со мной будут двое молодых ребят, Белый и Рыжий, и я буду лежать с ножом, когда придешь ты. Ты должна быть там около меня в течение тридцати дней. Через месяц твой ребеночек поправится.

Молодая нищенка прижала к груди узелок с монетками и поцеловала край рясы монаха.

А он пошел бродить по городку и в конце концов нашел что искал – кабак на окраине.

Там сидели два молодых негодяя в крикливых ковбойских костюмах, блондин и рыжий, с золотыми цепями всюду где возможно, а вокруг них носились тени убитых – этого не видел никто кроме монаха.

Тени убитых носились печально и тихо – маленькие тени детей, тени девушек в погребальных платьях, с веночками на голове, согбенные тени стариков, их было множество.

Не зная покоя, пролетали тени двух окровавленных мужчин – этих, видимо, еще не похоронили.

Воры были недовольны, лица их налились тоской и злобой: давно уже никто после захода солнца не выходил на улицу, а если и выходили, то с провожатыми, чуть ли не толпой, да с ружьями. Народ тут был не дурак.

Последний раз удалось убить только двоих – молодой мужик бежал с доктором к рожающей жене, об этом потом шепталась вся округа – и ребенок, пришедший на свет утром, родился уже безотцовщиной.

Но беда заключалась в том, что ни врач, ни его провожатый не имели при себе денег, и сегодня двое шутников с большой дороги оказались без копейки.

Они сидели и пили, им принесли пока что полный графин вина.

Но они знали, что при свете солнца народ не допустит бесплатного ухода из кабака, поднимут крик, сбегутся толпой, чего доброго, побьют, снимут у них все золото с шей и пальцев.

И пока приползут стражи порядка, все будет уже кончено.

Напряжение росло.

Уже вокруг бармена сбилась кучка людей – огромный повар, грубый официант почему-то с топориком в руке и местный дурачок, щетинистый детина с маленькими глазками, большими кулаками и широкой улыбкой.

Тутошний народ не любил сына судьи.

Монах приблизился к двум мрачным посетителям и сел прямо перед ними, буквально за соседний столик.

Он заказал себе стакан вина и громко сказал официанту:

– У тебя будет сдача с золотой монеты? Я иду в монастырь, несу хорошую весть: один грешник завещал нам котелок с золотом!

Официант был не дурак и знал, что монахи все как один жулики, вроде они бедны, вроде они нищие – а живут! А на что, встает вопрос?

Официант криво улыбнулся и сказал:

– Сдачи пока что не будет. Посетители не платят.

– Подожду, спаси тебя Господь, – мирно ответил старик.

И за соседним столиком прекрасно расслышали весь разговор, четыре уха растопырились, десять пальцев сжались.

Когда монах встал, не тронувши своего стакана, и похромал к дверям, официант не пошел вслед за ним, потому что это сделали двое, только что бесплатно выпившие графин вина.

Они на ходу бросили официанту:

– Отдадим вдвое, но завтра.

Тот пожал плечами:

– Я пока не сошел с ума. Оставьте залог, тогда пойдете.

Пока было светло, на дороге попадались прохожие, повозки и автомобили, да и монах был слишком заметной личностью в тех местах, с ним здоровались, он благословлял спины прошедших мимо, ни у кого не было времени болтать о божественном с Трифоном.

Весь город видел, как уходил монах, и весь город знал, что монах несет золото, причем незаработанное, чужое. И что монах пил, выпил бесплатно целый графин, тоже все знали.

И никто не дрогнул, видя, как те двое внаглую, открыто сопровождают монаха десять шагов спустя.

Те двое шли в понятном озлоблении – у них только что в кабаке официант, поигрывая топориком для разделки мяса, отобрал золотую цепь и часы.

Весь город также знал, что те двое вернутся в кабак очень скоро, как только стемнеет.

А монах возвратится в монастырь как был нищий, да еще и с позором и побитый, и так ему и надо.

Но все получилось по-другому.

Рано утром из города вышла женщина, неся на плечах своего неподвижного ребенка.

Она шла твердой походкой и не посторонилась, когда

навстречу ей из лесу шагнули две попачканные кровью фигуры в ковбойских костюмчиках.

Но почему-то женщина с ребенком осталась жива, а вот в пункт охраны порядка заявился сын судьи с жалобой, что он только что убил монаха, а друг тут ни при чем.

Как всегда, его не стали слушать, заскучали, отвернулись и ушли по кабинетам.

Однако же никто не знал, что между женщиной и двумя убийцами там, на дороге, состоялся разговор.

Заступив ей путь, один сказал:

– Куда идет такая молодая?

– Меня ждет монах Трифон, – ответила побледневшая женщина.

– Монах? – переспросили двое и переглянулись.

– Монах Трифон, который просил милостыню.

– Он тебя не ждет, – насмешливо возразил первый и своей рукой с запекшейся под ногтями кровью тронул грудь женщины.

– Он меня ждет, – отстраняясь, возразила она и сняла с плеч ребенка. – Он ждет меня над рекой на верхней дороге под молодой елкой, он лежит на спине с ножом – там, где большой камень.

– Откуда ты знаешь? – спросил первый глухо.

– Он сказал, что вы двое, белый и рыжий, там его встретите... У камня. И он будет там лежать с ножом. – (Тут она внезапно догадалась, что произошло, и твердо закончила): – Вы его там убьете, сказал Трифон, и оставите нож в груди!

– Он так и сказал? – беспокойно смеясь, переспросил рыжий.

– Да! И он велел мне сидеть около него, тридцать дней. Молиться. И потом мой ребенок пойдет.

И она поставила сыночка на дорогу, и ножки его подкосились. Он не мог стоять.

– Прощайте, – сказала женщина, подняла ребенка на плечи и зашагала.

Двое, не глядя друг на друга, пошли в город.

И показания их были настолько упорными и настойчивыми, что через два дня стражи поехали на верхнюю дорогу собирать материал, – однако ничего там они не нашли.

У большого камня под молодой елочкой была просто куча сухой земли, на которой горела копеечная свечка.

Там трое монахов читали молитвы, там бледная как смерть женщина сидела, прижав к себе ребенка, а рядом, на костре, варились грибы в жестяной банке.

Тем не менее двое парней упорствовали, требуя себе смертной казни, они называли место и время убийства и предъявляли свои бурые от крови ногти.

Мало того, они назвали еще сто двадцать три преступления и даже отвели полицию к скупщику краденого, однако этот человек заявил, что он их не знает, хотя охотно вынесет всем бутылку собственного вина из подвала только что построенного дома.

Разбойников выгнали в шею, и они исчезли из города.

Убийства и грабежи прекратились.

Через месяц в город вошли двое – среди бела дня по улице двигалась молодая вдова, она вела за ручку ребенка. Тот шел медленно, но все-таки шел сам!

Мать с ребенком проходили по городу, и встречные женщины, как подсолнухи, поворачивали головы им вслед и застывали так надолго.

– Парень ходит, – шептали рты.

Тут же матери, жены и дочери больных (а таких в городе оказалось немало) узнали о происшедшем чуде, и все они стучались в домик вдовы, и всем она говорила одно и то же – что прожила месяц с ребенком у могилы святого монаха Трифона, что случайно повесила на елку кофточку своего сына, и он тут же поднялся на ножки.

А месяц тому назад она пришла по верхней дороге к большому камню и увидела там лежащего на спине с ножом в груди (он держал нож рукой) умирающего монаха, который очнулся и благословил их, а потом попросил вы-

звать своих товарищей из монастыря, со всеми простился и велел похоронить его тут же у камня.

А самой женщине он ничего не сказал, но она помнила его завещание, прожить месяц около него. Было страшно, что придут двое разбойников, и она все ночи жгла костер, ровно месяц, а потом наступило лето, было совсем жарко, и она повесила кофточку ребенка на ель – и мальчик встал на ножки.

Весь город точно обезумел – ребенка носили из дома в дом, буквально не давая ему ходить, целые процессии тронулись по верхней дороге, везли больных, шли попросить у святого Трифона кто жениха, кто богатства, кто освобождения из тюрьмы, а кто и Божьего наказания обнаглевшему соседу.

Монахи из горного монастыря поставили часовню у святой могилы, к ним стал стекаться народ, тут же мэр города построил гостиницу для приезжих из других мест, наладилась продажа воды из ручья, елку оградили, за вход брали плату, но все это не коснулось монастыря. Монахи его жили все той же жизнью, ничего не ели, а все добро раздавали бедным.

Очень скоро выяснилось, что старец помогает не всем, а только честным, чистым, обездоленным, преимущественно вдовам с детьми. Но шли все кому было нужно, разве остановишь поток – и потом, кто это, скажите, не честный, не чистый и не обездоленный в наше время? И какая древняя старушка не вдова с детьми, спрашивается?

Кстати, число монахов выросло – было пятнадцать, стало семнадцать, и двое новых никогда не показываются людям, они днем и ночью молятся в верхнем храме, не решаясь спуститься вниз по горной дороге к могиле старика, которого они убили и который их спас своей смертью.

СПАСЕННЫЙ

Только в лунные ночи случаются такие происшествия, и в маленьком приморском поселке стали происходить в самую глухую пору странные вещи – вроде бы вырастал сам собой дом из дикого камня, почти крепость, зияющий черными провалами вместо окон и дверей, но высотой в три этажа и под крепкой крышей – он стоял, освещенный луной, и исчезал как призрак с первыми волнами рассвета.

Шалые ночные туристы забредали в эти места, ища острых ощущений, они карабкались по осыпающейся дорожке среди бедных строений, жители спали, и только недостроенный замок торчал, сияя белым камнем, как давно разрушенная крепость, и взирал на полную луну черными дырами, за которыми там, внутри, клубился как бы туман.

Но ночные туристы когда-нибудь да ложились спать, на подстилке под кустом, полные страшных впечатлений, но со временем наступало утро и пора было возвращаться на берег моря, и все выглядело беднее, глупее и проще, и никакой зловещей крепости не громоздилось над бедными выселками.

Однако еще кое-кто знал про исчезающий дом – это был мальчик-старшеклассник, который вставал затемно и шел с сетью к морю.

Каждую ночь он видел недостроенную крепость, но днем, когда он возвращался к себе в холмы с уловом, никакой крепости не было; парень, однако, никого ни о чем не спрашивал, в этих краях лучше было ничем не интересоваться, еще и убьют.

Крепость вполне могла оказаться ночным пристанищем таких сил, которые способны были свободно убирать ее на дневное время.

Его мать, владелица трех коз и клочка сухой земли, работала медсестрой в санатории, собирала травы и знала много чего, но тоже никого в эти дела не посвящала.

Они оба с сыном были не из этих мест, когда-то молоденькая мать выцарапалась из развалин со своим трехлетним ребенком, спасла его во время землетрясения, а муж ее так и остался лежать там, в глубине, в случайной могиле под бетонной горой – в момент подземного толчка он возился с машиной в гараже

Там он, вместе с грудой железа, и остался вопрошать судьбу, уйдя глубоко в бездонную щель, а его жена как только ни мыкалась, где только не надрывалась, бывшая студентка без профессии, однако к зрелым годам все-таки какой-то домишко у нее образовался, сын рос тихим и работящим, видно, его детство осталось там, под камнями, где они с матерью просидели больше суток согнувшись в три погибели, и мать все утешала его, пела песенки, а сама скреблась ногтями, разбирала куски бетона, а земля все вздрагивала. Мать осторожно, стараясь не разбудить нависшую над ними плиту, откладывала камушек за камушком и открыла крошечный лаз наверх, и протиснула туда своего сыночка, а он никуда не ушел от выпустившей его дыры, лежал и плакал, шаря ручкой в узкой норе – мама да мама. Там его по надрывному крику и обнаружили спасатели, хотели унести, но он заверещал, потому что именно в этот момент поймал руку мамы там, внизу.

Один спасатель догадался посмотреть, чем же это защемило ручку младенца, и увидел в глубине, во тьме, несколько окровавленных пальцев. На всякий случай крикнули туда, в щель, и услышали осмысленный ответ, что разбирать нужно осторожно, сижу под нависшей плитой.

Так что мальчик, родившийся в хорошем доме за тысячи километров отсюда, рос под крылом своей молчаливой матери совсем не таким, каким он мог бы вырасти в той, прежней, жизни – он бы там ездил на машине в университет, играл на рояле, жил среди отцовской и дедовой библиотеки – а тут он лазил по скалам, рубил аметистовые жилы на продажу, нырял за раковинами, ловил рыбу, плавал как дельфин и мог на одних руках вскарабкаться на дерево.

Так решила воспитывать его мать, она постановила, что вырастит его человеком, который способен все вынести, любую тяжелую работу, все преодолеть.

Сама она тоже все преодолела, начав строить свой домишко на выселках, в холмах, на улице Палисандр, в том месте, где запрещалось селиться – местные несколько раз поджигали ее сарайчик, старухи предупреждали Лизавету, что место проклятое, но Лизавета так хорошо лечила их детей, что в конце концов ее оставили в покое. Пусть ей будет хуже, решили местные и отступились.

Нигде в другом месте, кстати, ей было бы не построиться – земля тут, на теплом побережье, шла по бешеным ценам.

Поэтому Кита местные сторонились, как прокаженного.

Он ловил рыбу, брал книги в пустовавшей поселковой библиотеке, и мать купила ему в городе дешевую деревянную флейту, пачку нот, кое-что они вместе разобрали в самоучителе, а дальше мальчишка и сам полюбил, сидя в лодке на рассвете далеко от берега, насвистывать Моцарта.

Только товарищей ему не было, поскольку местные ребята и девушки, веселые дети, знали от своих веселых ро-

дителей все что надо и сторонились Лизаветиного сына Кита – и правильно делали.

К Лизавете ходили за травами, за козиным молоком, поскольку ее козы были какие-то не такие, кудрявые, и считалось, что их молоко буквально лечит от кашля.

А свитера, которые Лизавета вязала из пуха своих коз, славились тем, что прогоняли ломоту в костях.

Но у Лизаветы и ее сына было прозвище «спасенные», и в школе Кита так и называли: «Ну ты, спасенный, дай списать».

Их так прозвали, потому что местные туманно помнили историю юной Лизаветы, прибывшей в поселок с сыном – из вещей у них имелся только пакет со справкой, что они спасены при землетрясении.

Но, с другой стороны, это была такая шутка местных – в поселке ходила старая сказка, что когда придет время убийств, против них выйдет один спасенный с крестом в руке.

А убийства начались уже давно: однажды в некотором большом доме на улице Палисандр один брат-колдун извел ребенка другого брата-колдуна, из-за обыкновенной семейной зависти. И хотя вся эта семейка друг друга перебила, а упомянутый дом вскоре сгорел и превратился в развалины, и даже место это было проклято, – но циркулировал упорный слух, что когда вернется кто-нибудь умерший из семейства Палисандр, дом встанет опять, и каждому из поселковых будет дано право на три убийства.

Что же касается Лизаветы, то она получила, как бы в насмешку, участок именно там, в холмах (другая земля нужна была своим).

Однако Кит почему-то знал, что здесь не кончится их жизнь, что она продлится где-то там, вдали, в больших путешествиях, среди иных людей, и поэтому спокойно ловил рыбу на чужой лодке, спокойно отдавал хозяйке этой старой посудины половину своего улова, а другую половину нес домой коптить для продажи: он всему был научен. И его мать умела все.

У нее только не было сил возвращаться в прежнюю жизнь, где она была дочерью врача и сама уже почти врач...

Все ее родные погибли в ту ночь, на их костях возник новый город, понаехало строителей, и Лиза, сбежав оттуда, теперь боялась этого города и его новых жителей.

После больницы ее устроили медсестрой подальше от катастрофы, в детский лагерь на берегу моря, и она так там и осталась...

Таким образом, молодой рыбак Кит каждую ночь видел исчезающий дом, прямо через дорогу от собственной ржавой калитки – но всякий раз, выходя на дорогу, он торопился к морю, тем более что ночи стояли здесь темные, и Кит не мог рассмотреть подробно, что это за дом – и не белеет ли это туча над обрывом. А затем в соседний залив вошла огромная стая местной рыбы-собаки, и Кит выходил на лов уже с вечера.

Но настала первая ясная ночь, и дом явственно возник под неверным, обманчивым лунным светом.

Кит собрался, как обычно, промчаться мимо, спеша вниз по дороге к морю, но вдруг он заметил наверху, в черном проеме пустого окна, что-то удлиненное и блестящее, похожее на рыбку в воде.

Он остановился, держа сеть на плече.

На подоконнике лежала ослепительно белая рука, видная по локоть.

Кит, как на магните, приближался к дому.

Рука выступала из тьмы и сияла в лунном луче там, высоко, под самой крышей, в окне третьего этажа. Она выглядела сверкающей, как будто была сделана из отполированного мрамора. Как экспонат в музее, где Кит бывал с матерью на каникулах.

Кит, добытчик в семье, не мог пройти мимо такого сокровища.

Никакая отдельно лежащая рука его не пугала.

Он начал искать путь вверх по стене.

Кит вообще не боялся ничего. Он тренировал себя, блуждая по горам в поисках хороших камней, устремлялся по опасным карнизам, которые могли сойти на нет над пропастью. Он спокойно ходил среди дикой приморской шпаны, как олень ходит среди львов: это была для него привычная среда обитания. Он учился, кстати, у своего кота Мура, который при виде собак садился неподвижно как тумбочка, никогда от них не убегал и дожил до почтенного уже возраста невредимым.

Кстати, Мур, следовавший за своим господином куда угодно, не выносил берега моря. Там приходилось то и дело сидеть тумбочкой – у прибрежных ресторанов ходили в поисках милостыни вредные собаки.

Итак, Кит немедленно повесил сеть с внутренней стороны своего забора и кошачьим шагом бесшумно пересек каменистую дорогу.

Затем он сунул голову в дверной проем и обнаружил там полную пустоту до самой крыши – собственно, ничего другого ожидать было нельзя, только свет месяца заполнял тьму, туманными пучками лился внутрь, слегка клубясь...

Кит нашел, пошарив глазами, то окно наверху – и внезапно в этом косом прямоугольнике возникла темная тень: как бы приподнялась рука и помахала. Маленькая, узкая рука с длинными пальцами... И опять бессильно легла.

Кит выскочил к своей калитке – сияющая длинная рыбка все так же лежала в оконном проеме.

«Мало спал», – решил юнец и кинулся снова в дом. За ним, отчаянно мяукая, выскочил из дырки в заборе кот Мур.

Мур, кстати сказать, очень любил своего хозяина и не выносил разлуки с ним – особенно когда Кит закрывал за собой дверь, готовя уроки. Или уходил из дому. Мур преследовал Кита даже в горах, объявлялся в самом неподходящем месте, например, на скале, куда Кит лез, и отчаянно орал сверху, взывая о спасении.

Приходилось фукать на Мура. После такого фуканья Мур обижался (видимо, на кошачьем языке это страшное оскорбление) и исчезал на полдня.

Итак, Кит фукнул на кота, уцепился своими сильными пальцами за нижний подоконник, подтянулся и пополз по вертикальной стене вверх. Для опытного скалолаза в каменной кладке всегда найдется трещина и выступ, а в своей погоне за аметистами в горах, среди потухших вулканов, вдруг заметив далеко вверху слом каменной жилы и стеклянный фиолетовый блеск, он добирался до нужного места иногда только на руках, болтая ногами вне опоры и находя ее где-то сбоку и выше.

У Кита, кстати, была лучшая коллекция местных камней, о которой никто не подозревал – дребедень он сбывал местным ювелирам.

Короче, голова Кита появилась на уровне того самого подоконника, но он был пуст – рука теперь висела в пустом и темном пространстве, она указывала куда-то пальцем.

Кит присел на парапет окна и, само собой разумеется, посмотрел туда, куда направлен был палец.

Как раз там, в туманной темной дали, в горах, плавилась яркая белая точка, как фокус в стеклянной лупе под солнцем.

Мальчик присмотрелся к точке, подрассчитал расстояние и понял, что светится что-то на скале, известной в местных кругах как Вражье Копыто.

Рука сама собой растаяла, и Кит немедленно спустился и рысью понесся вон из поселка по горной тропе.

Через час пути он сидел на вершине Копыта, однако никакого сияния здесь не наблюдалось.

Все еще стояла светлая лунная ночь, на горизонте виднелась белая вертикальная полоса – это была лунная дорожка на невидимом море.

Надо было спускаться. Вот примерещилось-то!

Однако он вдруг расслышал чей-то возглас, похожий на стон, склонился над пропастью и увидел там, в густом мраке, маленькую белую руку, вцепившуюся в камень под ногами Кита, на расстоянии двух метров.

Кит потянулся вниз и поймал эту скрюченную руку как раз в тот момент, когда загремела мелкая осыпь из-под ног прилипшего к стене существа...

Кит спустился вместе с этим существом, повисшим у него на плече, и ему пришлось нести бесчувственное тельце назад, и уже на тропе по ту сторону ущелья он рассмотрел раскаленную точку на покинутой им скале – она сияла точно на том месте, откуда недавно отвалился последний камешек, за который держалась бедная девочка – а это была девочка у него на плече, худенькая, с каким-то туманным лицом в свете луны.

Тем временем точка заелозила на далеком камне, сорвалась и стала зигзагами шарить по скалам.

Кит даже опустил свою ношу на тропу, так его заинтересовала пляска этого лунного зайчика.

Точка тем временем подобралась ближе и вдруг прыгнула на девочку, заметалась, кинулась ей в глаза и скакнула к морю.

Девочка встрепенулась, вскочила и помчалась за мелкой огненной искрой, не открывая глаз.

Кит, разумеется, ринулся следом.

Но девочка неслась как вихрь, долетела до ближайшей дороги, там стоял темный, без фар, автомобиль.

Хлопнула дверца, машина взревела, все исчезло.

Кит пошел домой, забрал свой невод и двинулся вниз к лодке, однако драгоценное время было упущено, близился рассвет, и удачливый в обычные дни Кит зря закидывал сеть и насвистывал Моцарта, рыба ушла.

Следующую ночь Кит встретил у своей калитки – и медленно, как вздымающееся над горой облако, возник дом, и на третьем этаже в проеме окна, не таясь, появилась рука – она указывала перстом в море.

Кит быстро оказался в своей лодке и стал грести со скоростью заводной игрушки, со скоростью биения ходиков на кухне, но сердце его колотилось еще быстрее.

В том месте, где плавилось в волнах белое сияние световой точки, Кит остановил лодку и стал смотреть вокруг – но волны были пустынны.

Тогда Кит сообразил и нырнул, поскольку заметил, что точка дымится на глубине. Кит нырял зверски, ловил рапанов как японская девушка ама, он прочесал все пространство вокруг лодки – и все безрезультатно.

И только когда Кит нырнул вертикально ко дну, он увидел громадный белый сверток, который, кружась, уходил, несомый течением в самую бездну.

Кит устремился за этим страшным коконом, ухватил развевающийся край ткани и подтянулся к телу (а это было тело, завернутое с головой).

Но что-то мешало ему поднять свою ношу наверх – это был луч от пляшущего вверху светового пятна. На нем, как на острие, была наколота белая фигура, и луч вел ее в глубины.

Кит извернулся, выскочил наружу, вдохнул и опять бросился – но теперь уже наперерез лучу, стараясь спускаться, держа его на собственной спине.

Связь светового копья и тела, таким образом, прервалась – тело болталось в воде, уже как бы обмякнув, и Кит умудрился обхватить утопленника и, держа его под собой, выплыть наверх к лодке.

Много времени ушло на разматывание белого кокона, Кит долго разворачивал плотные влажные пелены, пока наконец не показалось лицо с широко открытыми глазами.

Это была все та же девушка, вчерашняя малютка, но теперь уже совсем без признаков жизни.

Кит, приморской обитатель, знал, как делается искусственное дыхание, и очень скоро девушка задрожала, извергла из уст массу воды, закашлялась и закрыла глаза.

Лодка мчалась к берегу, а фокус света остался бессмыс-

ленно покоиться в волнах, как поплавок при неудачной рыбалке.

Кит греб спиной к берегу и все время видел пятнышко в море, видел и как оно резко засияло, вырвавшись из воды, как заметалось и во мгновение ока, не успел гребец и моргнуть, очутилось на голове у полусидящей в лодке девушки.

Источник света был все там же, где-то на высоком берегу.

Дева вздрогнула, напряглась, выпрыгнула из лодки и помчалась по мелким волнам к земле.

Но уж тут у Кита не было равных, в гонке по мелководью.

Он только должен был затащить лодку на берег, чужую лодку, которая стоила слишком дорого для бедной матери Кита.

В несколько прыжков Кит перегнал бегунью и грудью пересек путь луча.

Девушка остановилась, хрипло дыша.

Кит взял ее за руку и повел за собой, луч прыгал и метался, ища свою жертву и не находя ее, и Кит тоже прыгал, как кот, играющий с мышью.

Они шли все выше, все дальше от моря, и наконец Кит выбрался на дорогу, которая вела к его дому.

На этом шоссе стояла все та же машина, изнутри которой, из-за темного стекла, пылал узкий, как лезвие, луч, ровный по всей длине (странно, и вдали он тоже не распыляется, подумал Кит).

Кит, вилял, прятался в кусты, поскольку луч ощутимо прожигал, как крапивой, его грудь, но луч находил его. При последнем подъеме пришлось даже бежать, чтобы скорее понять что делать.

Девушка за спиной у Кита начала, видимо, просыпаться, стала выдергивать свою руку из ладони Кита.

Луч тоже заметался, заплясал в воздухе, как бы выписывая крупные буквы.

Но у Кита была довольно мощная грудная клетка, а девушка была маленькая. Луч вилял напрасно.

Азарт защитника проснулся в до сей поры спокойном Ките.

Однако он все-таки сделал ошибку, решив открыть дверь машины и хорошо вмазать невидимому убийце.

Луч тут же уперся в открывшуюся на момент девушку, она шарахнулась с безумной силой, вырвалась из железной руки Кита, прыгнула с другой стороны к машине – раздался щелчок открываемой дверцы, стук, рев, и автомобиль исчез.

Единственное, что все-таки рассмотрел Кит, бросившись вслед за девушкой к открываемой дверце – что внутри машины никого не было.

Там не было ни руля, ни сидений.

Там клубилась тьма.

Она на мгновение вырвалась из дверцы и отбросила Кита как бы мощным ударом.

Он очнулся уже при свете утра в придорожном рву и с пустыми руками поплелся к своему дому.

На следующий день, перед рассветом, он ушел в море при плохой погоде, но ведь улова не было уже несколько дней, – и внезапно ему посчастливилось: он увидел какое-то легкое свечение на волнах, стал грести туда, и стая странной, невиданной рыбы пошла плясать вокруг его лодки. Вода просто вскипала.

Однако наловил он немного, всего штуки четыре – рыба ушла так же внезапно, как и появилась.

Да еще и на берегу его поджидала неприятность.

Когда он нес свой улов, его застукали три всем известных друга – это был страшный рассветный час, когда сон от них ушел, хмель выветривался, вызывая дрожь во всех конечностях, включая голову, когда вся их загубленная, пропащая жизнь требовала ответа на главный вопрос: где найти выпить.

Они попросили у Кита немного денег или часы.

Такого еще не бывало в поселке.

Кит ответил им как надо, незаметно сняв с руки часы за спиной.

Кит давно не нравился трем приятелям, и они обрадовались поводу слегка его поучить, как надо вести себя со старшими.

Готовясь к обороне, Кит незаметно нагнулся и спрятал часы за большим камнем, где обычно привязывал свою лодку.

Потом он посмотрел наверх, в холмы, на улицу Палисандр, где жила его мать. Не то чтобы он ждал оттуда спасения, нет. Он посмотрел туда, ища глазами мать. И вдруг он увидел, что в холмах стоит новый высокий белый дом, абсолютно явственный.

Трое друзей тоже оглянулись и тоже увидели дом.

– Ну все, каждому разрешено по три убийства, – сказал самый страшный друг, а остальные двое засмеялись.

Они окружили его, и Кит получил первый удар, под дых.

Когда его кровь уже начала уходить в песок, а денег и часов не нашлось, парни засомневались, следует ли оставлять Кита в таком виде наружи, на поверхности земли. Пока что они столкнули лодку в море, озабоченно перекрикиваясь: пусть думают, что малый ушел и не вернулся. Улов они вытащили, все-таки приморские были ребята, знали толк в рыбе, а эта оказалась крупная и нездешняя.

Кита надо было бы так же столкнуть в волны.

Однако на берегу уже появились какие-то люди, и трое приятелей заботливо, с криком «Ох, говорили ему» поволокли Кита (как мертвецки пьяного) с собой и, оглянувшись, отнесли его и закрыли в подвале спасательной станции.

Они как раз подрабатывали спасателями раз в трое суток.

Затем, все еще посмеиваясь, они позвонили дружку трактористу насчет выпивки и в ожидании пустили красивую, крупную рыбу на жареху, а спустя небольшое время приехал на тракторе этот друг с рыбозавода – и не без бутылки.

Все обрадовались.

Тракторист увидел улов.

– Чо, привезли откуда? – спросил он.

– Наловил один чудак, – ответили ему.

– Не, у нас такой тут нету, – возразил тракторист.

– У вас нету, а у нас вот имеется, – сказал самый страшный шутник, так и завершился этот разговор.

Компания из четырех приятелей выпила спирт и закусила жареной рыбкой (тракторист отказался), после чего данный тракторист вынужден был свезти этих друзей в лазарет, где они быстро отправились в лучший мир.

В поселке зашумели: три смерти в один вечер!

Многие смотрели в сторону улицы Палисандр, где возвышался белый, плотный как грозовая туча новый дом.

Многие стали точить ножи и варить травку, опасную травку цикуту.

В полдень того же дня мать Кита встревожилась и сбегала к хозяйке лодки. Они вместе спустились к морю. Лодки не было. Хозяйка сразу заподозрила, что Кит не вернулся.

Но мать тут же увидела, что на обычном месте, где Кит швартовался, лежит, полузарывшись в песок, его шлепка – старенькая, резиновая вьетнамка, он ходил летом в этой обуви.

Она стала перерывать все вокруг и увидела часы – аккуратно снятые, ремешок целый, лежат свернутые. Сын специально их сюда положил. Он очень ценил эти водонепроницаемые часы, он сам их купил.

Под набережной валялась вторая шлепка.

Поэтому Лиза поняла, что Кит не в море.

Она стала искать следы на пляже, ничего не нашла, все было истоптано загорающими, – а к вечеру сообразила, сама себе кивнула и принесла на берег старого кота.

Мур дико испугался шумного моря, вздыбил шерсть на бегущую мимо собачку, но хозяйка взяла его на руки и до ночи ходила с ним вдоль пляжа и у домов, успокаивая серенького.

Вблизи лодочной станции кот стал вырываться, прыгнул наземь и начал орать у какой-то железной дверки.

Мало того, он лег и лапой стал поддевать дверку – он делал так обычно, просясь к Киту.

Дверь открыли новые спасатели, проникли в подвал, вызвали «скорую», вытащили умирающего, мать сидела в больнице у сына неделю, причем Кит в бреду упоминал какой-то луч в море и рыб, приплывших на этот луч.

– Зачем-зачем я, – говорил он.

Спустя неделю она перевезла его домой, и там, в дальней комнатушке, она стала выпаивать Кита отварами трав и молоком, а напротив их калитки уже вовсю ворочался подъемный кран – там строили еще и гараж в добавление к трехэтажному дому из дикого камня, который возник буквально за одну ночь.

Однажды на рассвете, когда Кит стал выздоравливать и открыл глаза, он встал, вышел на крылечко и увидел этот дом, огромный, как грозовая туча – уже с окнами и дверями, даже с занавесками. И на третьем этаже, в крайнем окне светилась лампа.

Притянутый непонятной силой, Кит подошел поближе и стал глядеть наверх.

Там, за приоткрытым окном, на стене, был виден портрет молодой женщины.

Это лицо Кит уже видел дважды в своей жизни – в те ночи, когда луч играл свою непонятную игру с горами и волнами, пытаясь погубить девушку.

На стене висел именно ее портрет.

Но это было не совсем то же лицо – как будто бы лет на пять постарше.

На портрете молодая женщина сидела в окне, положив свою белую руку на подоконник.

Кит вернулся к себе, а мать уже знала, что он выздоровел, и молилась перед иконой.

Потом она зашла к нему и рассказала, что ей удалось устроиться в построенный напротив дом убирать, платить будут хорошо. Хозяйка оказалась женщиной поря-

дочной, даже интересовалась здоровьем Кита, откуда-то узнав его имя. Даже дала ей коробку витаминов для него.

(Лиза сходила и закопала эти витамины на местном кладбище, неизвестно почему. То есть она думала, что в любом другом месте вдруг да кто-то лет сто спустя начнет копать колодец или что-то сажать – а на кладбище и так уже все умершие, и яд им не повредит. Со времен землетрясения Лиза хорошо предчувствовала последствия тех или иных человеческих действий. Кроме того, Лиза просто была очень умная, она уже убирала в доме и видела на третьем этаже больную девочку – эти же витамины стояли на ее столике).

В следующий раз, придя убирать к больной, она заварила ей своего чаю и заставила выпить две кружки:

– Так будет вам лучше, – сказала Лиза.

Уже с первого дня было видно, что хозяйка пичкает лекарствами свою молодую дочь с безбрежной щедростью.

Как бы в ответ на такую заботу больная хирела просто на глазах.

Или это была не ее дочь, уж больно они были непохожи; кроме того, судя по разнице в возрасте, такая мамаша должна была родить такую дочь лет в одиннадцать: больной на вид шестнадцать, а матери в лучшем случае двадцать семь.

Лиза также пыталась поить девочку козьим молоком, но это было сурово запрещено, раз и навсегда. Молоко было выплеснуто в раковину в бешенстве.

Молодая хозяйка все время жаловалась: на то, что все уползает из рук, что разбита жизнь, что как-то так происходит, но сил хватает только на три раза (Лиза сообразила, о чем идет речь, но кивнула с сочувствием).

– Только на три раза! – с силой, но горестно восклицала женщина. – И вторая попытка не удалась, вы подумайте! А те три парня, это уже пришла власть убийц. Это не считается. Это знаменитая рыба, ее надо знать. Рыба фугу.

А Кит вечером смотрел из своего сада, с раскладушки, на еле светящееся окно под крышей дома напротив.

Лампа озаряла портрет на стене и узкую белую руку нарисованной дамы.

В обязанности Лизы входило после ежедневной уборки кормить обессиленную больную (в основном лекарствами), сама Палисандрия к девочке не прикасалась, в кухню не заходила и никогда ничего не ела. («У меня такая диета», – со смехом говорила эта слишком молодая мать.)

Однажды днем, латая сети в тени своего грецкого ореха, Кит увидел, что от дома отъезжает знакомая черная машина. Лиза, которая варила варенье, встрепенулась, сняла кастрюлю с плиты, нащупала в кармане ключи, взяла с полки бутылочку с настоем и сказала Киту:

– Что-то случилось. Я схожу.

– Я с тобой, – откликнулся Кит.

Они пошли к большому дому, но ни один ключ не открыл двери.

Лиза стучалась напрасно.

Тогда Кит посмотрел вверх, где окно третьего этажа было, как всегда, открыто, и увидел, что на подоконник опустилась ворона, а две другие сели на карниз крыши.

Кит ослабел за последнее время, но если кто научился взбираться на отвесную стену, то это остается у него навсегда (как остается умение плавать). Так, по крайней мере, думал сам Кит.

Он уже как будто не раз лазил на эту именно стену.

Не очень скоро Кит оказался на третьем этаже, влез в окно, затем быстро выглянул и сказал:

– По-моему, все.

– Попробуй открыть дверь, – ответила Лиза, забежала к себе, прихватила икону и встала у подъезда большого дома.

Кит возился с замком по ту сторону и наконец нашел какие-то тайные защелки. Дверь открылась.

Они поднялись по лестнице в ту комнату, где лежала умершая девушка.

Наверху Лиза вдруг решила:

– Нет, здесь не годится.

Вдвоем они подняли тощее, бездыханное тельце и понесли к себе в дом.

Лиза велела Киту вскипятить воды и стала делать искусственное дыхание, прижавшись ртом ко рту девушки.

Кит сидел, читая медицинский справочник, главу «Реанимирование».

Он не умел плакать, но во рту у него было горько и сухо, а сердце билось где-то в районе желудка и горело огнем.

Это была та самая девушка, которую он дважды спасал.

Тут мать коротко крикнула:

– Дай воды!

Он отнес чайник и увидел, что девушка дышит, а мать растворяет какой-то истолченный травяной порошок в мисочке с кипятком и осторожно, ложечкой, поит больную.

Так пролетело время.

И тут Кит заметил на своем окне, занавешенном плотной портьерой, пляску какого-то как бы луча карманного фонарика.

Он сказал матери:

– Беги и спрячься подальше.

Лиза знала своего сына и мгновенно исчезла.

Лучик пробивался сквозь портьеру, упорно стремясь к телу девушки.

Кит двинулся навстречу этому лучу.

Он открыл окно, перешагнул подоконник, и, пошатываясь, как перед сильным ветром, пошел, нанизанный на световое острие, плавящийся конец которого уже начал прожигать ему грудь – а другой конец, вернее, исток – Кит теперь уже это знал – исходил из недр черной машины, той самой машины, битком набитой клубящейся пустотой.

Луч упирался ему в грудь, прямо в нательный крестик, и плясал, стараясь увильнуть.

Кит шел напрямую через заросли и холмы, шел по лучу, иногда проваливался в ямы, но луч оставался все так же туго натянутым, не плясал, не искал никого, стойко упираясь в известную цель – и мальчик мгновенно выскакивал из любой ловушки, чтобы нанизаться на лезвие света и заслонить девушку.

Сколько длилось это путешествие, он не помнил, но вдруг очнулся и увидел, что луча больше нет.

На груди у Кита дымилась глубокая ранка, поверх нее блестел нательный крестик.

Кит стоял уже на верхнем шоссе, у черной машины, а внутри ее, за темными стеклами, клубилась, переворачиваясь, какая-то дымная масса с проблесками как бы искр.

Кит подошел ближе, заглянул в лобовое стекло.

Последний раз блеснуло изнутри, как выстрел, и парень ощутил смертную боль в груди.

Он упал на капот, звякнул его крестик, и Кит, защищая, прикрыл его ладонью, и вдруг стало как-то необыкновенно легко.

Через мгновение Кит стоял у вполне обычной машины и с любопытством заглядывал внутрь – а там было пусто. Ни стекол, ни руля, ни сидений.

Видимо, машина стояла давно, и любители запчастей ее уже всю разобрали по домам, как трудовые муравьи, которые ведь тоже воры, если вдуматься.

Когда он с легкой душой, целый и невредимый (грудь только слегка ломило) спустился к себе, напротив их дома лежала груда камней, приготовленных для стройки. Дворец исчез.

И у дороги валялась засыпанная цементной крошкой картинка в раме.

Кит поднял эту запыленную картину, протер ее и явственно увидел портрет молодой женщины. Ее рука, белая и прекрасная, лежала на подоконнике какого-то неизвестного окна.

Дома было тихо, мать напевала в кухне, постукивала ложечка о кастрюльку.

Он оставил портрет пока что в сенях.

В дальней комнате слышался негромкий голос:

– Ну и что ты пришла, глупая? Зачем ты это делаешь? Выплюнь сейчас же!

Кит осторожно заглянул в полуотворенную дверь.

На кровати лежала девушка и вела разговор с кем-то невидимым.

Кит сдвинулся влево и увидел младшую козу Зорьку, которая беззвучно жевала скатерть.

Что касается Мура, то он находился на столе, что ему было категорически запрещено, спина коромыслом, и стоячими от возмущения глазами смотрел на козу, которая выедала из-под него скатерть.

Кот даже тихо сказал ругательное «фук», коза не расслышала.

Тут явилась мама Лиза с очередным чаем, кот спрыгнул и изобразил тумбочку, обмотавшись хвостом, козу увели, и жизнь пошла своим ходом.

Никто ни о чем не спрашивал девушку, пока она однажды сама, извиняясь, не спросила:

– Вы не знаете, у меня ничего не пропало?

– Успокойся, ничего, – ответила Лиза.

– У меня была мачеха...

– Куда-то делась, – сказал Кит. – Как бы испарилась.

– Отец умер, я знаю... Потом ко мне приехала жить мачеха... Предъявила завещание... Моя мама погибла при землетрясении пятнадцать лет назад...

Лиза невольно кашлянула.

– Мачеха показала все – свидетельство о браке, даже свадебные фотографии... Я тоже там была снята, держала букет... Какой-то ужас... Письма папы... Он писал, что должен подготовить свою упрямую дочку к мысли о новой маме... Дочь растет неуправляемой, писал он... Только ты сможешь ее обуздать...

– Не верь, – сказала Лиза.

– Он ей писал «лапа моя». У него и слов таких не было. «И цыпленочку».

– Бред, – откликнулась Лиза.

– У нее имелось отцово завещание. Какое завещание? Он был, правда, уже немолодой, сорок с лишним лет... Но он был крепкий старик! Его так и не нашли в море... Он погиб случайно! «Все движимое и недвижимое завещаю моей жене Палисандрии...» Правда, папина далекая тетя пошла в суд и заявила, что все равно я имею право на сколько-то процентов. Но в завещании было написано – непременное условие на эти мои деньги построить дом именно почему-то здесь... Улица Палисандр... Бывший дом семь...

– Это тут, напротив, – сказала Лиза. – Она называлась Палисандр. Там, говорят, стоял дом, и там один брат убил ребенка другого брата... Дом сгорел в результате. И никому не разрешали селиться на улице Палисандр. И тут построились совсем новые люди, вроде нас, потому что поселковые избегают этого места... Кто-то проклял его, сказал, что если дом вернется на прежнее место, начнется власть убийц. И у каждого будет право на три убийства. Но не своей рукой. Как-то так. С помощью чего-то постороннего. Кто что придумает, кто яд, кто умную клевету. Кто тайное облучение... И один спасенный должен был встать против них, держа в руке крест. Такая легенда.

– Мне очень хотелось убить себя, – сказала девушка. – Я не соглашалась жить с ней, но она поселилась у нас. Мне прописали лекарства. Она привезла меня сюда, к морю. Мы жили на улице Палисандр... Но я убегала и то пыталась сброситься со скалы, то утонуть в море... Меня звал свет, и я чувствовала, что летаю, как бабочка. Последний мой бред, как она мне говорила, был умереть в своей кровати под портретом мамы. И Палисандрия сказала «хорошо», быстро построила дом и дала мне комнату. И повесила там портрет мамы. Чтобы мое желание исполнилось. Этот портрет – единственное что осталось после землетрясения. Мне снилось, что мама протягивает мне руку и спасает меня.

– Так оно и было, – сказал Кит и принес ту самую картину.

Девушка прижала портрет к груди, обвела глазами комнатушку, в которой лежала – по белым стенам здесь висели акварели, в углу горела лампадка под иконой.

– Это теперь твоя комната, – сказала Лизавета.

– Моя комната? – спросила девушка. – Я тут умру?

– Ну как раз, – быстро возразила Лизавета, вешая портрет на гвоздик, как бы специально ждавший этого в центре стены.

Женщина с портрета смотрела туманно и нежно, и ее ослепительно белая рука лежала на подоконнике того окна, которое давно уже истлело где-то в развалинах землетрясения...

СОДЕРЖАНИЕ

В ДОМЕ КТО-ТО ЕСТЬ

7 Лабиринт
21 Где я была
35 Глюк
47 В доме кто-то есть
58 Возможность мениппеи. Три путешествия
83 Дом с фонтаном
91 Новая душа

ЧЕРНОЕ ПАЛЬТО

99 Новые Робинзоны
112 Черное пальто
124 Бог Посейдон
127 Гигиена
137 Два царства
144 Тень жизни
149 Луны
154 Фонарик
158 Новый Гулливер
164 Новый Фауст
172 Чудо
187 Нина Комарова

ПЕСНИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

193 Случай в Сокольниках
195 Рука
198 Материнский привет
202 Новый район
207 Жена
210 В маленьком доме
213 Месть
217 Черный пудель

СКАЗКИ

223 Матушка капуста
229 Золотая тряпка
238 Отец
244 Анна и Мария
253 Котенок Господа Бога
257 За стеной
266 Завещание старого монаха
278 Спасенный

Людмила Стефановна Петрушевская **ГДЕ Я БЫЛА**

Редактор *Е.В.Толкачева*
Художественный редактор *С.А.Виноградова*
Технолог *С.С.Басипова*
Оператор компьютерной верстки *А.В.Волков*
П. корректоры *В.А.Жечков, С.Ф.Лисовский*

Издательская лицензия № 065676
от 13 февраля 1998 года.
Налоговая льгота – общероссийский
классификатор продукции
ОК-005-93, том 2:953000 – книги, брошюры
Подписано в печать 31.01.2002.
Формат 60 × 90/16.
Гарнитура Баскервиль.
Печать офсетная. Объем 19 печ. л.
Тираж 10 000 экз. Изд. № 1768
Заказ № 1935.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена
Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московском предприятии
«Первая Образцовая типография»
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
113054, Москва, Валовая, 28.

Издательство «ВАГРИУС».
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1.
Электронная почта (E-Mail) –
vagrius@vagrius.com

Получить подробную информацию о наших книгах и планах, авторах и художниках, истории издательства, ознакомиться с фрагментами книг, высказать свои пожелания и задать интересующие Вас вопросы Вы сможете, посетив сайт издательства в сети Интернет:
http://www.vagrius.ru

Оптовая торговля:
Эксклюзивный дистрибьютор издательства
ООО «ИКТФ Книжный клуб 36'6»
г. Москва, Рязанский пер., д. 3, 5 этаж
Офис: тел./факс: (095) 265-13-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90
Склад: тел.: (095) 523-25-56, 523-92-63
тел./факс: 523-11-10
Мелкий опт: (095) 265-81-14
E-mail: club366@aha.ru
Интернет: http://www.club366.ru
Переписка: 107078, г. Москва, а/я 245, ООО «ИКТФ Книжный Клуб 36.6»

Оператор для магазинов Москвы КОРФ «У Сытина»:
125183, Москва, проезд Черепановых, д. 56
Тел./факс: (095) 154-30-40
E-mail: shop@kvest.com
Интернет: http://www.kvest.com

Фирменный магазин «36'6 — Книжный двор»:
г. Москва, Рязанский пер., д. 3
Тел.: (095) 265-86-56

ISBN 5-264-00747-0

Издательство ВАГРИУС

ВЫПУСТИЛО КНИГИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПРОЗАИКОВ

Василий Аксенов
Негатив положительного героя
Петр Алешковский
Владимир Чигринцев;
Седьмой чемоданчик
Юз Алешковский
Карусель, Кенгуру и Руру
Чабуа Амирэджиби
Гора Мборгали
Сергей Бабаян
Моя вина
Григорий Бакланов
Мой генерал
Андрей Битов
Неизбежность ненаписанного
Юрий Буйда
Скорее облако, чем птица
Дмитрий Быков
Оправдание
Борис Васильев
Утоли моя печали...;
Картежник и бретер, игрок и дуэлянт;
Глухомань
Михаил Веллер
А вот те шиш!
Марина Вишневецкая
Вышел месяц из тумана
Владимир Войнович
Запах шоколада;
Сказки для взрослых
Эдуард Володарский
Дневник самоубийцы
Андрей Волос
Недвижимость
Александр Генис
Довлатов и окрестности

Анатолий Гладилин
Большой беговой день
Анастасия Гостева
Притон просветленных
Юрий Давыдов
Жемчужины Филда; Бестселлер
Николай Дежнев
В концертном исполнении
Нодар Джин
Учитель
Андрей Дмитриев
Закрытая книга
Борис Екимов
Пиночет
Венедикт Ерофеев
Записки психопата
Фазиль Искандер
Софичка
Александр Кабаков
Последний герой; Самозванец;
Путешествие экстраполятора;
Считается побег
Сергей Каледин
Записки гробокопателя
Николай Климонтович
Последняя газета
Юрий Коваль
Суер-Выер
Андрей Лазарчук
Все, способные держать оружие
Эдуард Лимонов
316, пункт "В"
Дмитрий Липскеров
Сорок лет Чанчжоэ;
Последний сон разума

Издательство ВАГРИУС

ВЫПУСТИЛО КНИГИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПРОЗАИКОВ

Владимир Маканин
Андеграунд, или Герой нашего времени; Удавшийся рассказ о любви

Юрий Малецкий
Привет из Калифорнии

Юрий Мамлеев
Черное зеркало

Наталия Медведева
А у них была страсть...

Митьки
Про заек

Анатолий Найман
Славный конец бесславных поколений; Любовный интерес

Олег Павлов
Казенная сказка

Виктор Пелевин
Жизнь насекомых; Generation "П"

Юрий Петкевич
Явление ангела

Людмила Петрушевская
Дом девушек; Настоящие сказки; Найди меня, сон

Валерий Попов
Очаровательное захолустье

Евгений Попов
Подлинная история "Зеленых музыкантов"

Вячеслав Пьецух
Государственное дитя

Эдвард Радзинский
...и сделалась кровь

Валентин Распутин
В ту же землю

Ирина Ратушинская
Одесситы

Владимир Рецептер
Ностальгия по Японии

Анатолий Рыбаков
Тяжелый песок

Ольга Славникова
Стрекоза, увеличенная до размеров собаки

Алексей Слаповский
День денег

Александр Солженицын
На краях

Людмила Улицкая
Медея и ее дети; Веселые похороны

Борис Хазанов
Город и сны

Марк Харитонов
Возвращение ниоткуда

Александр Хургин
Ночной ковбой

Михаил Шишкин
Взятие Измаила, Всех ожидает одна ночь

Галина Щербакова
Год Алены; Подробности мелких чувств; Моление о Еве

Асар Эппель
Шампиньон моей жизни

Сергей Юрский
Содержимое ящика

Борис Ямпольский
Арбат, режимная улица

Издательство ВАГРИУС

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

Аркадий Арканов
Рукописи возвращаются

Василь Быков
Бедные люди

Николай Климонтович
Далее — везде

Николай Кононов
Магический бестиарий

Екатерина Садур
Обочина желаний

Нина Садур
И тогда я прыгну

Дарья Симонова
Половецкие пляски

В нашей жизни часто происходят вещи, которые не поддаются объяснению, в существование которых верится с трудом.
Новую книгу Людмилы Петрушевской, книгу мистики, составили произведения, где реальное переплетается с нереальным настолько тесно, что грани между ними абсолютно стираются, и уже невозможно понять, было ли все это в действительности или показалось, привиделось.
Но в том-то и секрет мастера, чтобы сделать загадку притягательной, дать возможность насладиться этим путешествием в другой мир и не раскрыть тайны до самого конца — «умный, тонкий, чувствительный читатель» сам все поймет.
Главное в книге — стремление людей спасти друг друга. И, как в большинстве волшебных, колдовских историй, это стремление приводит к счастливому финалу.

ВАГРИУС